

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра немецкой филологии

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ СТРАХ
В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ И
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-21 ВВ.
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Выпускная квалификационная работа

Исполнитель:
Власова Любовь Юрьевна,
Студентка БН-41 группы
очного отделения

Подпись

Квалификационная работа
допущена к защите

Научный руководитель:
Мальцева Инга Геннадьевна
канд. филол. наук, доцент

Руководитель ОПОП
44.03.01 – Педагогическое образование
Профиль: иностранный язык (немецкий)
« ____ » _____ 2017 г.

Подпись

Зав. кафедрой
« ____ » _____ 2017 г.

Екатеринбург 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ	8
1.1. Концепт и художественный концепт	8
1.2. Структура художественного концепта и методики ее описания	10
1.3. Феномен страха	13
1.3. Тенденции и тематика современной немецкоязычной и русскоязычной литературы 20-21 веков	17
Выводы по главе 1.....	22
Глава 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ANGST В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-21 ВВ.....	24
2.1. Творчество В. Брандорфа и Т. Штретера.....	24
2.2. Механизм создания художественного концепта ANGST	27
2.3. Ядро и ближняя периферия художественного концепта ANGST.....	31
2.4. Дальняя периферия художественного концепта ANGST	40
Выводы по главе 2.....	48
Глава 3. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ СТРАХ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-21 ВВ.....	50
3.1. Творчество Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова и Д.А. Тихонова	50
3.2. Механизм создания художественного концепта СТРАХ	54
3.3. Ядро и ближняя периферия художественного концепта СТРАХ.....	58
3.4. Дальняя периферия художественного концепта СТРАХ	66
Выводы по главе 3.....	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	81
ПРИЛОЖЕНИЕ	88
Приложение 1. Ядро ХК ANGST: слово-репрезентант	88

Приложение 2. Ядро ХК ANGST: однокоренные слова	88
Приложение 3. Ближняя периферия ХК ANGST: синонимы.....	89
Приложение 4. Ближняя периферия ХК ANGST: антонимы	100
Приложение 5. Дальняя периферия ХК ANGST	100
Приложение 6. Ядро ХК СТРАХ: слово-репрезентант.....	115
Приложение 7. Ядро ХК СТРАХ: однокоренные слова	115
Приложение 8. Ближняя периферия ХК СТРАХ: синонимы	117
Приложение 9. Ближняя периферия ХК СТРАХ: антонимы	122
Приложение 10. Дальняя периферия ХК СТРАХ.....	122

ВВЕДЕНИЕ

В фокусе нашего исследования находится вербализация художественных концептов **ANGST** и **СТРАХ** в немецкоязычной и русскоязычной литературе 20-21 веков.

Страх является базовой эмоцией, свойственной всем лингвокультурам. Изучение феномена страха с точки зрения лингвистики может дать представление о степени его значимости для той или иной культуры. Одним из носителей актуальной информации о составе языка является художественная литература. В области исследования художественного текста одним из актуальных методов остается концептуальный анализ.

В центре нашего исследования находится понятие художественный концепт. Междисциплинарный характер данного понятия дает возможность рассматривать его под разным ракурсом. Так, предлагаются новые трактовки и методики описания данного явления [Ср.: Соколова 2015; Дрейзис 2013; Васильева 2012]. При описании языковых реализаций художественного концепта можно выявить индивидуальные, общенациональные и историко-литературные особенности видения мира автором. То есть полученные данные дадут информацию как об индивидуальных представлениях автора, так и об общекультурных.

Помимо этого, рассмотрение тематик и тенденций современной литературы позволяет описать состояние современного общества и предопределить дальнейшие векторы его развития.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием сложившихся надежных методик исследования художественных концептов **ANGST** и **СТРАХ** в сопоставительном аспекте на материале современной немецкоязычной и русскоязычной литературы 20-21 веков.

Элемент новизны исследования заключается в том, что предлагается еще один из вариантов методики исследования художественных концептов

на материале современных художественных произведений с привлечением результатов исследований в области психологии, философии и сравнительной концептологии и литературоведения.

Объектом исследования являются художественные концепты ANGST и СТРАХ.

Предметом исследования является вербализация художественных концептов ANGST и СТРАХ.

Цель исследования заключается в выявлении, описании и сопоставлении вербализации художественных концептов ANGST и СТРАХ в немецкоязычной и русскоязычной литературе 20-21 веков.

В соответствии с поставленной целью в работе необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть понятие художественного концепта и методику его описания.
2. Определить специфику понятия «страх», опираясь на его трактовки в философии, психологии и лингвистике.
3. Описать тенденции и тематику немецкоязычной и русскоязычной литературы 20-21 веков.
4. Установить механизм создания художественных концептов ANGST и СТРАХ.
5. Дать характеристику языковой реализации художественных концептов ANGST и СТРАХ на основе методики их описания.
6. Сопоставить языковые реализации художественных концептов ANGST и СТРАХ на основе полученных данных.

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы** исследования:

эмпирические методы: измерение и описание;

общенаучные теоретические методы: анализ и синтез, дедуктивный метод, сравнение, метод сплошной выборки, элементы количественного анализа;

методы социально-гуманитарных наук: биографический метод, описательный метод;

дисциплинарные методы: метод концептуального анализа, метод контекстуального анализа, интерпретационный метод.

Материалом исследования послужили рассказы **В. Брандорффа** «Ich werde dein Herz essen» («Я съем твоё сердце», 1990), «Das Mausoleum» («Мавзолей», 1990), «Die Trägheit des Herzens» («Леность сердца», 1990), «Der Fluch» («Проклятие», 1990); рассказ **Т. Штретера** «Mr. Daniels und ich an der Tankstelle der lebenden Toten» (Мистер Дэниэлс и я на заправке живых мертвецов», 2004); рассказы **Р.А. Канушкина** «Страх», 1990, «Лодка», 1990, «Мальчик Ключев, Гагарин и другие», 1990; рассказ **А.В. Мазина** «Страх», 1993; рассказ **М.Е. Павлова** «Дом на болоте», 2014; рассказ **Д.А. Тихонова** «Сквозь занавес», 2010.

Теоретико-методологическая база исследования сложилась на основе работ по когнитивной лингвистике, сравнительной концептологии и лингвокультурологии (С. А. Аскольдов, Л. В. Грехнева, Е. С. Кубрякова, И.Г. Мальцева, М. В. Пименова, З. Д. Попова, Ю.С. Степанов, И. А. Стернин, Е. В. Туктангулова, Л.Н Чурилина, О. Ю. Шишкина), по литературоведению (И.В. Коваленко, Н.В. Пестова, И.М. Попова, Т.А. Тернова, С.И. Тиминова, Д.А. Чугунов, С.Н. Эрдниева), по философии (Н.А. Бердяев, С.О. Кьеркегор, М. Хайдеггер), а также по психологии (К. Э. Изард, Б. Д. Карвасарский, В.А. Прокофьева, З. Фрейд).

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении представлений о концептуализации и вербализации художественных концептов ANGST и STRAH в немецкой и русской лингвокультуре на основе индивидуально-авторских представлений.

Практическая значимость работы определяет тот факт, что критический анализ художественных произведений с позиций когнитивной лингвистики пополняет теорию и практику лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и литературоведения анализом концептуализации

и вербализации художественных концептов **ANGST** и **СТРАХ** на основе индивидуально-авторских представлений. Результаты исследования могут быть использованы при разработке теоретических курсов по сравнительной типологии, лингвокультурологии, сравнительному литературоведению и межкультурной коммуникации.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены и обсуждены на 7-ой, 8-ой и 9-ой студенческих научно-практических конференциях «Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики» (2015-2017). Содержания выступлений отражены в опубликованных тезисах и статье к данным конференциям. Доклад от 12 апреля 2016 был отмечен сертификатом.

В соответствии с целью и задачами исследования **структура работы** состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего **71** источник.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ

1.1. Концепт и художественный концепт

На сегодняшний день существует достаточно большое количество определений понятия концепт. Так, авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» дают широкое и развернутое определение данному понятию, утверждая, что **концепт** помогает объяснить «единицы ментальных или психических ресурсов сознания», а также «той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [Кубрякова 1997: 89-90]. По мнению учёных, **концепт** это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике». **Концепт** отвечает представлению о смыслах, выступающие в виде «квантов знаний», возникающие при процессе мышления [Там же: 89-90]. Такие ученые, как З. Д. Попова, И. А. Стернин [Ср: Попова, Стернин 2007] аналогично относят концепты к явлениям ментального характера. Также емкое и лаконичное определение представлено В. О. Филипповым. Он рассматривает **концепт**, как «мысленное представление о некотором фрагменте человеческого опыта» [Филиппов 2012: 6].

Многогранность данного понятия дало возможность ученым выделить некоторые типы концептов. Этим занимались такие ученые, как А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов [Ср: Бабушкин 1996; Попова, Стернин 2007; Кубрякова 1996] и др. Для нашего исследования актуальным являются разработки С.А. Аскольдова. Ученый выделяет два типа концептов: **познавательные** и **художественные**. Говоря о **познавательных концептах**, автор акцентирует внимание на том, что к ним «не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное», что не скажешь о художественных концептах. Ведь по мнению ученого,

художественный концепт «чаще всего является комплексом того и другого, т.е. сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [Аскольдов 1997: 269].

Так, последующие ученые, например, Ю. В. Полонская и А. Н. Серебренникова трактуют **художественный концепт** как «эффективный инструмент, с помощью которого исследователь описывает художественный мир писателя и через систему выявленных им концептов постигает особенности авторского восприятия и понимания мира» [Полонская, Серебренникова 2012: 230].

Н. В. Пестова предлагает понимать под художественным концептом «систему и структуру образных контекстов и разноуровневых языковых средств, которыми уникально выражаются объективные и субъективные авторские и читательские представления и суждения о признаках и свойствах объектов и явлений в реальном или фантазийно-ассоциативном мире, а также приемы разрушения суверенности этого мира, диктуемые авторским мировидением» [Пестова 2013: 132].

Помимо этого, нахождение отличий художественного концепта от смежных категорий, может стать ключом для раскрытия данного понятия. Так, удалось выяснить, что существенным отличием является его «признак ценности», то есть актуальность для носителя языка [Зырянова 2015: 200].

Для нашего исследования интерес представляют мнения **Л. В. Грехневой**, определяющей **художественный концепт** как «единицу индивидуальной картины мира писателя, репрезентированную в художественном творчестве, сформировавшуюся на основе индивидуальных, общенациональных и историко-литературных особенностей видения мира» [Грехнева 2014: 130] и **О. Ю. Шишкиной**, рассматривающей **художественный концепт** как «ментально-языковую единицу, которая имеет имя, изначально формируется в сознании поэта/писателя и репрезентируется в художественном произведении (или совокупности произведений) с помощью языковых средств и стилистических приемов

(тропов, повторов) [Шишкина 2003: 11], так как мы будем пользоваться **компиляцией** этих двух определений.

Так, в качестве рабочего определения мы берем следующее: **художественный концепт** – это ментально-языковая единица, имеющая имя, которая сформирована на основе индивидуальных, общенациональных и историко-литературных особенностей видения мира автором и репрезентированная в его художественном творчестве.

Но внимание лингвистов сегодня привлекает не только конечный продукт исследования, то есть концепт, но и сам процесс его создания. Так, концептуализация стала одним из важнейших терминов в исследованиях лингвистов. Л. Н. Чурилина определяет **концептуализацию**, как «процесс познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Чурилина 2009: 93]. Соответственно этот процесс индивидуален для каждого человека с одной стороны, и одновременно имеет общие черты для людей, отнесенных к одной лингвокультуре, с другой, можно предположить, что у носителей разных языков организация мировидения может различаться.

Так, описание структуры художественных концептов СТРАХ и ANGST и процесса их создания на основе немецкоязычной и русскоязычной современной литературы 20-21 вв. позволит нам приблизиться к пониманию художественной языковой картины мира писателей, носителей разных языков.

1.2. Структура художественного концепта и методики ее описания

На сегодняшний день ученые признают концепт как сложную и многомерную категорию, что позволило им выделить в нем определенную структуру.

Многослойность концепта подразумевает наличие «слоев, измерений, компонентов, уровней и пр.» [Кононова 2012: 49-50].

Причиной интереса к исследованию концептов является то, что заключенная в концепте информация многогранна. Она дает сведения об объекте со всех сторон. Так, сегодня стоит вопрос о действенности существующих методик исследования концептов [Ткаченко 2010: <http://www.rusnauka.com>].

Сегодня многие учёные [Ср.: Попова, Стернин 2007; Маслова 2004; Шишкина 2003; Туктангулова 2007] придерживаются в своих методиках модели **полевого описания структуры** концепта.

Полевое описание концепта осуществляется в терминах **ядра и периферии**. «К **ядру** будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы, более абстрактные признаки составят **периферию концепта**» [Попова, Стернин 2002: 16].

Размышляя о слоистой структуре концепта, ученые предлагают метафорическую модель концепта как облака или в виде плода [Попова, Стернин 2001: 61]. Также структуру концепта представляют в виде круга, в его центре находится основное понятие, то есть ядро концепта, а на периферии все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом [Маслова 2004: 42].

При этом нельзя утверждать, что концепт хаотичен. Компоненты концепта упорядочены: каждый последующий слой является более абстрактным предыдущего. Таким образом, предметно-образное ядро концепта достаточно конкретно, при этом периферия может быть предельно абстрактной [Мальцева 2008: 34].

На сегодняшний день существует множество методик описания концептов.

Так, **В. А. Маслова** для описания структуры концепта предлагает определить референтную ситуацию, установить место данного концепта в

языковой картине мира и языковом сознании нации, обратиться к этимологии и учесть ее особенности; сопоставить полученные результаты с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы (ядра концепта) [Маслова 2005: 45-46].

Также интересен подход **М.В. Пименовой**. Ученый предлагает методику, заключающуюся в определении и описании суммы языковых средств, называющих концепт и его единичные признаки. По ее мнению «концепт объективируется различными языковыми знаками, разные авторы выражают одни и те же признаки концептов разнообразными языковыми средствами. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления» [Пименова 2013: 129].

Для нас представляет интерес методика описание художественного концепта **Е. В. Туктангуловой**, которая предполагает описание структуры художественного концепта в два этапа [Туктангулова 2007: 9-10]. На **первом этапе** выявляются **слова-репрезентанты** и их однокоренные и семантически близкие лексемы, составляющие ядро художественного концепта. Таким образом, ядро вмещает ключевое слово-репрезентант, однокоренные слова, синонимы и антонимы [Туктангулова 2007: 9-10].

На **втором этапе** определяются **парадигматические отношения ключевого слова-репрезентанта в ближней периферии** (лексемы различных частей речи, связанные семантическими отношениями с единицами, входящими в ядро) и **дальней периферии ассоциативно-смыслового поля** (лексемы, имеющие индивидуально-авторскую ассоциативную соотнесенность с ключевым словом, манифестирующим художественный концепт) [Туктангулова 2007: 9-10].

При описании структуры концепта мы вслед за многими лингвистами признаем его **полевою внутреннюю структуру** и наличие в ней ядра/базового слоя и периферии / интерпретационного поля и полагаем, что в

художественных концептах СТРАХ и ANGST можно выделить ядро, ближнюю и дальнюю периферии.

Рассмотрев различные методики описания художественных концептов, мы придерживаемся мнения **М.В. Пименовой** и вслед за ней считаем, что «полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления».

Поэтому в качестве основы для рабочей методики нашего исследования мы выбрали методику **Е. В. Туктангуловой**, видоизменив и уточнив некоторые этапы работы, с опорой на методику **М.В. Пименовой**.

Предлагаемая нами **рабочая методика** описания художественных концептов СТРАХ и ANGST будет также включать в себя 3 этапа:

На **первом этапе** мы будем выявлять **слово-репрезентант** и его **однокоренные слова**, которые составят **ядро** исследуемых нами художественных концептов.

На **втором этапе** будут выявляться **семантически близкие лексемы** к слову-репрезентанту, то есть его **синонимы и антонимы** и образованные от них лексемы, они войдут в состав **ближней периферии** художественных концептов [Ср.: Туктангулова 2007: 9-10].

Третий этап будет направлен на выявление лексем, имеющих **индивидуально-авторскую ассоциативную** соотнесенность с ядром художественного концепта, они составят **дальнюю периферию ассоциативно-смыслового поля** художественного концепта.

1.3. Феномен страха

Чувство страха свойственно каждому человеку на земле, независимо от национальности, веры исповедания или рода деятельности. «Страх как естественное избегание опасности свойственен всем без исключения культурам в качестве составной части человеческого бытия» [Чеснокова 2012: 207].

Уже в древности люди испытывали страх из-за опасностей окружающего их мира. Все таинственное, загадочное и неподдающееся объяснению наводило ужас и страх. Чувство страха, как составной элемент, стал проявляться уже в раннем фольклоре разных народов (в балладах, хрониках и священных писаниях) [Лавкрафт 2006: 1]. Даже современный человек, сделавший большой шаг в науке и объяснивший для себя многие, ранее пугающие его явления, до сих пор является «узником» своих страхов.

С точки зрения психологии, **страх** определяется как «отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни организма, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, принципам и т.п.)» [ФЭС 1989: 629].

Интересны также исследования психолога К. Э. Изарда, который определяет страх, как одну из базовых эмоций. **Страх** – это совершенно определенная, специфичная эмоция, которая «складывается из определенных и вполне специфичных физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» (как прямой физической опасности, так и такой, которая может нанести вред нашему душевному состоянию) [Изард 2008: 293].

Также автор исследует причины страха. Им были выделены следующие причины: боль и антиципация боли, одиночество, изменение стимуляции, внезапное приближение, необычность, высота. [Там же: 293].

Помимо этого, при рассмотрении феномена страха следует указать реакции или индикаторы страха. К. Э. Изард выделил следующие индикаторы страха: мгновенное прекращение или постепенное угасание совершаемых действий, продолжительное оцепенение, настороженность, реакция избегания или отстранения от раздражителя, серьезное или испуганное выражение лица, реакция отстранения или бегства, а также осторожные попытки исследования пугающего объекта, иногда даже улыбка или смех, отвращение [Изард 2008: 294-297].

По мнению психолога, эмоции имеющие сходства со страхом – это гнев, чувство вины и смущения [Там же: 298].

Подобным же образом В.А. Прокофьева в своей статье «Страх и тревога» определяет **страх** как эмоцию, которая «возникает в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию человека». И это угроза может быть как настоящей, так и воображаемой [Прокофьева 2003: 60].

Также автор разграничивает такие понятия, как страх и тревога. **Страх** – это «реакция на конкретно существующую угрозу»; **тревога** – это «состояние неприятного предчувствия без видимой на то причины (причина существует только в сознании человека)» [Там же: 60].

Рассмотрим понятие **страх** с точки зрения философии, где страх выступает как основное понятие экзистенциализма.

Философ С. Кьеркегор различал обычный / эмпирический **страх-боязнь** (*Furcht*), вызываемый конкретным предметом или обстоятельством, и неопределённый, безотчетный **страх-тоску** (*Angst*) – метафизический страх, неизвестный животным, предметом которого является *ничто* и который обусловлен тем, что человек конечен и знает об этом [Кьеркегор 2014: 9].

Ещё одним философом, занимающимся рассмотрением феномена страха, был немецкий философ М. Хайдеггер. В своём труде «Бытие и время» он так же, как и Кьеркегор различал **страх-боязнь** (*Furcht*) и **метафизический страх** (*Angst*) [Heidegger 1967: 183]. Причину возникновения страха философ видит в «бытии в мире». Страх раскрывает человеческое существование через возможное бытие (страх будущего) и через свободное бытие (страх свободы и выбора) [Там же: 185].

По мнению Степанова, эквивалентом для данного **метафизического страха** (*Angst*) в русском языке является **тоска-страх** [Ср.: Степанов 2004: 902].

В своем труде «Константы: словарь русской культуры» Ю.С. Степанов, опираясь на датское слово «anges», которое по внутренней форме сходно с

немецким словом «Angst» (от «Enge» = теснота, узость) и с русским словом «тоска» (от «тъска» = стеснение, давление) предлагает обозначать метафизический страх (Angst) по М. Хайдеггеру и С. Кьеркегору словом **тоска** [Степанов 2001: 878].

По данным словаря С.И. Ожегова тоска обозначает «душевную тревогу, уныние» [Ожегов 2004: 805]. Так, можно говорить о смежности понятий тоски и страха. О тоске и ее природе рассуждал русский философ Николай Бердяев. Ученый отмечал «родство» между тоской и ужасом, при этом делая акцент, что тоска «мягче и тягучее», а ужас является «острым и поражающим» чувством [Бердяев 2015:98].

Также для нашего исследования представляет интерес понимание феномена страха австрийским психологом Зигмундом Фрейдом. Любопытно, что взгляды Фрейда во многом схожи с взглядами Кьеркегора. Так, психолог полагает, что «*Angst* (страх) относится к состоянию и не выражает внимания к объекту, между тем как *Furcht* (боязнь) указывает как раз на объект». В это же время «*Schreck* (испуг) подчеркивает действие опасности, когда не было готовности к страху» [Фрейд 1991: 252].

Помимо этого, Фрейд выстроил следующую модель появления и проявления страха. Он подразделил страх на реальный и невротический. **Реальный страх** возникает при «повышенном сенсорном внимании и моторном напряжении» называемый «готовностью к страху» (*Angstbereitschaft*). Из данной «готовности к страху» следует два исхода: **защитная реакция** (например, бегство) или же **аффективное состояние** (например, оцепенение).

Невротический страх рассматривается в трех отношениях: **страх ожидания** (неопределенная боязнь при неврозах), **фобия** (преувеличенная внешняя опасность) и **страх при истерии** (приступ страха без внешней опасности) [Фрейд 1991: 349].

Отдельного внимания заслуживает классификация российского психолога Б.Д. Карвасарского: 1) страх окружающего (вследствие испуга); 2)

социальные страхи; 3) страх за здоровье, 4) страх смерти, 5) сексуальные страхи, 6) страх навредить окружающим; 7) индивидуальные страхи; 8) страх самого страха [Карвасарский 1990: 53].

Для понимания страхов современного человека следует рассмотреть тематики и тенденции современной литературы.

1.3. Тенденции и тематика современной немецкоязычной и русскоязычной литературы 20-21 веков

Материалом данного исследования послужили произведения конца 20-го и начала 21-го вв., в этой связи в данном параграфе мы сконцентрируем наше внимание именно на этом периоде.

Понятие «современная» литература, в отношении русскоязычной литературы, ограничивается временными рамками с 1985 года и до настоящего времени [Тернова 2007: 3]. В общих чертах этот период в литературе ознаменован «возвращенной литературой», появлением в литературе новых героев, тем и мест событий, которые были невозможны при старом политическом строе, преобладанием прозы над поэзией, появлением разделения литературы на элитную и массовую, плюрализм литературных направлений [Ср.: Тернова 2007, Попова 2008, Тиминова 2011].

Конечно же, поворотным моментом для современной русской литературы стали 90-е года прошлого века. После распада СССР авторы, получившие свободу в выборе ориентиров новой литературы, были парализованы ей. Но вскоре бездействие сменилось чередой вольностей, которые хорошо прослеживаются даже в названиях произведений.

Так, в 1995 году самыми читаемыми книгами оказываются «Профессия – киллер», «Спутники волкодава» [Тимина 2011: 5]. Из этого можно сделать выводы, что векторы развития литературы изменились, кроме воспитательного характера, литература стала носить характер развлекательный, что повлекло за собой развитие массовой литературы в

разных ее проявлениях. Появление «эротики, романов и повестей, отражающие негативные стороны жизни («чернуха»), разнообразного детективного «чтива» сказалось на снижении общего эстетического уровня литературы» [Коваленко 2008: 2].

В основе массовой литературы лежит шаблонность и сконцентрированность на одной тематике (детектив, триллер, мелодрама, фэнтези), она «нарочито развлекательна и занимательно-поверхностна» [Попова 2008: 5]. Такая литература не учит читателя размышлять, она дает более общие и обычные представления о мире, что в свою очередь снижает уровень размышлений в произведениях, превращаясь в «примитивное философствование». Массовая литература воспринимается читателем быстро и без особых усилий, отмечается эскапизм [Там же: 5].

Но массовость имеет не только отрицательный характер, так современным писателем удалось создать произведения, ориентированные на большое количество читателей, но бесспорно обладающие литературной ценностью, например, произведения Бориса Акунина и Татьяны Толстой.

Гласность, в свою очередь, привнесла в современную литературу произведения ранее запрещенные, которые являются достойным наследием предыдущего поколения. Современные читатели получили возможность познакомиться с произведениями таких писателей, как: М.А. Булгакова, Е.И. Замятина, В.В. Набокова, В.Н. Войновича, В.П. Аксенова, Б.А. Пильняка, Б.Л. Пастернака, А.Т. Твардовского, А.И. Солженицына, А. Платонова, А.А. Бека, А.А. Ахматовой и т.д. [Ср.: Коваленко 2008, Тиминова 2011].

Таким образом, на сегодняшний день существует несколько поколений писателей, произведения которых, составляют фонд современной русской литературы. Можно выделить: 1) писателей-шестидесятников – В.П. Аксенов, В.Н. Войнович, Ф.А. Искандер, В.Г. Распутин, «отличающиеся иронической ностальгией»; 2) писателей-семидесятников, писавших в условиях творческой несвободы – В.В. Ерофеев, А.Г. Битов, В.С. Маканин, Л.С. Петрушевская, В.С. Токарева. Они писали под лозунгом «Человек

хорош, обстоятельства плохи»; 3) авторы времени перестройки – В.О. Пелевин, Т.Н. Толстая, Л.Е. Улицкая, О.А. Славникова, В.Г. Сорокин. Отмена цензуры, позволила этим писателям экспериментировать и свободно высказывать свои мысли, выбирая абсолютно разные формы; 4) авторы 90-х стали молодым поколением писателей – З. Прилепин, А.В. Геласимов, Д.Н. Гуцко, Р.В. Сеенчин, И.Ю. Стогофф, С.А. Шаргунов [Хохрина 2015: <http://www.kungurlitera.ru>].

Одной из тем поднимаемой современной литературой стала переоценка и осмысление исторического прошлого России, сюда входят книги как о событиях давно прошедших – А.Н. Рыбаков «Дети Арбата», В.Д. Дудинцев «Белые одежды», так и об исторических событиях недавнего прошлого – Б.А. Можаяев «Изгой», В.П. Аксенов «Московская сага», Б.Ш. Окуджава «Упраздненный театр» [Литературный процесс 80-90-х гг. 2013: <http://litrusia.ru>].

Но, помимо обращения к прошлому, авторов интересует современная ситуация в обществе и в мире в целом, новые этические установки человечества. Так, на примере «маленького» человека, авторы раскрывают сложность отношений человека и мира, а главное – вопрос о нравственности в мире, где происходит утрата норм и ценностей. Писателями, обратившимися к данной тематике стали Л.С. Петрушевская, Т. Н. Толстая, В.С. Маканин [Литературный процесс 80-90-х гг 2013: <http://litrusia.ru>].

Также «вечные» темы затрагиваются российскими авторами в контексте современности. Проблема отношений «отцов и детей», трудности взаимоотношений в семье, попытки раскрыть понятия любовь, семья, быт являются центральными направлениями в творчестве таких писателей, как: Л.Е. Улицкая, О.А. Славникова, Л.С. Петрушевская, В.С. Токарева, Д.И. Рубина [Хохрина 2015: <http://www.kungurlitera.ru>].

На сегодняшний день современная российская литература востребована среди читателей. В современных произведениях происходит сращивание всевозможных художественных приемов [Эрдниева 2015: 4].

Так, можно наблюдать сочетание психологизма и авторской игры с читателем, соединение реалий нашего времени с фантастикой и мистикой, получение знаний об исторических событиях через детективные истории, раскрытие философских тем на фоне сюжетов мелодрам и многое другое. Многообразие писательских стилей, авторских жанров в современной литературе является подтверждением свободы ее развития и свидетельствует о наличии дальнейших перспектив [Там же: 4].

При попытке обозначить рамки начала отчета современной немецкоязычной литературы, авторы отмечают 1989 год как знаковый год, который можно назвать точкой отсчета [Чугунов 2005: 125].

После падения Берлинской стены и объединения Германии, холодная война была закончена. Людей охватило чувство неуверенности перед завтрашним днем, ведь с изменением политического строя должны были измениться и идеологические направления.

Помимо этого, остро встал вопрос об идентичности немцев. Объединение двух разных республик повлекло за собой долгий процесс поиска национального единства граждан ФРГ. Также отмечается отсутствие единства и в литературном пространстве. Можно проследить разобщенность идей и мыслей авторов, живших ранее по разные стороны Берлинской стены и вынужденных теперь творить в новых условиях [Там же: 126].

Интересно и то, что в конце 20 века печатаются не только произведения авторов, заявивших о себе еще полвека назад, к примеру, Г. Грасса, М. Вальзера, К. Вольфа, Г. де Бройна, К. Хайне, У. Пленцдорфа, но и произведения молодых писателей, таких как: Ю. Херманн, Ю. Франк, И. Шульце, К. Крахт, Б. фон Штукрад-Барреи др. [Там же: 127].

Кардинальным отличием молодого поколения от старого стало, во-первых, рассмотрение исторического прошлого Германии не только в рамках времени нацистского строя, но и в рамках произошедших событий 60-80х годов, а во-вторых, свобода от влияния на литературу двух разных политических систем, существовавших ранее на территории ФРГ.

Так, можно проследить ряд произведений, где Россия больше не представлена «угрозой» для других стран: И. Шульце «Записки немцев о приключениях в Питере», Т. Бруссиг «Герои, как мы», Г. Грасс «Мое столетие», М. Кумпфмюллер «Бегство Хампеля», Тани Дюккерс «Игровая зона» [Чугунов 2004: 242].

Но тема переосмысления прошлого в контексте правления нацистской партии в Германии осталась актуальной. Так, эту тему затрагивали Р. Штольц «Немецкий комплекс», Г. де Бройн «Немецкие обстоятельства», Г. Грасс «Мое столетие» [Там же: 129].

По мнению ученых, молодое поколение авторов вернуло литературе Германии массовость. Именно молодое поколение чувствовало новые тенденции и могло описать картины наиболее близкие молодежи. Поэтому популярная литература получила стремительное развитие [Там же: 129].

Можно выделить три основных группы авторов современной немецкой литературы. Во-первых, это представители так называемой «поплитературы» – Б. фон Штукрад-Барре, К. Крахт, Э. Наттерс, авторы у которых отмечается интерес к поверхностным проявлениям жизни, т.е. к повседневности: мода, телевидение, и т.д. Во-вторых, это «новые рассказчики»: Ю. Херманн, Ю. Франк, М. Вецель, Г. М. Освальд, Ш. Бойзе. Эти авторы затрагивают глубинные темы, такие как: отношения между людьми и внутреннее мироощущение человека. В-третьих, это представители исторического направления: Т. Бруссиг, И. Шульце, Й. Шпаршау, К. Шмид, М. Кумпфмюллер. Данные авторы поднимают тему переосмысления исторического прошлого, но уже глазами молодого поколения [Там же: 129].

В настоящее время нужно отметить авторов, ориентирующихся на массового читателя. Среди наиболее известных: Б. Стукрад-Барре, А.Х. фон Ланге, Т. Майнекке, А. Ноймайстер, Р. Гец, К. Крахт и др. Постмодернистский роман представлен О. Винером, Г. Волльшлегером, К. Рансмайром В. Мерсом и др. Фантастику пишут А. Эшбах и Ф. Шетцинг, В. Хольбайн. Лучшие детективные истории написаны П. Шмидтом и др.

Знаменитые поэты: М. Байер, Д. Грюнбайн, У. Кольбе, Т. Клинг. Также образовалась ячейка иностранных авторов, пишущих на немецком языке: Ф. Заимоглу, О. Грязнова, В. Каминер, Р. Шами и др. [Немецкая литература 2015: <https://ru.wikipedia.org>].

Также нельзя не упомянуть авторов, отмеченных наградами, признанных литературным сообществом. Г. Мюллер «Король кланяется и убивает», А. Пент и ее книги «Мне пора» и «Остров 34», А. Штандлер с романом «Однажды днем, а может быть, и ночью», Д. Кельман «Измеряя мир», М. Мозебах «Постель», «Долгая ночь», П. Зюскинд «Парфюмер. История одного убийцы», «Повесть о господине Зоммере» [Немецкие писатели современности 2016: <http://lifeistgut.com>].

Помимо этого, современная немецкоязычная литература обогащается за счет писателей Австрии и Швейцарии, здесь нужно отметить следующих авторов: П. Хандке, И. Бахман, Т. Бернхард, Р. Аспек, С. Грубер, Н. Гстрайн, Э. Елинек, К. Рансмайр, В. Шваб и О. П. Цир, У. Видмер, П. Биксель, П. Штамм [Немецкая литература 2015: <https://ru.wikipedia.org>].

Выводы по главе 1

1. Рассмотрев разные подходы ученых к трактовке понятия художественный концепт, мы в качестве рабочего определения будем понимать под **художественным концептом**, ментально-языковую единицу, имеющую имя, которая сформирована на основе индивидуальных, общенациональных и историко-литературных особенностей видения мира автором и репрезентированная в его художественном творчестве.
2. Проанализировав структуру концепта, мы признали наличие в нем ядра, дальней и ближней периферии. Проанализировав существующие методики описания художественного концепта, мы остановились на методике **Е. В. Туктангуловой**, видоизменив и уточнив некоторые этапы работы, с опорой на методику **М.В. Пименовой**: 1) выявление слова-репрезентанта и его однокоренные слова; 2) выявление семантически

близких к слову-репрезентанту лексем; 3) выявление лексем и групп лексем, имеющие индивидуально-авторскую ассоциативную соотнесенность со словом-репрезентантом.

3. Изучив существующие определения понятия «**страх**», мы выяснили, что с точки зрения **философии** «страх» подразделяется на обычный / эмпирический **страх-боязнь** (*Furcht*), и безотчетный **страх-тоску** (*Angst*) – метафизический страх, а с точки зрения **психологии** «страх» – это эмоция, которая «складывается из определенных и вполне специфичных физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» (как прямой физической опасности, так и такой, которая может нанести вред нашему душевному состоянию).
4. Выделив сюжетные особенности литературы 20-21 века, нами были сделаны выводы, что в общих чертах этот период в литературе ознаменован «возвращенной литературой», появлением в литературе новых героев, тем и мест событий, которые были невозможны при старом политическом строе, преобладанием прозы над поэзией, появлением разделения литературы на элитную и массовую, плюрализм литературных направлений.

Глава 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ *ANGST* В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-21 ВВ.

2.1. Творчество В. Брандорффа и Т. Штретера

Одним из представителей современной австрийской литературы является писатель Вальтер Брандорфф. Он родился 12 февраля 1943 года в Мюнхене в семье инженера-геодезиста. После ранней смерти матери, семья переехала в Австрию [Блох 2016: <http://www.malpertuis.ru>].

В. Брандорфф получил образование юриста и работал в финансовом ведомстве Вольфсберга. Он был женат на художнице А.Э. Шюсслер. В семье был один ребенок. Семья жила в родительском доме супруги в Вольфсберге. Автор был болен лимфомой [Блох 2016: <http://www.malpertuis.ru>].

В. Брандорфф погиб в 1996 года в авиакатастрофе близ Вольфсберга. Он умер в возрасте 49 лет. За свою жизнь автор написал следующие сборники рассказов: «*Ich werde dein Herz essen. Sieben böse Geschichten*» («Я съем твоё сердце. Семь страшных историй», 1990), «*Die Toten leben und andere böse Geschichten*» («Ожившие мертвецы и другие злоеющие истории», 1994), а также романы: «*Дом с прудом. Злоещий роман*» («*Das Weiherhaus. Ein unheimlicher Roman*», 1989), «*Год ужаса. Сатана в Санкт Юдасе. Календарная история*» («*Das Jahr des Grauens. Satan in St. Judas*» 1992), «*Последняя зима Квинтера. Роман ужасов*» («*Quinters letzter Winter. Ein Horrormoman*», 1995) [Блох 2016: <http://www.malpertuis.ru>].

Произведения автора не стали известными при его жизни. И только после его кончины, права на его книги выкупил немецкий издатель из Гисена Герхард Линденштрут. Именно тогда его книги стали известны широкому кругу читателю.

В качестве материала для данного исследования послужили рассказы «*Ich werde dein Herz essen*» («Я съем твоё сердце», 1990), «*Das Mausoleum*» («Мавзолей», 1990), «*Die Trägheit des Herzens*» («Леность сердца», 1990),

«*Der Fluch*» («*Проклятие*», 1990) из сборника рассказов «*Ich werde dein Herz essen. Sieben böse Geschichten*» («*Я съем твоё сердце. Семь страшных историй*»)) В. Брандорффа.

Рассмотрим краткое содержание данных рассказов.

«*Ich werde dein Herz essen*» («*Я съем твоё сердце*»)

Рассказ повествует о неуверенном в себе мужчине, у которого никогда не было отношений с женщинами. Однажды в отеле он знакомится с обворожительной блондинкой, которая изъявляет желание провести с ним ночь. История заканчивается описанием этой женщины, заворачивающей человеческое сердце в платок и относящей его на кухню для готовки.

«*Das Mausoleum*» («*Мавзолей*»)

Рассказ повествует о детях, нашедших погребальное сооружение и решивших осмотреть его изнутри. Спустившись вглубь темного помещения, дети не смогли выбраться назад из-за того, что окно, в которое они пробрались, находилось слишком высоко. В мавзолее неожиданно приоткрывается гроб, и «нечто» из гроба по очереди убивает детей. Читатель остается в неведении, кто убил детей.

«*Die Trägheit des Herzens*» («*Леность сердца*»)

Рассказ повествует о молодом человеке, который каждую неделю ездит из Австрии в Германию на деловые встречи. В одну из таких поездок он сбивает престарелую пару и оттаскивает тела на обочину. Молодой человек без всяких угрызений совести живет дальше. Через некоторое время к нему по ночам стали приходить обезображенные трупы престарелой пары. В конце истории он сходит с ума и совершает самоубийство.

«*Der Flucht*» («*Проклятье*»)

Перед смертью отец оставляет своему сыну письмо, где он рассказывает, что однажды его проклял цыган за то, что тот обесчестил его дочь. Теперь проклятие перешло на сына. Под вечер к нему является труп отца и пытается его убить. Мальчик храбро сражается, и мертвец исчезает.

Только на похоронах, после случайного открытия гроба, все увидели изуродованные останки отца.

Торстер Штретер является современным немецким автором. Писатель родился в 1966 году в Дортмунде [Torsten Sträter 2017: <https://de.wikipedia.org>].

Автор выучился на портного и некоторое время работал по профессии. В дальнейшем он работал в транспортных экспедициях [Torsten Sträter 2017: <https://de.wikipedia.org>].

Т. Штретер пишет для юмористического журнала «*Pardon*» («Пардон») и для спортивного журнала «*Kicker-Sportmagazin*» (Спортивный журнал «Кикер»). Сегодня Торстер Штретер живет в Вальтропе [Torsten Sträter 2017: <https://de.wikipedia.org>].

Преимущественно автор пишет короткие юмористические рассказы и рассказы ужасов. Им были написаны такие книги, как «*Hämoglobin*» («Гемоглобин», 2004), «*Postkarten aus der Dunkelheit*», («Почтовые открытки из темноты», 2005), «*Hit the Road, Jack!*» («Пошел к черту, Джек!», 2006), «*Als ich in meinem Alter war*» («Когда я был в своем возрасте», 2016) [Torsten Sträter 2017: <https://de.wikipedia.org>].

Его творчество было отмечено многими наградами. Так, автор становился победителем «NRW-Slams» в 2009, 2010 и 2012 годах, был отмечен на фестивале «Scharfrichterbeil» в 2012 году, помимо этого, награжден призом-жюри на «Großen Kleinkunstfestival für Kabarett, Comedy und Musik» в 2014 году [Torsten Sträter 2017: <https://de.wikipedia.org>].

В качестве материала для нашего исследования послужил рассказ Штретера «*Mr. Daniels und ich an der Tankstelle der lebenden Toten*» («Мистер Дэниэлс и я на заправке живых мертвецов», 2004) из сборника рассказов «*Hämoglobin*» («Гемоглобин», 2004).

Рассмотрим содержание рассказа «***Mr. Daniels und ich an der Tankstelle der lebenden Toten***» («**Мистер Дэниэлс и я на заправке живых мертвецов**»).

В центре рассказа находится молодой человек, только что переживший разрыв со своей девушкой. По этой причине главный герой проводит целые дни дома, употребляя алкоголь. Он выходит на улицу только за покупкой спиртного. Так, в один из вечеров он заходит на безлюдную заправку и встречается там кассира с признаками задержки развития, а также владельца этой заправки. После некоторых событий герой обнаруживает, что на заправке при помощи ужасных ритуалов происходит зомбирование людей. Молодой человек чуть сам не становится жертвой ритуала. Но ему удается выбраться с заправки, наказав убийцу. Через много лет главный герой возвращается на заправку и видит там тени неподвижных людей.

Таким образом, можно утверждать, что содержание данных рассказов предоставит достаточный материал для выявления языковой репрезентации художественного концепта *ANGST*.

2.2. Механизм создания художественного концепта *ANGST*

Для начала рассмотрим семантическое содержание и этимологию существительного *Angst*, которое выступает как слово-репрезентант одноименного концепта.

Немецкий универсальный словарь Дудена (Duden Deutsches Universalwörterbuch) даёт следующую словарную статью к существительному *Angst*:

Angst, die;- , Dngste [mhd. angst, ahd. angust, eigtl.=Enge, verw. mit eng]:mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gefühlszustand [angesichts einer Gefahr]; undeutliches Gefühl des Bedrohtseins... [Duden 2006: 144].

In der Fachsprache der Psychologie u. Philosophie wird [ufter] zwischen »Angst« als unbegründet, nicht objektbezogen und »Furcht « als objektbezogen differenziert; in der Allgemeinsprache ist diese Differenzierung nicht üblich [Duden 2006: 144].

Толковый словарь Дудена (Das Bedeutungswörterbuch) предлагает следующие определение существительного **Angst**:

Angst, die;- , *Днгсте: beklemmendes, banges Gefühl... Syn.: Днгstlichkeit, Beklemmung; Furch, Panik. Zus.: Berührungsangst, Todesangst* [Duden 2002: 90].

Обратимся к **этимологическому словарю**, существительное **Angst** происходит от слова **angest** из средневерхненемецкого языка и от слова **angust** из древневерхненемецкого. В некоторой степени значение этих обоих слов связываются со словом **Enge** [Duden 1989: 36].

Этимологический словарь немецкого языка в словарной статье существительного **Angst** отсылает нас к статье **ange**:

ange, mhd. adv. zu enge; vgl. lat. Angustus:

Angst, die (pl. selten: *Днгсте*), *Beklemmung, Besorgnis, Bangigkeit, Furcht*:... [Pinloche 1922: 11-12].

Для дальнейшего рассмотрения художественного концепта ANGST (СТРАХ) выделим **синонимический ряд** существительного **Angst**.

Словарь Duden предлагает следующие синонимы существительного **Angst**: *Urangst, Днгstlichkeit, Bangigkeit, Bånglichkeit, Befangenheit, Unsicherheit, Beklemmung, Beklommenheit, Hemmungen, Scheu, Phobie, Furcht, Furchtsamkeit, Panik* [Duden 2008: 43].

Синонимический словарь Рахманова даёт следующие синонимы: *die Scheu, die Beklemmung, die Furcht, der Schreck, der Schrecken, der Schauder, das Grauen, das Grausen, das Entsetzen, die Panik* [Рахманов 1983: 36].

Словарь синонимов под редакцией **Х. Гёрнера и Г. Кемпке** предлагает следующий синонимический ряд: *Furcht, Bange, Angstgefühl, Herzbeklemmung, Днгstlichkeit, Furchtsamkeit, Bangigkeit, Herzensangst, Hüllenangst, Grausen, Zähneklappern, Dampf, Bammeln, SchiЯ, Schächternheit, Sorge, Beklemmung, Schreck, Feigheit* [Gürner 1980: 50].

Duden online даёт следующие синонимы: *Angstgefühl, Днгstlichkeit, Angstzustand, Bangigkeit, Beklemmung, Furcht, Furchtsamkeit, Panik; (gehoben)*

Bangnis, Herzensangst, Todesfurcht; (salopp) Bammel, Schiss; (derb) Aftersausen; (landschaftlich) Bange; (Medizin) Pavor, Phobie [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

Помимо этого, словарные статьи ниже перечисленных лексем, позволили отнести их к синонимическому ряду слова **Angst**.

die Unruhe – 1. das Nicht-zur-Ruhe-Kommen; inneres Getriebenwerden; Ruhelosigkeit, Unrast; 2. angstliche Spannung, Besorgnis, Angstgefühl [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

die Spannung – Erregung, nervöse Unausgeglichenheit [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

die Anstrengung – [über]beanspruchung, Strapaze [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

der Alptraum – mit Albdrücken verbundener Traum; Angsttraum [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

das Unbehagen – unangenehmes, jemandes Wohlbehagen störendes, Verstimmung, Unruhe, Abneigung, Unwillen hervorrufendes Gefühl [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

unheimlich – ein unbestimmtes Gefühl der Angst, des Grauens hervorrufend [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

die Bedrohung – drohendes Unheil [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

der Entsetzensschrei – Schrei des Entsetzens [Duden online 2013: <http://www.duden.de>].

Также рассмотрим **антонимы** существительного **Angst**.

Словарь Х. Агрикола и Э. Агрикола предлагают следующие антонимы: *Mut, Tapferkeit, Courage* [Agricola 1982: 39].

Словарь Duden предлагает следующие **синонимы** для слов **Mut, Tapferkeit, Courage**: *Mut, Tapferkeit, Kühnheit, Beherztheit, Herzhaftigkeit, Furchtlosigkeit, Unerschrockenheit, Unverzagtheit, Furchtlosigkeit, Unerschrockenheit, Unverzagtheit, Schneid, Courage, Risikobereitschaft,*

Zivilcourage, Mumm (ugs.), Nipf (ugs., ьsterr.), Tollkьhnheit, Wagemut, Bravour, Draufgьngertum... [Duden 2008: 468].

Основанием для выявления авторских ассоциаций послужили исследования в области психологии. В исследованиях **К. Э Изарда** выделяются такие **причины страха**, как боль и антиципация боли, одиночество, изменение стимуляции, внезапное приближение, необычность, высота [Изард 2008: 293].

Реакции или индикаторы страха: прекращение действия, оцепенение, настороженность, избегание, отстранение, бегство, серьезное или испуганное выражение лица, исследование пугающего объекта, улыбка смех, отвращение [Там же: 294-297].

Эмоции, имеющие сходства с эмоцией страха: гнев, вина, смущение, удивление [Там же: 294-298].

Отдельного внимания заслуживает классификация российского психолога **Б.Д. Карвасарского**: 1) страх окружающего (вследствие испуга); 2) социальные страхи; 3) страх за здоровье, 4) страх смерти, 5) сексуальные страхи, 6) страх навредить окружающим; 7) индивидуальные страхи; 8) страх самого страха [Карвасарский 1990: 53].

Все это позволило нам выделить следующие индивидуально-авторские ассоциации:

- 1) страх, вызванный препятствием движения;
- 2) внутренние и внешние проявления страха;
- 3) страх, вызванный чьим-то присутствием;
- 4) предчувствие чего-то страшного;
- 5) приближение, вызывающее страх;
- 6) необычность, вызывающая страх;
- 7) мистические события, вызывающие страх;
- 8) описание внешности, вызывающей страх;
- 9) описание звуков, вызывающих страх;
- 10) отсутствие звуков;

- 11) изменение температуры;
- 12) появление специфического запаха;
- 13) цвето-световые характеристики;
- 14) страх, вызванный отвращением;
- 15) чувство одиночества, безлюдность;
- 16) страх смерти;
- 17) социальный страх;
- 18) страх за здоровье / страх боли;
- 19) чувство вины.

2.3. Ядро и ближняя периферия художественного концепта *ANGST*

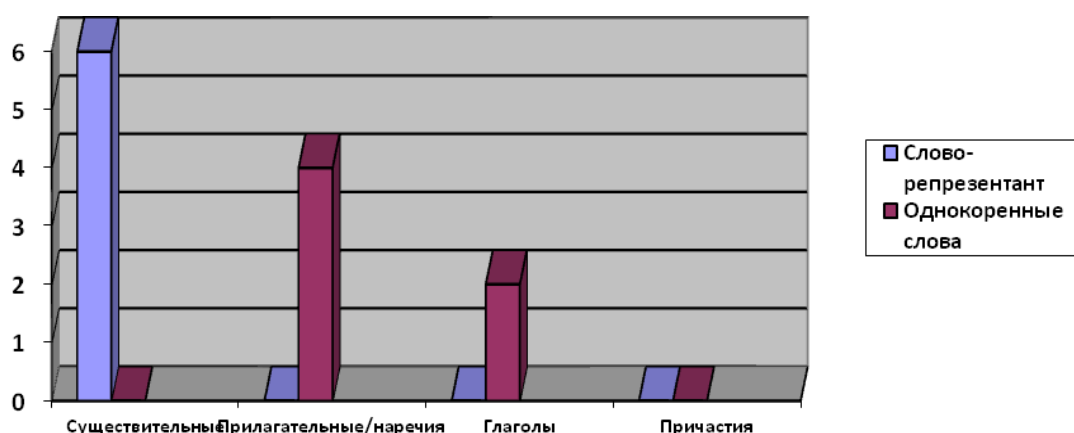
Под **художественным концептом** мы понимаем ментально-языковую единицу, имеющую имя, которая сформирована на основе индивидуальных, общенациональных и историко-литературных особенностей видения мира автором и репрезентированная в его художественном творчестве.

Согласно **рабочей методике**, которую мы используем для анализа вербализации художественного концепта *ANGST* на материале рассказов В. Брандорффа и Т. Штретера, в его составе мы выделяем ядро, ближнюю и дальнюю периферии. К **ядру** мы относим **слово-репрезентант** и его **однокоренные слова**. К **ближней периферии** будут относиться **семантически близкие лексемы** к слову-репрезентанту, то есть его **синонимы и антонимы** и образованные от них лексемы. К **дальней периферии** мы относим лексемы, имеющие **индивидуально-авторскую ассоциативную** соотнесенность с ядром художественного концепта *ANGST*.

Рассмотрев **ядро** художественного концепта *ANGST* на материале рассказов В. Брандорффа и Т. Штретера, мы выявили **слово-репрезентант** концепта *ANGST*, представленное существительным *Angst* (*страх*) – 6 употреблений), и его **однокоренные слова**, представленные глаголом *ängstigen* (*пугать; бояться, страшиться*) – 2 употребления и

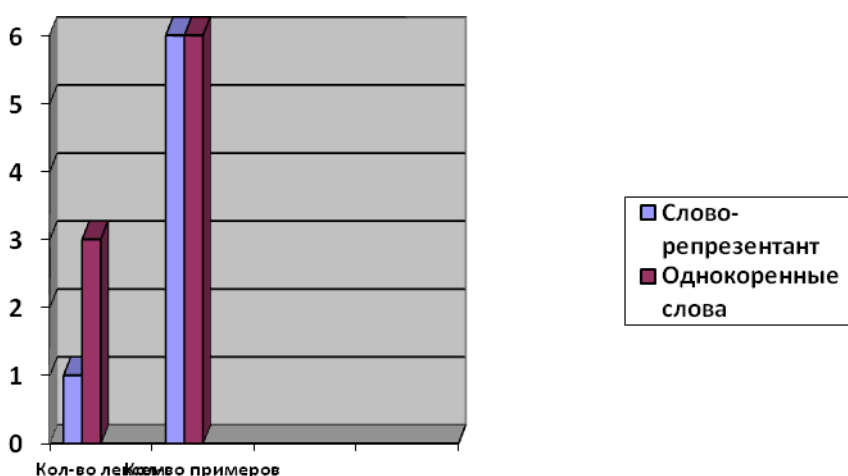
прилагательными/наречиями *angsterfüllt* (преисполненный страха) – 1 употребление, *ängstlich* (боязливый, робкий, трусливый) – 3 употребления.

Диаграмма 1. Ядро ХК ANGST

Общее количество лексем и их употреблений в ядре составило 4 лексемы (12 употреблений).

Диаграмма 2. Ядро ХК ANGST

Слово-репрезентант концепта ANGST представлено достаточно узко, всего 6 употреблений. В текстах существительное *Angst* (страх) вербализует эмоцию страха, имеющую свою степень проявления, то есть от сильно выраженного до слабо выраженного чувства страха.

Der Typ war durchgedreht, und ich sage es nicht gern, aber ich bekam es ein bisschen mit der Angst zu tun [Strдter 2005: 123].

*Ich bekam **Angst**, ah Mann, und was für welche* [Strdter 2005: 128].

*<...> vor **Angst** halb wahnsinnig, trieb ihn nur noch der nackte Wille zu überleben* [Brandorff 1990: 125].

Однокоренные слова к существительному **Angst** (*страх*) представлены в текстах незначительно, нами было обнаружено всего **3** однокоренных слова (**6** употреблений).

Такой глагол, как **ängstigen** (*пугать; бояться, страшиться*) представляет чувство страха как процесс, происходящий внутри человека, связанный с изменением эмоционального состояния.

*Er wusste mit einem Mal nicht, vor wem er sich mehr **ängstigen** musste, vor dem Hund oder vor dem unheimlichen Besucher draußen* [Brandorff 1990: 121].

Также прилагательные/наречия **angsterfüllt** (*преисполненный страха*) и **ängstlich** (*боязливый, робкий, трусливый*) помогают описательно представить человека в состоянии страха.

*Er hockte **angsterfüllt** in Heu und betete lautlos vor sich hin* [Brandorff 1990: 129].

*Ich war **ängstlich*** [Strdter 2005: 141].

Помимо этого, через описание человеческого взгляда или голоса лексемой **ängstlich** (*боязливый, робкий, трусливый*) происходит передача состояния страха.

*Sie rief in den Schacht hinunter, selbst erstaunt, wie **ängstlich** und fremd ihre Stimme sich anhörte* [Brandorff 1990: 24].

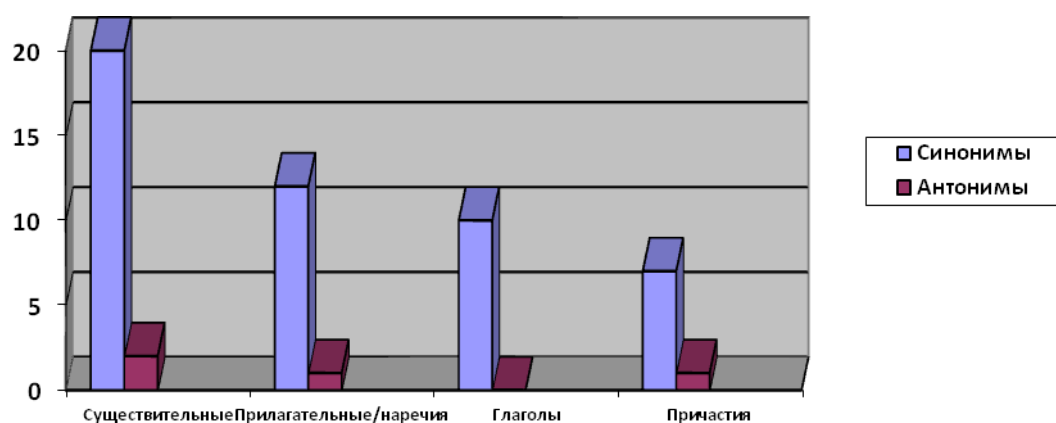
*Immer wieder blickte sich der eine oder der andere **ängstlich** nach der schwarzen Öffnung im Sarg um* [Brandorff 1990: 30].

Следующим этапом нашей работы стало выявление лексем, относящихся к **ближней периферии** художественного концепта ANGST на материале рассказов В. Брандорффа и Т. Штретера.

Нами были выявлены **синонимы** к слову-репрезентанту, представленные **20** существительными (**61** употребление), **12** прилагательными/наречиями (**43** употребления), **10** глаголами (**21**

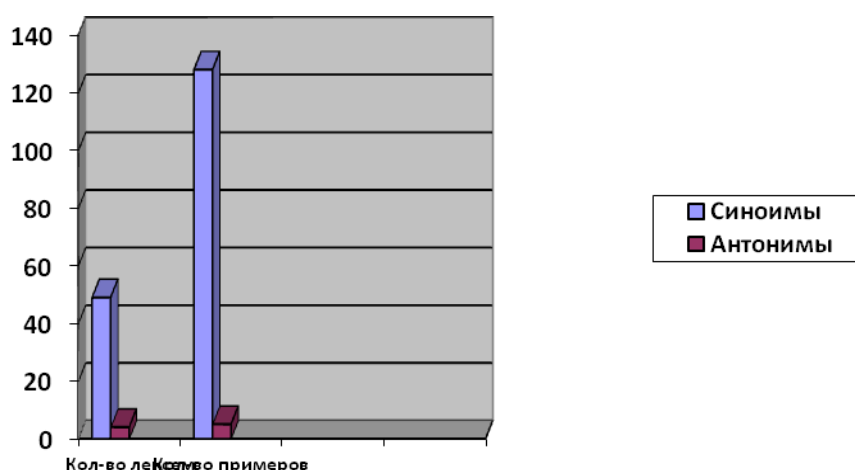
употребление) и 7 причастиями (8 употреблений), а так же его **антонимы**, представленные 2 существительными (3 употребления), 1 прилагательным/наречием (1 употребление) и 1 причастием (1 употребление).

Диаграмма 3. Ближняя периферия ХК ANGST

Общее количество лексем и их употреблений в ближней периферии составило **53 лексемы (133 употребления)**, из них **49 синонимов (128 употреблений)** и **4 антонима (5 употреблений)**.

Диаграмма 4 . Ближняя периферия ХК ANGST

Синонимический ряд существительного *Angst* (*страх*) представлен в рассказах очень объемно – **49 лексем (128 употреблений)**. Синонимический ряд представлен широко за счет существительных – **20 лексем (58**

употреблений) и прилагательных/наречий – 12 лексем (41 употребление). Самыми частотными оказались существительные **der Schrecken** (страх, испуг) – 11 употреблений, **die Furcht** (страх, боязнь) – 10 употреблений, **das Grauen** (ужас, страх) – 9 употреблений, **das Entsetzen** (ужас) – 6 употреблений).

Нужно отметить, что существительное **der Schrecken** (страх, испуг) используется авторами в разных значениях. Так, данным словом описывается эмоция страха, череда страшных событий и объект, вызывающий страх.

*Der **Schrecken** war so groß, daß er nur vor sich hin stammeln konnte <...>* [Brandorff 1990: 121].

*Peter hoffte inbrünstig, daß der **Schrecken** damit zu Ende wäre* [Brandorff 1990: 122].

*Ebenso plötzlich, wie der **Schrecken** in Gestalt des toten Vaters am Weg draußen vor dem Hof aufgetaucht war, endete er* [Brandorff 1990: 126].

Также интересно и то, что в найденных примерах прослеживается подразделение на страх-боязнь (*Furcht*) и метафизический страх (*Angst*). В примерах ярко представлена лексема **Furcht** (страх, боязнь), имеющая значение боязни, вызванная ожиданием опасности или несчастья.

***Furcht** in diesem Verließ die Nacht verbringen zu müssen* [Brandorff 1990: 23].

*Als ob alle Tiere sich in irgendwelche Verstecke verkrochen hätten und dort vor **Furcht** den Atem anhielten, dachte er* [Brandorff 1990: 125].

Помимо этого, часто встречаемой лексемой в рассказах оказалась лексема **das Grauen** (ужас, страх). Данное существительное встретилось в текстах в двух значениях. В значении эмоции страха и в значении объекта, вызывающего страх.

*Das **Grauen** breitete sich in seinem Kopf aus wie eine explodierende Granate* [Brandorff 1990: 41].

«Mark, wenn das... **Grauen** aus dem Sarg steigt?» [Brandorff 1990: 34].

Также существительное **das Entsetzen** (ужас) имеет свои неповторимые оттенки. Опираясь на примеры из текстов, можно говорить, что лексемой **das Entsetzen** (ужас) обозначается высокая степень страха. Степень страха выше, чем у **der Schreck** (страх, испуг). Помимо этого, данной лексемой описывается продолжительное чувство страха, которое может возрастать.

*Peter schrie vor Schreck und Enttduschung laut auf, aber sein Schreien verwandelte sich in stummes **Entsetzen** <...>* [Brandorff 1990: 122].

*Peter stand wie angenagelt an der Wand und sah mit wachsendem **Entsetzen*** [Brandorff 1990: 122].

*Tiefes **Entsetzen** ldmte seinen Kyrper* [Brandorff 1990: 38].

Синонимический ряд в рассказах представлен большим спектром существительных, синонимически связанных с ключевым словом-репрезентантом. Нами были выявлены следующие лексемы: **das Unbehagen** (неприятное чувство) – 1 употребление, **die Sorge** (беспокойство, тревога, волнение) – 1 употребление, **die Unruhe** (беспокойство) – 1 употребление, **der Scheu** (боязнь, застенчивость, робость) – 1 употребление, **die Panik** (паника) – 5 употреблений, **der Schock** (шок, нервное потрясение) – 2 употребления, **der Schauer** (ужас, дрожь, трепет) – 2 употребления.

*«Buh!» sagte er in mein linkes Ohr. Mir wurde heiЯ vor **Panik*** [Strdter 2005: 138].

*GroЯe **Sorge** erfaЯt mich, wenn ich daran denke, was nach meinem Tod geschehen kymnte* [Brandorff 1990: 117].

Также **синонимический ряд** широко представлен за счет прилагательных/наречий. Самыми частотными из них оказались такие лексемы, как **schrecklich** (ужасный, страшный, жуткий) – 12 употреблений, **grdЯlich** (страшный, ужасный, отвратительный) – 7 употреблений, **grauenvoll** (страшный, ужасный) – 5 употреблений, **unheimlich** (жуткий, ужасный, страшный) – 4 употребления, **furchtbar** (ужасный, страшный) – 4 употребления.

Лексемы **furchtbar** (ужасный, страшный), **unheimlich** (жуткий, ужасный, страшный), **schrecklich** (ужасный, страшный, жуткий), **gròЯlich** (страшный, ужасный, отвратительный) в синтаксической функции прилагательного придают существительным значения жуткости и страшности или усиливают их.

*Wie schòn wòre es <...> diesen **furchtbaren** Alptraum zu vergessen* [Brandorff 1990: 40].

*Er wuЯte mit einem Mal nicht, vor wem er sich mehr òngstigen muЯte, vor dem Hund oder vor dem **unheimlichen** Besucher drauЯen* [Brandorff 1990: 121].

***GròЯliche** Vorstellungen quòlten ihn* [Brandorff 1990: 34].

*<...> einen **schrecklichen** Moment lang dachte ich, er wòrde das Panzerband einfach absprengen* [Strдter 2005: 149].

*In der Тър stand die Kreatur, **grauenvoller** anzusehen denn je* [Brandorff 1990: 124].

Помимо значений «страшный, ужасный» лексема **furchtbar** обладает значением «сильный».

*<...> ihr plùtzlicher Tod war fòr ihn ein **furchtbarer** Schock gewesen, an dem er noch immer litt* [Brandorff 1990: 21].

Лексема **gròЯlich** совмещает в себе значения «страшный» и «омерзительный».

*Die **gròЯliche** Szene trat vor seine Augen: Blutig gefòrbter Schnee, ein verkròmmter Kòrper <...>* [Brandorff 1990: 117].

Такие лексемы, как **grauenvoll** (страшный, ужасный), **unheimlich** (жуткий, ужасный, страшный) описывают страшную сторону произошедших событий и жуткую атмосферу мест событий.

*Ich weiЯ nur, dass es **grauenvoll** war* [Brandorff 1990: 34].

*Es ist **unheimlich**. Mark, da bewegt sich etwas auf mich zu. Ich komme zu euch...* [Brandorff 1990: 24].

Помимо этого, в текстах были найдены такие прилагательные/наречия, как **fòrchterlich** (ужасный, страшный) – 2 употребления, **grausig** (ужасный)

– 2 употребления, **grauslich** (ужасный, страшный, жуткий) – 2 употребления, **panikartig** (панический) – 1 употребление, **schaurig** (страшный) – 1 употребление, **schockiert** (шокированный) – 1 употребление, **unbehaglich** (жуткий, неприятный) – 2 употребления.

Также синонимический ряд составили 10 глаголов (21 употребление): **aufschrecken** (испугать) – 1 употребление, **befürchten** (опасаться, бояться чего-л.) – 1 употребление, **erschrecken** (испугаться, прийти в ужас) – 1 употребление, **erschrecken** (испугать, пугать) – 1 употребление, **fürchten** (бояться, опасаться) – 12 употреблений, **scheuen** (бояться, страшиться, пугаться) – 1 употребление, **schrecken** (пугать; запугивать) – 1 употребление, **beunruhigen** (обеспокоить) – 1 употребление, **alarmieren** (тревожить, беспокоить) – 1 употребление, **zurückschrecken** (ужасаться, страшиться, бояться) – 1 употребление. Данные глаголы различаются временными характеристиками и степенью напуганности.

Es war mehr ein Kröschzen als ein zörtliches Geflüster und er erschrak darüber [Brandorff 1990: 11].

<...> zusehr öngstigte er sich vor fremden Menschen, scheute ihre Nähe [Brandorff 1990: 7].

<...> daЯ er aus seiner Selbstbemitleidung plützlich aufschreckte [Brandorff 1990: 124].

Самым частотным глаголом оказался глагол **fürchten** (бояться, опасаться) – 12 употреблений. Данная лексема используется в текстах в значении «испытывать страх» и «неуверенно предполагать».

Aber er fürchtete sich nicht wenige als die anderen [Brandorff 1990: 30].

<...> ich fürchte, sie haben mich etwas zu reichlich bewirtet [Strдter 2005: 133].

Также синонимический ряд составили 7 причастий (8 употреблений): **beklemmend** (удручающий, гнетущий, тягостный) – 1 употребление, **erschreckt** (пришедший в ужас) – 1 употребление, **erschrocken** (испуганный) – 1 употребление, **geschockt** (шокированный) – 1 употребление, **angespannt**

(напряженный) – 1 употребление, **angestrengt**(напряжённый, усиленный) – 2 употребления, **alarmiert** (тревожащий, настораживающий) – 1 употребление.

В большинстве примеров причастия исполосовывались для описания человека в состоянии страха или для описания жуткости и страшности предмета или действующего лица.

<...> *er machte einen **alarmierten** Eindruck* [Strдter 2005: 128].

*Mark sah sie **erschrocken** an* [Brandorff 1990: 26].

Самой частотной лексемой оказалась лексема **angestrengt** (2 употребления).

*Eva fьrchtete sich. Sie drьckte sich an die glatten Quadersteine und starrte **angestrengt** in die Dunkelheit* [Brandorff 1990: 24].

Антонимический ряд существительного **Angst** (*страх*) представлен в рассказах очень узко. Нами было обнаружено всего 4 лексемы (5 употреблений). Из них 2 существительных (3 употребления), 1 прилагательное/наречие (1 употребление) и 1 причастие (1 употребление).

Самой частотной лексемой оказалась лексема **der Mut** (*мужество, храбрость*) – 2 употребления.

*Jetzt hat er wieder **Mut** gefaЯt* [Brandorff 1990: 38].

Помимо этого, были обнаружены такие лексемы, как **ohne Scheu** () – 1 употребление, **nicht furchteinfluЯend** (*не внушающий страх*) – 1 употребление, **mutig** (*смелый, мужественный*) – 1 употребление.

***Ohne Scheu** griff sie nach meiner linken Hand <...>* [Brandorff 1990: 110].

*Waren es frьher ernste, aber durchaus **nicht furchteinfluЯende** Alltagsgesichter gewesen* [Brandorff 1990: 61].

*Das war ein **mutiger** Schritt von ihm* [Brandorff 1990: 21].

Количественное соотношение ядра и ближней периферии художественного концепта ANGST в рассказах В. Брандорффа и Т. Штретера представлено следующими числами: 4 лексемы (12 употреблений)/53 лексемы (133 употребления).

Схема 1. Соотнесенность ядра и ближней периферии ХК ANGST

Рассмотрев вербализацию художественного концепта ANGST на материале рассказов В. Брандорффа и Т. Штретера, мы выяснили, что ближняя периферия художественного концепта ANGST представлена за счет синонимического ряда гораздо шире ядра концепта.

2.4. Дальняя периферия художественного концепта ANGST

Согласно **рабочей методике**, которую мы используем для анализа вербализации художественного концепта ANGST на материале рассказов В. Брандорффа и Т. Штретера, в его составе мы выделяем ядро, ближнюю и дальнюю периферии. К **дальней периферии** мы относим лексемы, имеющие **индивидуально-авторскую ассоциативную** соотнесенность с ядром художественного концепта ANGST.

Опираясь на исследования в области психологии, нами был произведен анализ реакций, индикаторов и видов страхов. Это позволило выделить в анализируемых текстах **19** индивидуально-авторских ассоциаций: 1) страх, вызванный препятствием движения; 2) внутренние и внешние проявления страха; 3) страх, вызванный чьим-то присутствием; 4) предчувствие чего-то страшного; 5) приближение, вызывающее страх; 6) необычность, вызывающая страх; 7) мистические события, вызывающие страх; 8) описание внешности, вызывающей страх; 9) описание звуков, вызывающих страх; 10) отсутствие звуков; 11) изменение температуры; 12) появление

специфического запаха; 13) цвето-световые характеристики; 14) страх, вызванный отвращением; 15) чувство одиночества, безлюдность; 16) страх смерти; 17) социальный страх; 18) страх за здоровье / страх боли; 19) чувство вины.

Нами было обнаружено **193 микроконтекста**, которые мы распределили по **18** вышеперечисленным ассоциациям, не включая ассоциацию «**чувство вины**».

Самой часто встречаемой ассоциацией стала ассоциация «**внутренние и внешние проявления страха**», нами было найдено **63** микроконтекстов с данной ассоциацией.

В текстах мы обнаружили такие **внешние проявления страха**, как мимика, жесты, изменение цвета лица, изменение голоса, изменение двигательной деятельности, реакция избегания, выступание пота, дрожь, слезы, тошнота, вставание волос дыбом, молитва.

<...> aber noch ihr **zu Tode erschrecktes Gesicht** alarmierten Billy und Mark [Brandorff 1990: 30].

Ihr Gesicht, weiЯ wie ein Leintuch [Brandorff 1990:35].

Er hatte geschrien wie am SpieЯ <...> [Brandorff 1990: 46].

Der Junge machte ein paar knieweiche Schritte zum Fenster hin <...> [Brandorff 1990: 118].

Mich ьberkam sofort das ьbermьchtige Verlangen, mich zu verstecken <...> [Strдter 2005: 136].

Der SchweiЯ trat ihm auf die Stirne [Brandorff 1990: 34].

«Was wird das jetzt, Mann?» fragte ich **mit zitternder Stimme** [Strдter 2005: 143].

Eva rannen die Trьnen in Strьmen ьbers Gesicht [Brandorff 1990: 33].

Er spuckte auf die StraЯe aus <...> [Brandorff 1990: 47].

Die Haare standen ihm zu Berg [Brandorff 1990:38].

Также в текстах мы обнаружили такие **внутренние проявления страха**, как учащенное сердцебиение, появления кома в горле, нервное напряжение, прилив или отлив крови.

Mal sehr still im Haus, so still, daЯ Peter meinte *sein pochendes Herz schlagen zu hören* [Brandorff 1990:120].

<...> und auch Mark stieg *ein Würgen in der Kehle* hoch [Brandorff 1990:33].

Dem Schock, *der seine Nerven wie Klaviersaiten angespannt hatte*, war es zuzuschreiben, daЯ er aus seiner Selbstbemitleidung plötzlich aufschreckte [Brandorff 1990: 124].

«Buh!» sagte er in mein linkes Ohr. Mir wurde *heiЯ vor Panik* [Strдter 2005: 138].

Er sah mich mit einem harten Blick an, *der es mir kalt den Rьcken herunter laufen lieЯ*, aber er sagte nichts mehr [Strдter 2005: 134].

Достаточно частотной оказалась ассоциация «**страх смерти**». Нами было выявлено 25 микроконтекстов. В них отображены сцены убийств, описания мертвых тел, а также чувство страха, вызванное приближающейся смертью.

<...> lag doch ein *sдuberlich aus dem Kurper geschnittenes Herz* darauf [Brandorff 1990:17].

Etwas, wie ein Schwall Blut, ergoЯ sich auf den Boden [Brandorff 1990:33].

Er hatte geschrien wie am SpieЯ, weil *er gedacht hatte, das, was mit ihm geschah, sei das Sterben* [Brandorff 1990:46].

Er *sah* auch *tot aus* [Strдter 2005: 148].

Der Chef des Hauses weinte jetzt. Es war erbдrmlich. «*Ich verblute hier!*» [Strдter 2005: 152].

Также достаточно часто в рассказах встречались микроконтексты, связанные с такими ассоциациями, как «**необычность, вызывающая страх**»

(14 микротекстов) и «описание внешности, вызывающей страх» (14 микротекстов), «описание звуков, вызывающих страх» (12 микротекстов).

Необычность в рассказах получают разнообразные предметы, ситуации и действующие лица. Нечто странное в обыденности вызывает тревогу и страх, нечто неукладывающееся в обычную картину действительности.

Es war Billys Stimme, *aber sie klang verzerrt, so als spräche er in ein FaЯ hinein* [Brandorff 1990:36].

Die ganze Zeit ьber *war kein einziges Fahrzeug vorbeigefahren. Irgendwie, fand er, war auch das nicht in Ordnung* [Brandorff 1990: 48].

Ihre Augen waren geцffnet, *und obwohl wir Sommer hatten, wirkte ihre Nacktheit seltsam barbarisch* [Strдter 2005: 135].

Также описания внешности, вызывающей страх встречаются в рассказах по отношению к людям, животным, мистическим существам. Индикаторами страха становятся описания глаз, улыбки, выражения лица и внешности в целом. Внешность становится носителем таких качеств, как злобность, кровожадность, призрачность.

<...> *so waren es jetzt aufgedunsene Leichengesichter, in denen ein hdmisches Grinsen in den gelben Hundefaugen hockte* <...> [Brandorff 1990: 61].

Er *starrte* einfach *ins Leere, ohne dabei irgendetwas Spezielles zu fixieren, und sagte nichts*. Sein *Blick war auf Weitwinkel gestellt* [Strдter 2005: 121].

Er sah mich *mit einem harten Blick an, der es mir kalt den Rьcken herunter laufen lieЯ, aber er sagte nichts mehr* [Strдter 2005: 134].

Помимо этого, в рассказах нами были найдены такие звуки, как шорох, грохот, скрип, вопль, крик, стоны, звук приближающихся шагов.

Was war das fьr ein Gerdusch gewesen? Wieder hьrte sie ein Knacken [Brandorff 1990:24].

Evas Aufschrei fuhr ihm wie ein Messer in den Leib [Brandorff 1990: 32].

Также к ассоциации «мистические события, вызывающие страх» было найдено 13 микроконтекстов. Все сверхъавственное, неподвластное

объяснению вызывает страх. Так, самооткрывающийся саркофаг, «нечто» из этого саркофага, появление живых мертвецов, сбывшееся проклятье стали самыми яркими мистическими событиями в рассказах.

Mark sah, wie die Platte des Sarkophags von unsichtbaren Hñnden geschoben wurde [Brandorff 1990:30].

Es war der Vater <...>. Nur daЯ sein Vater seit drei Tagen tot war <...> [Brandorff 1990: 118].

Aus der Wunde kam kein Blut [Strдter 2005: 138].

Немногочисленное количество микроконтекстов было найдено к таким ассоциация, как «**страх вызванный отвращением**» (7 микроконтекстов), «**отсутствие звуков**» (6 микроконтекстов), «**страх вызванный чьим-то присутствием**» (6 микроконтекстов), «**предчувствие чего-то страшного**» (6 микроконтекстов), «**цвето-световые характеристики**» (5 микроконтекстов).

Отвращение является непосредственно ощущаемым страхом перед чем-то неаппетитным, при столкновении с отталкивающими феноменами. В найденных микроконтекстах отвращение вызвано описанием открытых ран, процесса разложения тела.

Das Schlimmste waren die frischen BiЯspuren am Hals, aus denen ein grñnschillernder dicker Saft sickerte, aber kein Blut [Brandorff 1990: 122].

Тишина может стать причиной страха, ведь наш мир наполнен звуками. При их исчезновении становится не по себе. В найденных микротекстах тишина наводит на мысли о таящемся в ней «нечто», о загробной жизни и о предзнаменовании чего-то недоброго.

«Es ist so bedrohlich still hier. Zum Fьrchten still» [Brandorff 1990: 28].

Stille, in die man angestrengt lauschte, ob sich da nicht etwas Buses an einen heranschlich [Brandorff 1990:28].

<...> kein Schrei eines Nachtvogels von der AuЯenwelt, dachte Mark: Grabesstille, Totenstille [Brandorff 1990:28].

Ощущение чьего-то присутствия ассоциируется со страхом, ведь «нечто», находящееся рядом может стать некой угрозой, может создать ситуацию страха и опасности.

*Er war mit dem beklemmenden Gefühl aufgewacht, **nicht allein im Zimmer zu sein*** [Brandorff 1990: 50].

*Keiner von uns rührte sich, denn im Raum **breitete sich etwas aus** <...>. **Etwas Fremdes, Uraltes, Böses*** [Brandorff 1990: 114].

Предчувствие чего-то страшного описывается в микроконтактах за счет сновидений, странного поведения животных или представляется как некое внезапно охватившее чувство.

*<...> **Bilder von einer unförmigen schleimigen Masse, die im Sarg auf ihn lauerte*** [Brandorff 1990:32].

*<...>, und in seine Freude mischte sich einen Augenblick, so etwas wie Furcht, wie **die plötzliche Ahnung von Gefahr*** [Brandorff 1990: 14].

Das Knurren des Hundes war in ein Winseln übergegangen. Er fürchtet sich auch, dachte er, er ahnt, was da auf das Haus zukommt. Er wittert das Böse [Brandorff 1990: 119].

Цвето-световые характеристики становятся также индикаторами страха. В текстах были найдены преимущественно темные оттенки, ведь именно они ассоциируются со всем страшным, ужасным и зловещим. Так, *мрак* и *темнота* оказались частотными лексемами в рассказах.

*Das ist ja grauslich **finster** hier* [Brandorff 1990: 25].

*Auch er fühlte sich **in der Finsternis** unbehaglich* [Brandorff 1990: 24].

*Eva fürchtete sich. Sie drückte sich an die glatten Quadersteine und starrte angestrengt **in die Dunkelheit*** [Brandorff 1990: 24].

Самыми редко встречаемыми ассоциациями стали такие ассоциации, как «страх за здоровье, чувство боли» (4 микроконтекста), «чувство одиночества, безлюдность» (3 микроконтекста), «страх вызванный препятствием движения» (3 микроконтекста), «появление специфического

запах» (3 микроконтекста), «изменение температуры» (1 микроконтекст), «социальный страх» (1 микроконтекст).

Сцены, демонстрирующие действия, наносящие урон здоровью, вызывают страх испытать боль.

Dr. Dread *stach die Nadel bis zum Anschlag in das Bein seines Patienten* [Strдter 2005: 138].

Der Druck musste murderisch sein. Ich hatte noch nie etwas derartig Brutales gesehen [Strдter 2005: 142].

Чувство одиночества также ассоциируется с чувством страха, ведь не от кого ждать помощи. Полностью отсутствует чувство защищенности, особенно если события происходят в незнакомой, отдаленной местности.

Und in einem verlassenen Waldstцck mutterseelenallein.../ Brandorff 1990: 24].

Ассоциация «препятствие движению» встречается в контекстах, демонстрирующих препятствие движению, за счет преграждения пути и за счет физического воздействия.

<...> *und versperrte ihm jetzt den einzigen Ausweg aus der Stube* [Brandorff 1990: 124].

Man hatte mich auf einem Bьrostuhl festgebunden, den ich vorher in der Halle nicht gesehen hatte [Strдter 2005: 124].

Появление некоторых **специфических запахов** вызывает ассоциации со страхом. Так, например, в текстах такими запахами стали запахи гнили, умерших растений, рыбный запах.

<...> *des eigenartigen Modergeruches – faulende alte Kartoffeln in einer Kellerecke* <...> [Brandorff 1990: 54].

<...> *den Gestank toter Pflanzen, tranigen Fischgeruch und einen Duft, der so fremd war,* dass mir leicht schwindelig wurde [Strдter 2005: 124].

В текстах страх ассоциировался с внезапным **изменением температуры** на более холодную.

Der Kälte, die sich rund um ihn ausgebreitet hatte <...> [Brandorff 1990: 54].

Также ассоциативная соотнесенность со страхом прослеживается при описании контакта с другими людьми, другими словами при описании **социальных страхов**.

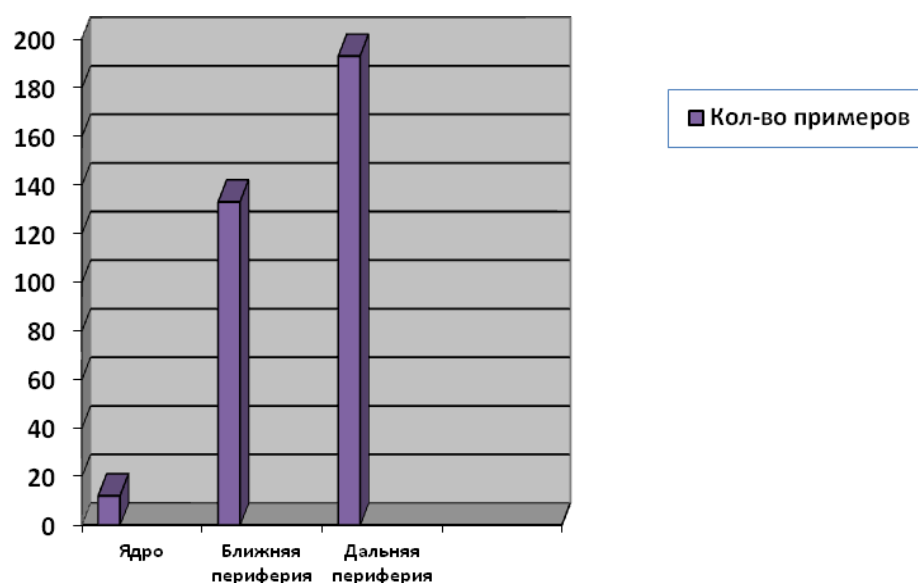
Niemals wäre er zugestiegen, wenn sich jemand darin befunden hätte, zu sehr dngstigte er sich *vor fremden Menschen*, scheute *ihre Nähe* [Brandorff 1990: 7].

Схема 2. Дальняя периферия ХК ANGST

Рассмотрев вербализацию художественного концепта ANGST на материале рассказов В. Брандорффа и Т. Штретера, нами было установлено, что дальняя периферия концепта (**193** микроконтекста) представлена шире, чем ближняя периферия (**133** употребления) и ядро концепта (**12** употреблений).

Диаграмма 5 . Соотношение ядра, ближней и дальней периферий ХК ANGST

Выводы по главе 2

1. Описав творчество В. Брандорффа и Т. Штретера мы выяснили, что содержание рассказов «Ich werde dein Herz essen» («Я съем твоё сердце», 1990), «Das Mausoleum» («Мавзолей», 1990), «Die Trägheit des Herzens» («Леность сердца», 1990), «Der Fluch» («Проклятие», 1990); «Mr. Daniels und ich an der Tankstelle der lebenden Toten» (Мистер Дэниэлс и я на заправке живых мертвецов», 2004) предоставит достаточный материал для выявления языковой репрезентации художественного концепта ANGST.
2. Изучив словарные статьи, мы определили наполнение ядра и ближней периферии художественного концепта ANGST.

3. Проанализировав ядро и ближнюю периферию художественного концепта **ANGST** на материале рассказов В. Брандорффа и Т. Штретера мы выяснили, что ближняя периферия данного концепта представлена шире, чем ядро. В результате анализа рассказов, к ядру мы отнесли **4** лексемы (**12** употреблений), а к ближней периферии **53** лексемы (**133** употребления).
4. Выделив **18** индивидуально-авторских ассоциативных соотнесенностей с ключевым словом, мы описали дальнюю периферию художественного концепта **ANGST** на материале рассказов В. Брандорффа и Т. Штретера. При анализе дальней периферии в исследуемых рассказах было выявлено **193** микроконтекста, что свидетельствует о том, что дальняя периферия художественного концепта **ANGST** в рассказах В. Брандорффа и Т. Штретера представлена шире, чем ядро и ближняя периферия одноименного концепта.

Глава 3. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ *СТРАХ* В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-21 ВВ.

3.1. Творчество Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова и Д.А.

Тихонова

Одним из современных российских авторов является **Роман Александрович Канушкин**. Он родился 7 июня 1960 года и получил экономическое образование. Автор много путешествовал, предпринял экспедицию в Африку. Роман Канушкин является автором таких книг как, «*Ночь Стилета*», 2004, «*Обратный отсчет*», 2004, «*Приключения Петровича и Патапума*», 2003, «*Прибытие поезда*», 2003, «*Джандо*», 2003, «*Покушение*», 2001, «*Страх*», 1990 и т.д. [Канушкин Роман 2004: <http://rutracker.org>].

Материалом для нашего исследования послужили рассказы «*Страх*», 1990, «*Лодка*», 1990, «*Мальчик Ключев, Гагарин и другие*», 1990 из сборника рассказов Р.А. Канушкина «*Страх*» [Канушкин, Роман Анатольевич 2016: <https://ru.wikipedia.org>].

Рассмотрим содержание данных рассказов.

«Страх»

В центре рассказа находится квартира с привидениями. Днем в ней чувствуется чье-то присутствие, а ночью по ней начинает бродить призрак убитой здесь во время революции женщины. Главную героиню начинают преследовать ночные кошмары, в которых к ней приходит кровожадный зверь с волчьей пастью История заканчивается объяснением всего происходящего. Призрак, приходившей женщины, был родственницей главной героини.

«Лодка»

Рассказ повествует о компании молодых ребятах во время летних каникул. В один из вечеров они отправляются на природу. На следующее

утро одна из девушек решает покататься на лодке. Главный герой поплыл вместе с ней. Когда они отплыли от берега, начался шторм. Молодой человек осознавал всю опасность происходящего. Он пытался уговорить девушку плыть обратно к берегу. Но его попытки не увенчались успехом. Тогда он в одиночку добрался до берега, оставив девушку в лодке. Через несколько минут спасатели отвезли девушку в лодке обратно к берегу.

«Мальчик Ключев, Гагарин и другие»

В центре рассказа находятся три разные истории. Первая линия посвящена детям, ищущим приключения. Они пробираются по тоннелю, чтобы посмотреть на памятник Гагарину. Вторая линия посвящена бандиту по кличке Че Гевара, который, очутившись в тоннеле, встретился с призраком Че Гевары. И третья линия посвящена историку, который ехал в метро и встретился с призраком Ивана Грозного.

К современным российским авторам также относится **Александр Владимирович Мазин**. Он родился в 1959 году в городе Запорожье и получил образование в Ленинградском технологическом институте имени Ленсовета по специальности инженер-химик [Мазин, Александр Владимирович 2017: <https://ru.wikipedia.org>].

Его творческая деятельность началась с написания текстов для эстрадных исполнителей. Он возглавлял авторскую студию «Наст». Также он работал в театрах, писал либретто для спектаклей [Мазин, Александр Владимирович 2017: <https://ru.wikipedia.org>].

Писательская деятельность А. В. Мазина началась с издания романа *«Потрясатель тверди»*. После этого автор начинает сотрудничать с такими издательствами, как «Азбука», «Махаон», «АСТ-Пресс». Здесь издаются его романы *«Я – Инквизитор»*, 1996, *«Право на месть»*, 2000, *«Зона поражения»*, *«Место для битвы»*, 2001, *«Варвары»*, 2001. Автор пишет преимущественно в жанре фантастического триллера [Мазин, Александр Владимирович 2017: <https://ru.wikipedia.org>].

Материалом для нашего исследования послужили рассказ А.В. Мазина «*Страх*», 1993.

Рассмотрим содержание данного рассказа.

«Страх»

Действие происходит в деревне. Главный герой приехал туда отдохнуть перед возвращением в Петербург. Он остановился у одного из местных ремесленников. Молодому человеку приглянулась его дочь Настя, но что-то его в ней настораживало. В один из дней случилось в деревне несчастье. Медведь задрал людей прямо в доме. Следующим вечером Настя пришла к главному герою в дом и неожиданно обернулась медведем. Главного героя спасла только его храбрость и любовь к девушке.

Далее обратимся к биографии **Михаила Евгеньевича Павлова**. Этот молодой писатель родился в 1985 году. Он окончил Владимирский юридический институт по специальности юриспруденция, но по специальности никогда не работал.

М. Е. Павлов с детства увлекался писательской деятельностью. Первым успехом стало участие в 2006 году в литературном конкурсе «Ужас-2006». В дальнейшем его рассказы печатались в журналах «Мир Фантастики», «EDITA» и издавались в сетевых журналах. Стоит отметить его участие в антологии «*Самая страшная книга*». На данный момент автор известен преимущественно рассказами «*Рудник*», 2011, «*Связь*», 2012, «*Дом на болоте*», 2014, «*Руки моей матери*», 2016 [Михаил Павлов 2017: <http://fantlab.ru/autor6693>].

Материалом для данного исследования послужил рассказ Павлова «*Дом на болоте*», 2014.

Рассмотрим содержание данного рассказа.

«Дом на болоте»

В центре рассказа находится молодой человек, приехавший в свой родной дом. Дом был построен в деревне на болоте. В нем происходят необъяснимые вещи. Главный герой не может понять причины

происходящего. Один раз он услышал крики своей матери. Войдя к ней в комнату, он увидел мертвого младенца. Всею виной оказалась тайна бабушки и мамы главного героя. Они совершили детоубийство, закапав ребенка заживо под стеной дома.

Дмитрий Александрович Тихонов является российским современным писателем. Он родился в 1985 году. Он закончил Нижегородский лингвистический университет. Сменил много профессий. На сегодняшний день работает сценаристом компьютерных игр в московской компании «Panzar Studio». Является автором сценариев для комиксов *«Бесобой»* и *«Майор Гром»* [Дмитрий Тихонов 2017: <http://fantlab.ru/autor4084>].

Д. А. Тихонов публиковался в журналах «Реальность фантастики», «Тьма», «Параллель». Нужно отметить его участие в серии антологий *«Самая Страшная Книга»*. Им написано множество рассказов. Также он пишет романы, повести и участвует в межавторских проектах [Дмитрий Тихонов 2017: <http://fantlab.ru/autor4084>].

Материалом для нашего исследования послужил рассказ Тихонова *«Сквозь занавес»*, 2010.

Рассмотрим содержание данного рассказа.

«Сквозь занавес»

Действие рассказа происходит в детском приюте. Недавно один из подопечных сошел с ума, и его увезли в клинику. Вернувшись обратно в приют, он странно себя ведет. Главный герой рассказа получает от него билет в театр, нарисованный от руки. Следующей ночью билет засветился, и мальчик отправился к библиотеке, где мистическим образом появился театр. Внутри ему показали ужасающий спектакль, где куклами были живые дети, через которых были продернуты нити. В конце рассказа мальчик стал одной из таких кукол.

Таким образом, можно утверждать, что содержание данных рассказов предоставит достаточный материал для выявления языковой репрезентации художественного концепта СТРАХ.

3.2. Механизм создания художественного концепта СТРАХ

Для начала рассмотрим семантическое содержание и этимологию существительного *страх*, который является словом-репрезентантом одноименного концепта.

Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующую статью к существительному *страх*: 1. очень сильный испуг, сильная боязнь; 2. мн. события, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса (разг.); 3. страх, в значении сказуемого и наречия. Очень, в высшей степени, очень много, ужас [Ожегов 2004: 772].

Словарь синонимов и антонимов русского языка определяет существительное *страх* как «состояние сильной тревоги, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой» [Михайлова 2015: 450].

Также обратимся к современному этимологическому словарю русского языка. В нем **страх** определяется, как «очень сильный испуг, сильная боязнь». По его источникам данное слово появилось в 11–12 веках и отмечено в словарях с 1704 года. Слово **страх** пришло из праславянского *страхъ, производного с суффиксом -х-от того же корня что и *страда, *страдать. Таким образом, словарь отсылает нас к статье «страдать» из которой следует, что оно пришло к нам из праславянского слова *страдати, производного глагола на -ати от *страда «тяжелая работа, нужда, тягота», восходящего к *[s]trō-d- «натягиваться, напрягаться» [Шапошников 2010: 385].

Следующим нашим пунктом является рассмотрение **синонимического ряда** существенного *страх*.

Словарь синонимов и антонимов предлагает следующие синонимы к данному существительному: *боязнь, ужас, трепет, испуг, жуть, фобия* [Михайлова 2015: 450]. В словаре также дается толкование для каждого из представленных синонимов. *Боязнь* – меньшая степень проявления страха (обычно); *Ужас* – высшая степень страха; *Трепет* – сильный обычно внешне выраженный страх; *Испуг* – внезапное чувство страха; *Жуть* – чувство

тоскливого беспокойства, страха (разг.); *Фобия* – непреодолимый, навязчивый страх [Михайлова 2015: 450].

Более расширенный синонимический ряд к слову *страх* представлен в **словаре синонимов** под редакцией **З. Е. Александровой**: *ужас, трепет; жуть (разг.); страсть (прост.)/внезапный: испуг; паника; перепуг (разг.) / перед будущей опасностью: боязнь, опасение; опаска (разг.)* [Александрова 2001: 486].

Помимо этого, интересна статья и в **словаре В.И. Даля**. В нем слово *страх* определяется, как *страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия* [Даль 2009: <http://v-dal.ru/>].

Также, опираясь на словарные статьи **словаря С.И. Ожегова** и **словаря Т. Ф. Ефремовой**, в синонимический ряд можно отнести такие лексемы как: *тоска, кошмар, волнение, беспокойство, вредоносный, грозный, злоеущий, чудовищный, трусливый, печальное, не по себе, враждебный*.

Тоска – душевная тревога, уныние [Ожегов 2004: 805].

Кошмар – 1. Тягостное, гнетущее сновидение; 2. Разг. О том, что является тягостным, ужасным, отвратительным [Там же: 805].

Кошмар, неизм.; в функц. сказ. Разг. 1. О трудном, страшном событии, положении, происшествии и т.п. [Там же: 304].

Волнение – Сильная тревога, душевное беспокойство [Там же: 96].

Беспокойство – 1. Нарушение покоя; 2. Тревожное состояние [Там же: 45].

Вредоносный – крайне вредный, наносящий вред [Там же: 103].

Грозный – 1. Суровый и жестокий; 2.Закрывающий, выражающий угрозу; 3.Величественный и страшный [Там же: 146].

Злоеущий – Внушающий тревогу, страх, свидетельствующий о надвигающейся большой беде, несчастье [Ожегов 2004: 230].

Чудовищный – Представляющий собой чудовище, вызывающий чувство ужаса [Ожегов 2004: 889].

Трусливый – Легко поддающийся чувству страха, свойственный трусу [Там же: 814].

Не по себе – 1. О состоянии, когда нездоровится. 2. перен. О состоянии растерянности, страха, смущения [Ефремова 2000: <http://nashislova.ru/efremovoy2/>].

Враждебный – 1. Преисполненный вражды, неприязни; 2. Относящийся недоброжелательно, неприязненно, стремящийся причинить вред [Ожегов 2004: 103].

Антонимический ряд представлен словами: *бесстрашие, отвага* [Михайлова 2015: 450].

Для существительных «бесстрашный» и «отвага» дается следующий **синонимический ряд**: *неустранимость, неробость, безбоязненность, храбрость, мужество, решимость, молодечество, удалство, твердость; бесстрашный, не знающий страха, боязни; бестрепетный, неробкий, удалой* [Даль 2009: <http://v-dal.ru/>].

Также в **антонимический ряд** войдут лексемы *спокойствие* и *облегчение*.

Спокойствие – обычное, уравновешенное состояние, отсутствие тревоги, сомнения, волнения, забот и т. д. [Ушаков 2013: 670].

Облегчение – Ощущение легкости, освобождения от чего-л. [Ефремова 2000: <http://nashislova.ru/efremovoy2/>].

Основанием для выявления авторских ассоциаций послужили исследования в области психологии. В исследованиях **К. Э Изарда** выделяются такие **причины страха**, как: боль и антиципация боли, одиночество, изменение стимуляции, внезапное приближение, необычность, высота [Изард 2008: 293].

Реакции или индикаторы страха: прекращение действия, оцепенение, настороженность, избегание, отстранение, бегство, серьезное или испуганное выражение лица, исследование пугающего объекта, улыбка смех, отвращение [Изард 2008: 294-297].

Эмоции, имеющие сходства с эмоцией страха: гнев, вина, смущение, удивление [Изард 2008: 294-298].

Отдельного внимания заслуживает классификация российского психолога **Б.Д. Карвасарского**: 1) страх окружающего (вследствие испуга); 2) социальные страхи; 3) страх за здоровье, 4) страх смерти, 5) сексуальные страхи, 6) страх навредить окружающим; 7) индивидуальные страхи; 8) страх самого страха [Карвасарский 1990: 53].

Все это дало основание для выделения следующих индивидуально-авторских ассоциаций:

- 1) страх, вызванный препятствием движения;
- 2) внутренние и внешние проявления страха;
- 3) страх, вызванный чьим-то присутствием;
- 4) предчувствие чего-то страшного;
- 5) приближение, вызывающее страх;
- 6) необычность, вызывающая страх;
- 7) мистические события, вызывающие страх;
- 8) описание внешности, вызывающей страх;
- 9) описание звуков, вызывающих страх;
- 10) отсутствие звуков;
- 11) изменение температуры;
- 12) появление специфического запаха;
- 13) цвето-световые характеристики;
- 14) страх, вызванный отвращением;
- 15) чувство одиночества, безлюдность;
- 16) страх смерти;
- 17) социальный страх;
- 18) страх за здоровье / страх боли;
- 19) чувство вины.

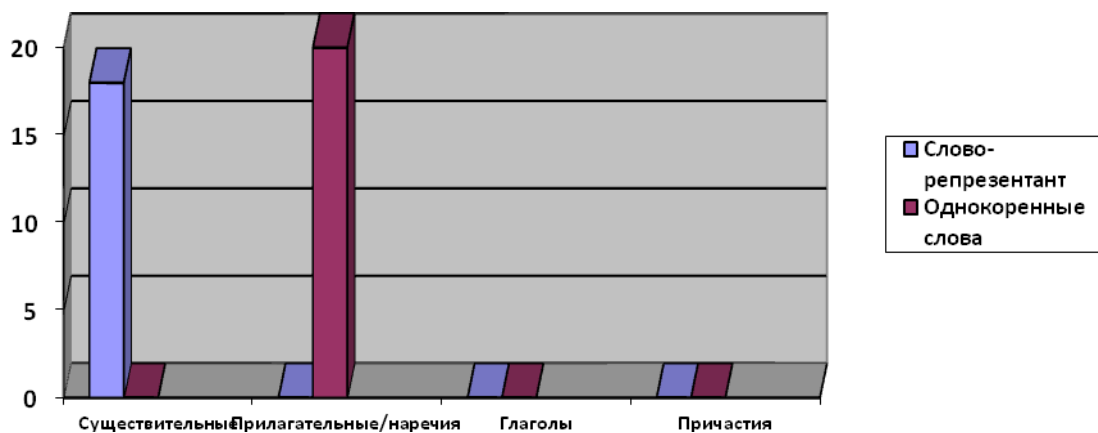
3.3. Ядро и ближняя периферия художественного концепта СТРАХ

Под **художественным концептом** мы понимаем ментально-языковую единицу, имеющую имя, которая сформирована на основе индивидуальных, общенациональных и историко-литературных особенностей видения мира автором и репрезентированная в его художественном творчестве.

Согласно **рабочей методике**, которую мы используем для анализа вербализации художественного концепта СТРАХ на материале рассказов Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова, в его составе мы выделяем ядро, ближнюю и дальнюю периферии. К **ядру** мы относим **слово-репрезентант** и его **однокоренные слова**. К **ближней периферии** будут относиться **семантически близкие лексемы** к слову-репрезентанту, то есть его **синонимы и антонимы** и образованные от них лексемы. К **дальней периферии** мы относим лексемы, имеющие **индивидуально-авторскую ассоциативную** соотнесенность с ядром художественного концепта СТРАХ.

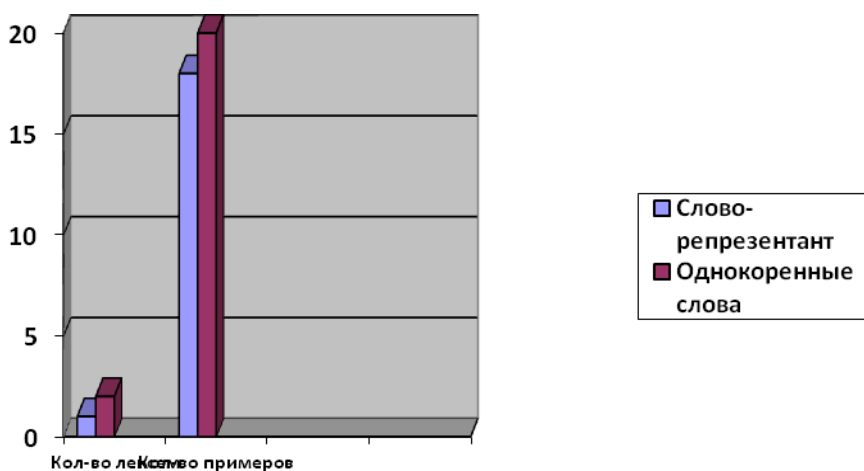
Рассмотрев **ядро** художественного концепта СТРАХ на материале рассказов Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова, мы выявили **слово-репрезентант** концепта СТРАХ, представленное существительным *страх* (18 употреблений), и его **однокоренные слова**, представленные прилагательными / наречиями *страшно* (12 употреблений) и *страшный* (8 употреблений).

Диаграмма 6. Ядро ХК СТРАХ

Общее количество лексем и их употреблений в ядре составило 3 лексемы (38 употреблений).

Диаграмма 7. Ядро ХК СТРАХ

Слово-репрезентант концепта СТРАХ оказалось достаточно часто встречаемым (18 употреблений). В текстах существительное *страх* вербализует эмоцию страха, имеющую свою степень проявления, то есть от сильного до слабого проявления чувства страха. Страх могут испытывать как люди, так и животные.

*Всем этим буржуазным козлам тоже пришлось испытать тотальный **страх*** [Канушкин 2011: 19].

*Через некоторое время, несмотря на все усиливающийся **страх** <...>* [Тихонов 2014: 32].

*<...> ощутить шумный запах пенящегося моря, восторг и **страх** чаек перед штормом <...>* [Канушкин 2011: 173].

Помимо этого, авторы представляют *страх* как нечто живое, что может поселиться, прятаться, иметь предпочтения, так же данная лексема используется в значении фобий.

*В доме давно поселился **страх**, годами копя силы* [Павлов 2014: 591].

***Страх** прячется в памяти* [Павлов 2014: 591].

***Страх** обожает пыль, любит темноту* [Павлов 2014: 591].

*В юности я уже поборол эти **страхи**, легко справлюсь с ними еще раз* [Павлов 2014: 577].

Однокоренные слова к существительному *страх* представлены в текстах нешироко, нами было обнаружено всего **2** однокоренных слова, но с достаточно высоким показателем частотности (**20** употреблений).

Лексемой *страшно* (**12** употреблений) описывается нахождение человека в состоянии страха. Помимо этого, данное слово используется в значении «очень, сильно».

Как помертвело внутри. Страшно [Мазин 2009: 6].

*<...> **страшно** болели виски* [Канушкин 2011: 12].

Прилагательное *страшное* также выступает в двух значениях: в значении «наводящий страх» и в значении «сильный».

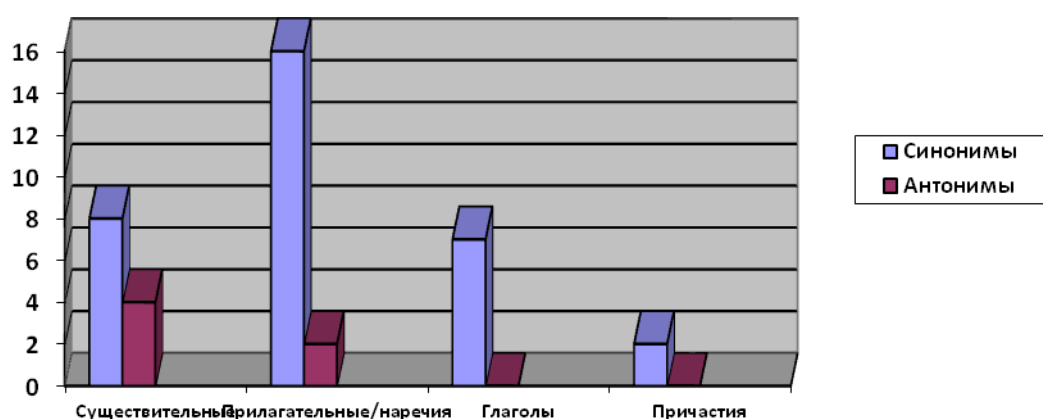
*Гныщенко нанес **страшный** удар, разбив череп* [Канушкин 2011: 6].

*<...> и **страшной** злобой горели два его красных глаза* [Канушкин 2011: 13].

Следующим этапом нашей работы стало выявление лексем, относящихся к **ближней периферии** художественного концепта СТРАХ на материале рассказов Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова

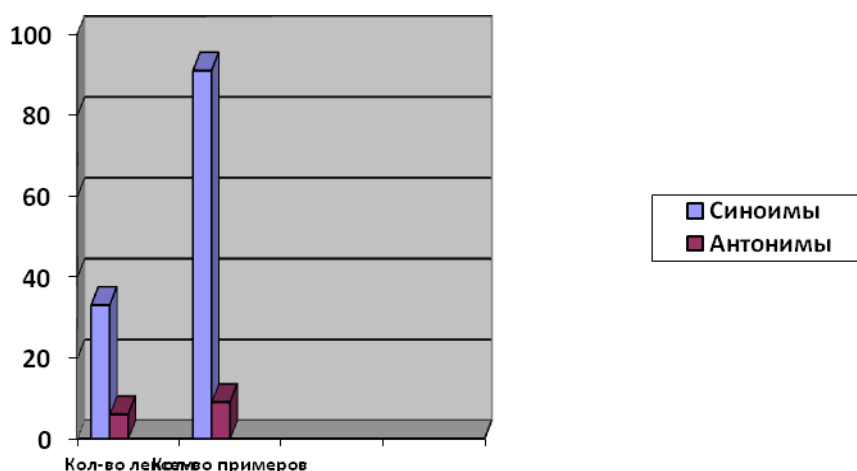
Нами были выявлены **синонимы** к слову-репрезентанту, представленные **8** существительными (**21** употребление), **16** прилагательными/наречиями (**28** употреблений), **7** глаголами (**33** употребления) и **2** причастиями (**2** употребления), а так же его **антонимы**, представленные **4** существительными (**4** употребления), **2** прилагательными/наречиями (**5** употреблений).

Диаграмма 8. Ближняя периферия ХК СТРАХ

Общее количество лексем и их употреблений в ближней периферии составило **39 лексем (100 употреблений)**, из них **33 синонимов (91 употребление)** и **6 антонимов (9 употреблений)**.

Диаграмма 9. Ближняя периферия ХК СТРАХ

Синонимический ряд существительного *страх* представлен в рассказах очень объемно **33 лексемы (91 употребление)**.

Синонимический ряд представлен широко за счет прилагательных/наречий – **16 лексем (28 употреблений)**, глаголов – **7 лексем (28 употреблений)** и существительных – **8 лексем (28 употреблений)**.

Самыми частотными оказались такие прилагательные/наречия, как *тоскливо* (5 употреблений), *напуганный* (3 употребления), *тоскливый* (2

употребления), *тревожный* (2 употребления), *ужасный* (2 употребления), *зловещий* (2 употребления), *жуткий* (2 употребления), *не по себе* (2 употребления).

Значение душевной тревоги передают лексемы *тоскливо*, *тоскливый*, *не по себе*.

Немигающие глаза уставились на меня, и мне вновь стало не по себе <...> [Павлов 2014: 587].

Посмотрел злобно и тоскливо, взял стакан и выпил, как воду пьют: в три глотка [Мазин 2009: 3].

И тоскливый волчий вой наполняет все пространство, а зверь перестает рычать [Канушкин 2011: 27].

Лексемой *напуганный* описываются глаза героев, а также передается чувство страха, испытываемое героями рассказов.

На самом деле я забрался туда, чтобы спрятать от родных свои налитые кровью напуганные глаза [Павлов 2014: 579].

Может быть, на самом деле я все-таки уснул, а проснулся... на полу, напуганный кошмаром, почему нет [Павлов 2014: 579]?

Прилагательное *тревожный* используется в рассказах относительно неживых предметов, так тревожными в рассказах оказались луна и рисунок.

<...>, или он на самом деле видел аулы-призраки, парящие над миром в свете *тревожной* и яркой луны [Канушкин 2011: 19].

<...> многократно увеличенная тень от лимона падает ровно на трещину на стене, образуя какой-то причудливый, *тревожный* рисунок [Канушкин 2011: 26].

Лексемы *зловещий*, *жуткий*, *чудовищный*, *грозный* использовались для описания появляющихся в рассказах персонажей.

Зловещий лик не двигался, и *жуткие* блестящие буркалы устремляли свой взор куда-то в сторону [Павлов 2014: 587].

<...> где неведомые *чудовищные* кукловоды готовились к представлению [Тихонов 2010: 31].

*Перед ним стоял древний царь, мертвый и **грозный*** [Канушкин 2011: 161].

Воспоминания и картины, терзающие главных героев в рассказах, были *беспокойными, ужасными*.

*<...> ветер, гуляющий в пустом доме, еще долго будут тревожить его, вызывать **беспокойные** воспоминания* [Канушкин 2011: 28].

*Оказывается, я на долгие годы сумел избавиться от самого **ужасного** воспоминания детства* [Павлов 2014: 581].

*Картины, **ужасные** картины являются мне очень часто в кошмарах и наяву* [Павлов 2014: 598].

Помимо этого, в текстах были найдены такие прилагательные/наречия, как *чудовищный* (1 употребление), *трусливый* (1 употребление), *жутковато* (1 употребление), *жутко* (1 употребление), *грозный* (1 употребление), *вредоносный* (1 употребление), *враждебно* (1 употребление), *беспокойный* (1 употребление).

Также **синонимический ряд** широко представлен за счет существительных. Нами были найдены такие лексемы как, *кошмар* (11 употреблений), *ужас* (7 употреблений), *жуть* (4 употребления), *опасение* (2 употребления), *волнение* (1 употребление), *испуг* (1 употребление), *тревога* (1 употребление), *паника* (1 употребление).

Самыми частотными оказались существительные *кошмар* (11 употреблений), *ужас* (7 употреблений), *жуть* (4 употребления).

Лексема *кошмар* выступает в текстах в двух значениях. В значении «тягостного, гнетущего сновидения» и в значении «череда страшных событий, удручающее положение, происшествие».

*Весь этот **кошмар** вокруг и есть то самое наказание за содеянное преступление...* [Канушкин 2011: 20].

*Упал на постель да **в кошмар** провалился* [Мазин 2009: 3].

Нужно отметить, что существительное *ужас* используется авторами в разных значениях. Так, данным словом описывается эмоция страха и череда

страшных событий. Также данное слово выступает в значении «очень сильный по степени проявления».

*Во взгляде ее смешались безумная злоба и **ужас**, казалось, она не в своем уме* [Павлова 2014: 587].

*<...> **ужас** той кровавой ночи каким-то неведомым образом оставил след* [Канушкин 2011: 24].

*Стало до **ужаса** тихо* [Павлов 2014: 576].

Слово *жуть* олицетворялось в текстах с чем-то живым и опасным, таящимся под землей. Также данная лексема передавала чувство страха в рассказах.

*– Там, внизу, в тихой тьме таится живая **жуть*** [Канушкин 2011: 163].

*Эти дочери-матери отчего-то нагнали на меня **жути**, и я решил возвращаться* [Павлов 2014: 578].

Синонимический ряд составили 7 глаголов (33 употребления): *бояться* (17 употреблений), *испугаться* (5 употреблений), *напугать* (1 употребление), *побаиваться* (3 употребления), *пугать* (2 употребления), *струсить* (1 употребление), *тревожить* (4 употребления). Данные глаголы различаются друг от друга временем нахождения в состоянии страха и степенью напуганности.

*<...> призрак вернулся, а с ним пришло то, чего она, оказывается, ждала и **боялась** больше всего на свете* [Канушкин 2011: 13].

*Муха даже **испугался**, что тот сейчас грохнетя в обморок* [Тихонов 2014: 21].

*– И если тебя что-то **тревожит**, ты обязательно скажи* [Канушкин 2011: 25].

Помимо этого, было найдено 1 причастие *ужасающий* и 1 деепричастие *боясь*.

*<...>, **боясь** растерять решительность, набросил ветровку и направился в подвал* [Павлов 2014: 592].

<...> и в течение секунды я видел на стене ужасающую тень <...>
[Павлов 2014: 588].

Антонимический ряд существительного *страх* представлен в рассказах узко. Нами было обнаружено всего **6** лексем (**9** употреблений). Из них **4** существительных (**4** употребления), **2** прилагательных/наречий (**5** употреблений).

Самым частотным антонимом оказался антоним *не страшно* (**4** употребления).

– Да ну тебя! – огрызнулся я, делая вид, что мне совсем не страшно, <...> [Канушкин 2011: 171].

Но все это было не страшно [Павлов 2014: 583].

Помимо этого, были обнаружены такие лексемы, как *спокойный* (**1** употребление), *облегчение* (**1** употребление), *решительность* (**1** употребление), *спокойствие* (**1** употребление), *храбрость* (**1** употребление).

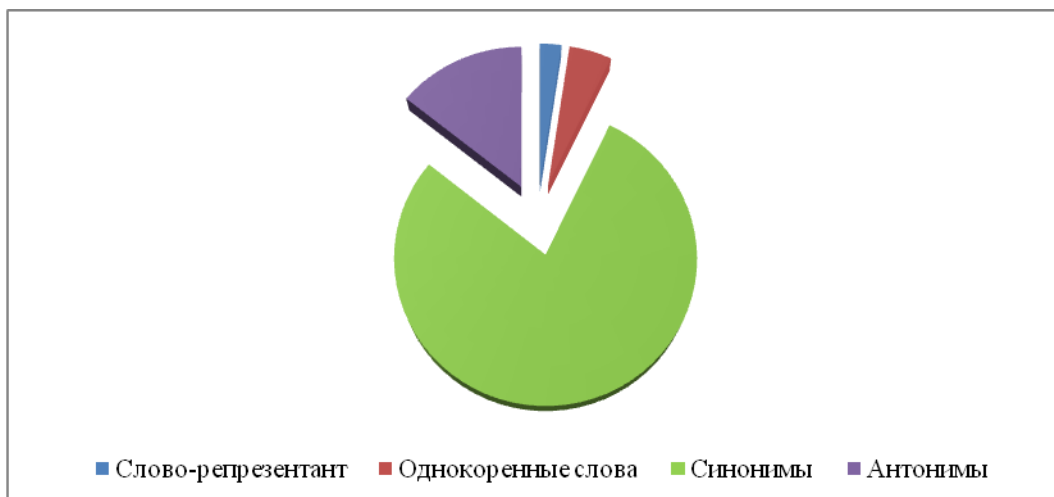
Смех взлетел в спокойное безоблачное небо [Тихонов 2014: 16].

Поужинав в одиночестве на кухне, я сразу, боясь растерять решительность, набросил ветровку и направился в подвал [Павлов 2014: 592].

Муха сжал кулаки и крикнул, собрав остатки храбрости [Тихонов 2014: 28].

Количественное соотношение ядра и ближней периферии художественного концепта СТРАХ в рассказах Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова представлено следующими числами: **3** лексемы (**38** употреблений)/**39** лексем (**100** употреблений).

Схема 3. Соотнесенность ядра и ближней периферии ХК СТРАХ

Рассмотрев вербализацию художественного концепта СТРАХ на материале рассказов Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова, мы выяснили, что ближняя периферия художественного концепта СТРАХ представлена за счет синонимического ряда гораздо шире ядра концепта.

3.4. Дальняя периферия художественного концепта СТРАХ

Согласно **рабочей методике**, которую мы используем для анализа вербализации художественного концепта СТРАХ на материале рассказов Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова, в его составе мы выделяем ядро, ближнюю и дальнюю периферии. К **дальней периферии** мы относим лексемы, имеющие **индивидуально-авторскую ассоциативную** соотнесенность с ядром художественного концепта СТРАХ.

Опираясь на исследования в области психологии, нами был произведен анализ реакций, индикаторов и видов страхов. Это позволило выделить в анализируемых текстах **19** индивидуально-авторских ассоциаций: 1) страх, вызванный препятствием движения; 2) внутренние и внешние проявления страха; 3) страх, вызванный чьим-то присутствием; 4) предчувствие чего-то страшного; 5) приближение, вызывающее страх; 6) необычность, вызывающая страх; 7) мистические события, вызывающие страх; 8) описание внешности, вызывающей страх; 9) описание звуков, вызывающих страх; 10)

отсутствие звуков; 11) изменение температуры; 12) появление специфического запаха; 13) цвето-световые характеристики; 14) страх, вызванный отвращением; 15) чувство одиночества, безлюдность; 16) страх смерти; 17) социальный страх; 18) страх за здоровье / страх боли; 19) чувство вины.

Нами было обнаружено **197 микроконтекстов**, которые мы распределили по **19** вышеперечисленным ассоциациям.

Самой часто встречаемой ассоциацией стала ассоциация «**внутренние и внешние проявления страха**», нами было найдено **66** микроконтекстов с данной ассоциацией.

В текстах мы обнаружили такие **внешние проявления страха**, как мимика, жесты, изменение цвета лица, изменение голоса, изменение двигательной деятельности, реакция избегания, выступание пота, дрожь, слезы, обморок, вставание волос дыбом, вставание кома в горле, мурашки, бормотание, мат.

Альберт Анатольевич уставился на газету [Канушкин 2011: 161].

Лицо его вытянулось и побелело [Тихонов 2014: 21].

– Не подходи! - взвизгнул Муха [Тихонов 2014: 34].

Свернув за угол, Муха замер. Впереди была тьма [Тихонов 2014: 28].

Я закрыл дверь и отошел поодаль [Павлов 2014: 577].

И тогда мурашки поползли по ее спине, <...> [Канушкин 2011: 11].

<...> капли холодного пота выступили на лбу <...> [Канушкин 2011: 15].

Хвощ спросил дрожащим голосом <...> [Тихонов 2014: 21].

Я плакал, стискивая зубы, а эта тварь становилась все ближе [Павлов 2014: 583].

Я потерял сознание [Павлов 2014: 594].

<...> волосы у него на загривке зашевелились [Тихонов 2014: 31].

Я посмотрел на нее, и ком встал в горле [Павлов 2014: 584].

И тогда мурашки поползли по ее спине [Канушкин 2011: 11].

Я помню, как, забежав в комнату, хлопнул дверью, что-то я тогда говорил, да [Павлов 2014: 578-579].

Я выматерился, желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса [Павлов 2014: 596].

Также в текстах мы обнаружили такие **внутренние проявления страха**, как учащенное сердцебиение, чувство тошноты, нервное напряжение, отлив крови, головная боль (шум в голове), нехватка воздуха, внутренняя мольба о помощи.

Стук сердца стал теперь оглушительным [Канушкин 2011: 162].

<...>желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса [Павлов 2014: 596].

Потому что внутри у меня все натянулось от детского нелепого ужаса <...> [Павлов 2014: 577].

<...> и тогда Абдулла сразу похолодел [Канушкин 2011: 26].

У Ксении <...> снова зашумело в голове <...> [Канушкин 2011: 23].

Но на середине он вдруг замер, от ужаса не в силах ни крикнуть, ни вдохнуть [Тихонов 2014: 33].

Про себя я молился Богу и звал маму [Павлов 2014: 583].

Также часто в рассказах встречались микроконтексты, связанные с такими ассоциациями, как **«описание звуков, вызывающих страх»** (17 микроконтекстов), **«мистические события, вызывающие страх»** (15 микроконтекстов), **«описание внешности, вызывающей страх»** (15 микроконтекстов) и **«страх смерти»** (13 микроконтекстов).

В рассказах нами были найдены такие звуки, как шорох, грохот скрип, скрежет, вопль, крик, вой, дыхание с влажной хрипотцой, фыркание.

Скрипнул паркет в коридоре [Канушкин 2011: 11].

Вернулась тишина, и в ней приглушенный скребущий шум [Павлов 2014: 593].

Внезапно вновь завопила женщина, звук впился в уши [Павлов 2014: 588].

И тоскливый волчий вой наполняет все пространство, <...>
[Канушкин 2011: 27].

Что-то шурило впереди; может быть, около лестницы [Павлов 2014: 578].

Неторопливые мерзкие влажные звуки... [Павлов 2014: 593].

Что-то копошилось там, фыркало... [Павлов 2014: 583].

Мистические события в некоторых рассказах являлись заглавными сюжетными линиями. Нами были найдены микроконтексты, героями которых стали такие мистические существа, как призраки, оборотни, живые мертвецы. Все появления этих существ и их действия наводят страх. Также в рассказах появляются мистические предметы, например, черная дыра в стене в потусторонние миры. Увиденное через этот разъем не поддается описанию, настолько страшны изображаемые там картины.

<...> *призрак вернулся, а с ним пришло то, чего она, оказывается, ждала и боялась больше всего на свете* [Канушкин 2011: 13].

Морда медвежья! Как изнутри проступает [Мазин 2009: 6].

Перед ним стоял древний царь, мертвый и грозный [Канушкин 2011: 162].

Дыра оказалась прямо напротив глаза. И в этот миг лучше бы мне остаться без него. Видит Бог, я не заслужил такого наказания, не заслужил узреть это [Павлов 2014: 594].

Также описания внешности встречаются в рассказах по отношению к людям, животным, мистическим существам. Индикаторами страха становятся описания глаз, улыбки, выражения лица и внешности в целом. Весь облик, описываемого персонажа, говорит о его злобности и вредоносности.

Он шел медленно, словно был слеп, и страшной злобой горели два его красных глаза [Канушкин 2011: 13].

А память рисовала ее скованное судорогой дьявольское лицо, черные разломы морщин, искривленный рот, стеклянные глаза, руку с пистолетом [Павлова 2014: 591].

Торс и руки его заросли шерстью, а вытянутая волчья пасть была оскалена, и с клыков текла слюна [Канушкин 2011: 13].

К ассоциации «**страх смерти**» мы отнесли микроконтексты демонстрирующие сцены убийств и мертвые тела, а также чувство страха, вызванное приближающейся смертью или пониманием, что человек конечен.

<...> на залитом кровью полу большой комнаты лежало то, что еще совсем недавно было Марией Николаевной [Канушкин 2011: 6].

Отец падает на колени, истекая кровью, и тут сын с размаха бьет его ножом в горло, а потом в лицо [Тихонов 2014: 33].

Волны были зеленые и пенились все больше. Мне стало не по себе, а до берега уже очень прилично [Канушкин 2011: 171].

<...> поразительно и страшно – вдруг замечать, что твоя мама превратилась в старушку [Павлов 2014: 584].

Также достаточно часто в рассказах встречались микроконтексты, связанные с такими ассоциациями, как «**цвето-световые характеристики**» (12 микротекстов), «**необычность, вызывающая страх**» (11 микроконтекстов), «**приближение, вызывающее страх**» (10 микроконтекстов).

Цвето-световые характеристики отражены в рассказах черным цветом. Именно этот цвет наиболее часто ассоциируется со страхом, поэтому в рассказах есть сцены, где отсутствует свет и все действия происходят в темноте.

Тьма стремительно сгущалась [Павлов 2014: 594]

Впереди была тьма. <...> все резко обрывалось в густом мраке, невеста откуда возникшем посреди коридора [Тихонов 2014: 28].

<...> черемуха и красавица-вишня опадают черными листьями, и тогда становится совсем темно. [Канушкин 2011: 20].

Необычность, которую замечают герои рассказов в повседневной жизни, действительно ассоциируется с чувством страха. Неуместность, неестественность, чуждость, странность, неправдоподобность являются ключевыми понятиями для характеристики микроконтекстов.

Что-то он увидел боковым зрением, какое-то несоответствие померещилось [Канушкин 2011: 161].

Вот только звук пришел снизу, а это уже неправдоподобно... [Павлов 2014: 577].

Одеяло странным образом продолжало сползать [Павлов 2014: 595].

Приближение чего-то опасного или неизвестного вызывает чувство страха. Герои не знают чего ожидать от подобной встречи. Чувствуется угроза со стороны приближающегося объекта.

<...> в спальню сейчас кто-то вошел и идет, неслышно ступая по ковру, к кровати [Канушкин 2011: 13].

Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась [Павлов 2014: 578-579].

Ты боишься меня? – Неизвестный приближался [Тихонов 2014: 34].

Менее часто в рассказах встречались микроконтексты, связанные с такими ассоциациями, как «отсутствие звуков» (6 микроконтекстов), «страх, вызванный отвращением» (7 микроконтекстов), «страх, вызванный чьим-то присутствием» (6 микроконтекстов), «страх за здоровье, чувство боли» (5 микроконтекстов), «чувство одиночества, безлюдность» (5 микроконтекстов).

Тишина может стать причиной страха, ведь наш мир наполнен звуками. При их исчезновении становится не по себе. В найденных микротекстах тишина становится предвестницей чего-то страшного. Полная тишина настораживает героев рассказов. Также в микроконтекстах было найдено сочетание *тихая тьма*. *Тихая тьма* обозначает исчезновение всего живого. Ничего больше не существует, кроме тьмы и тишины. Так, тишина

ассоциируется с загробным миром, который в свою очередь вызывает чувство страха.

Стало до ужаса тихо [Павлов 2014: 576].

И тогда голос в динамике, как последнее приветствие из мира звуков, уходящего теперь навсегда, произнес: «Станция «Библиотека Ивана Грозного». И пришла тихая тьма [Канушкин 2011: 162].

Ни звука. Подвал был мертв, весь дом был мертв [Павлов 2014: 591].

Авторы добились создания чувства отвращения в рассказах за счет описания неприятной внешности, кровавых сцен, мерзких звуков.

<...> одни куски остались... В кровянице все... У бабки полчерепки снесено, скальп содран... [Мазин 2009: 3].

Шарообразная голова с несколькими прилипшими волосами. Крошечное тельце, серая с черными венами кожа. Какие-то черепашьи движения. Я выматерился, желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса [Павлов 2014: 596].

Что-то омерзительно чавкнуло под ногой, я посветил вниз и поспешно отступил [Павлов 2014: 590].

Ощущение чьего-то присутствия ассоциируется со страхом, ведь «нечто», находящееся рядом может стать некой угрозой, может создать ситуацию страха и опасности.

<...> что здесь все время ощущается чье-то присутствие... [Канушкин 2011: 8].

Впереди, в непроглядной темноте, кто-то стоял [Тихонов 2014: 33].

Страх за здоровье передан в рассказах с помощью описаний сцен, где герои испытывают сильную физическую боль сами или наблюдают ее. Также в рассказах некоторые предметы становятся носителями «болезней». Герои бояться «заразиться» от этих предметов.

Сквозь кисти, ступни и шеи «кукол» были продеты тонкие, отливающие медью нити, уходящие далеко вверх, <...> [Тихонов 2014: 31].

Субъект напротив протянул ему свое вредоносное чтение. Оно было заразное, как болезнь <...> [Канушкин 2011: 161].

Чувство одиночества также ассоциируется с чувством страха. В одиночестве у человека отсутствует чувство защищенности, особенно если его место нахождения довольно опасное или жуткое. Помимо этого, безлюдность ассоциируется в микроконтекстах с заброшенностью. А заброшенные места наводят страх.

Мальчишкой я боялся ходить в одиночку по этим коридорам после наступления темноты [Павлов 2014: 575].

Вано бродил по *безлюдным* аулам, заходил в сакли, *забывшие тепло людей*, <...> [Канушкин 2011: 19].

Реже встречаемыми ассоциациями стали: «**предчувствие чего-то страшного**» (3 микроконтекста), «**изменение температуры**» (2 микроконтекста), «**чувство вины**» (1 микроконтекст), «**страх, вызванный препятствием движения**» (1 микроконтекст), «**появление специфического запаха**» (1 микроконтекст).

Нехорошие предчувствия в рассказах навеваются с помощью погодных условий или человеческого поведения. Они становятся сигналами чего-то страшного, ожидающего впереди.

Но сила эта меня насторожила. Высвободился не без труда [Мазин 2009: 5].

Он (дождь) монотонно стучал по крыше и карнизам, навевая недобрые предчувствия [Тихонов 2014: 26].

Страх в рассказах ассоциируется с низкой температурой. Ассоциацией страха становится *веяние холода*.

Каким-то холодком повеяло <...> [Канушкин 2011: 161].

Чувство вины неразрывно связано с чувством страха. Вина коррелируется с грехом. Человек испытывает страх перед расплатой за свои грехи. Так, в рассказах героя мучает вина за совершенные убийства.

И каждую ночь старика тревожили призраки тех, кого он убил [Канушкин 2011: 19].

Препятствие движению в микроконтексте встретилось в значении физического ограничения движения.

<...> а когда нити потащили его вверх, успел понять, что под черными очками палача не было глаз [Тихонов 2014: 34].

Также специфическими запахами выступили в рассказах запах сырости и гнили.

Сырость и запахи гнили все туже обнимали меня со всех сторон [Павлов 2014: 590].

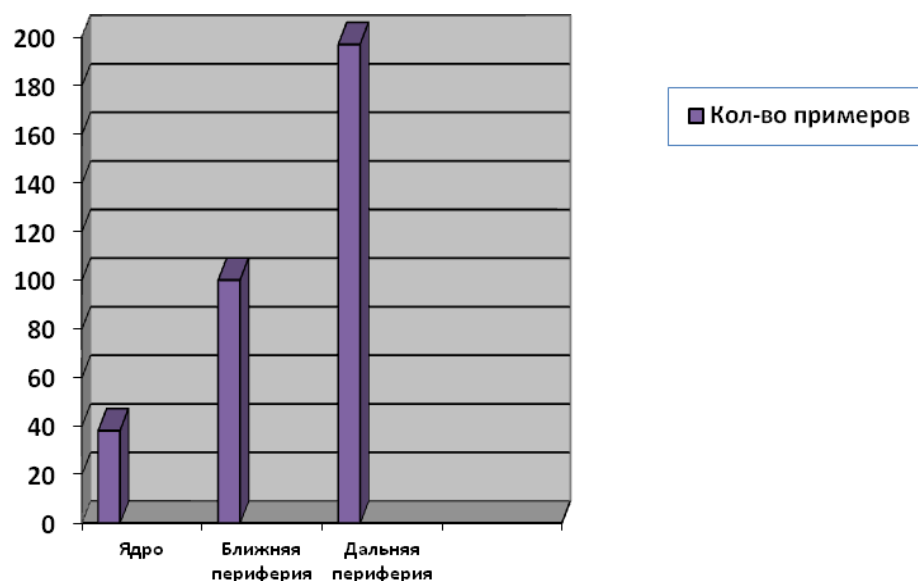
Схема 4. Дальняя периферия ХК СТРАХ

Рассмотрев вербализацию художественного концепта СТРАХ на материале рассказов Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова, нами было установлено, что дальняя периферия концепта (197

микроконтекстов) представлена шире, чем ближняя периферия (**100** употреблений) и ядро концепта (**38** употреблений).

Диаграмма 10. Соотношение ядра, ближней и дальней периферий ХК СТРАХ

Выводы по главе 3

1. Описав Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова мы выяснили, что содержание «*Страх*» (1990), «*Лодка*» (1990), «*Мальчик Ключев, Гагарин и другие*» (1990), «*Страх*» (1993), «*Дом на болоте*» (2014), «*Сквозь занавес*» (2010) предоставит достаточный материал для выявления языковой репрезентации художественного концепта СТРАХ.
2. Изучив словарные статьи, мы определили наполнение ядра и ближней периферии художественного концепта СТРАХ.
3. Проанализировав ядро и ближнюю периферию художественного концепта СТРАХ на материале рассказов Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова мы выяснили, что ближняя периферия данного концепта представлена шире, чем ядро. В результате анализа рассказов, к ядру мы отнесли **3** лексемы (**38** употреблений), а к ближней периферии **39** лексем (**100** употреблений).

4. Выделив **19** индивидуально-авторских ассоциативных соотнесенностей с ключевым словом, мы описали дальнюю периферию художественного концепта СТРАХ на материале рассказов Р.А. Канушкина, А.В. Мазина, М.Е. Павлова, Д.А. Тихонова. При анализе дальней периферии в исследуемых рассказах было выявлено **197** микроконтекстов, что свидетельствует о том, что дальняя периферия художественного концепта СТРАХ представлена шире, чем ядро и ближняя периферия одноименного концепта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительное исследование художественных концептов СТРАХ и ANGST позволило сделать вывод о том, что данные концепты являются значимыми для обеих культур. Это проявляется в их закреплённости в языке, которую можно проследить в ходе анализа литературных источников.

Количественная представленность обоих художественных концептов, на **140** проанализированных страницах художественного текста, поразила своим единообразием. Ядро ХК СТРАХ представлено **3** лексемами (**38** употреблений)/ядро ХК ANGST **4** лексемами (**12** употреблений); ближняя периферия ХК СТРАХ представлена **39** лексемами (**100** употреблений)/ближняя периферия ХК ANGST **53** лексемами (**133** употребления); дальняя периферия ХК СТРАХ представлена **19** ассоциациями (**197** микроконтекстов)/дальняя периферия ХК ANGST **18** ассоциациями (**193** микроконтекста).

Однако, присутствуют различия в частоте употребления отдельных лексем. Слово-репрезентант ХК СТРАХ представлено шире слова-репрезентанта ХК ANGST (**18** употреблений/**6** употреблений). Тем не менее, данное количественное различие возмещает лексема *Furcht*, отнесенная к ближней периферии концепта – **10** употреблений. Ведь слово *страх* вобрало в себя значения, передаваемые в немецком языке двумя лексемами. *Страх* передает значение «внутреннего состояния, обусловленного грозящим реальным или предполагаемым бедствием».

Лексема *ängstlich* является однокоренным словом ключевого слова, которая по результатам исследования является абсолютно неупотребительной (**3** употребления), в сравнении с лексемой *страшно* (**12** употреблений). В обоих случаях лексемы являются носителями одинаковой семантики «переживание чувства страха»:

Мне страшно [Канушкин 2011: 12].

Ich war ängstlich [Sträter 2005: 141].

Но также лексема *ängstlich* в синтаксической функции прилагательного приобретает значение «содержать в себе страх».

Такое значение передается в русском языке за счет синонимов ключевого слова, а именно нами были найдены слова *беспокойный* (1 употребление), *напуганный* (3 употребления), *тревожный* (2 употребления), *трусливый* (1 употребление), которые в свою очередь не часто репрезентировались в текстах.

Но прилагательное *страшный*, являющееся также однокоренным словом слова-репрезентанта, оказалось достаточно частотным – 8 употреблений. Лексема *schrecklich*, с похожей семантикой, отнесена к ближней периферии ХК концепта ANGST. Она является одной из самых частотных лексем – 12 употреблений.

Ближние периферии художественных концептов СТРАХ и ANGST представлены в большей степени за счет существительных и прилагательных / наречий.

Но ближняя периферия ХК СТРАХ имеет большую представленность за счет прилагательных/наречий – 19 лексем (35 употреблений), но по частотности появления в текстах прилагательные/наречия отнесенные к ближней периферии ХК ANGST, превышают показатели ХК СТРАХ – 13 лексем (42 употребления).

В это же время ближняя периферия ХК ANGST больше представлена за счет существительных – 22 лексемы (61 употребление). Данные показатели превышают представленность существительных ближней периферии ХК СТРАХ – 12 лексем (32 употребления).

В обоих лингвокультурах синонимические и антонимические ряды слов-репрезентантов объемны. Каждое синонимическое существительное имеет тончайшие оттенки значения *страха*. В отобранных нами немецкоязычных рассказах прослеживается желание авторов до мельчайших подробностей передать внутреннее состояние героев за счет

существительных. В русскоязычных же рассказах авторы делают акцент на использовании прилагательных/наречий, с помощью которых они придают страшные качества объектам, ситуациям.

Количественная представленность глаголов и причастий, причастий/деепричастий ближних периферий в обоих языках представлена следующими показателями: глаголы – 7 лексем (33 употребления)/10 лексем (21 употребление); причастия/деепричастия, причастия – 2 лексемы (2 употребления)/8 лексем (9 употреблений).

В русскоязычных рассказах частотность глаголов (33 употребления) обусловлена глаголом *бояться* (17 употреблений). В остальном, показатели в обоих языках почти равны.

В немецкоязычных рассказах по количеству лексем и по количеству употреблений причастий показатели выше.

Дальние периферии обоих концептов представлены, можно сказать, в одинаковых пропорциях. Дальняя периферия ХК СТРАХ – 19 ассоциаций (197 микроконтекстов)/дальняя периферия ХК ANGST – 18 ассоциаций (193 микроконтекста).

Так как страх является эмоцией, то его проявление и его «спусковые механизмы» у каждого человека будут одинаковыми. Интерес здесь представляют индивидуальные ассоциации авторов, желанием которых является воздействовать на читателя, принадлежащего к одной лингвокультуре с ними.

Интересно, что большой разницы в количественной представленности микроконтекстов выявлено не было, кроме одной ассоциации, а именно ассоциации «страх смерти». В немецкоязычных рассказах количество примеров с данной ассоциацией превышает почти в два раза (25 микроконтекстов/13 микроконтекстов). Также в немецкоязычных рассказах не была выявлена ассоциация «**чувства вины**».

Таким образом, в ходе анализа и интерпретации полученных результатов цель исследования была достигнута. Нами были выявлены,

описаны и сопоставлены вербализации художественных концептов ANGST и СТРАХ в немецкоязычной и русскоязычной литературе 20-21 веков.

Полученные данные могут быть использованы при разработке теоретических курсов по сравнительной типологии, лингвокультурологии, сравнительному литературоведению и межкультурной коммуникации.

Также хочется отметить, что исследования по этой теме не ограничиваются только уточнениями представлений о концептуализации и вербализации художественных концептов.

Исследования данного рода позволяют выделить индивидуально-авторские представления одного единственного автора, что позволяет расширить представления об индивидуальном авторском стиле. Данные исследования могут стать основой для литературоведческих анализов, а также могут использоваться в курсе интерпретация художественного текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Академия, 1997. – 267-279 с.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1996. – 330 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – М.: Азбука, 2015. – 416 с.
4. Васильева Т.И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (18). – С. 51-54.
5. Грехнева Л.В. Концепт «Чувственность» в творчестве Н. М. Карамзина // Вестник Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (2). – С. 130-133.
6. Дрейзис Ю.А. Художественный концепт прозы Юй Хуа; автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013 – 24 с.
7. Зырянова М.В. Проблемы исследования концептов художественного мышления в современной лингвистике // Вестник Омского государственного ун-та, – 2015. – № 2. – С. 199 – 203.
8. Изард К.М. Психология эмоций. – СПб: Питер, 1999. – 464 с.
9. Карвасарский Б.Д. Неврозы. Руководство для врачей – М.: Медицина, 1990. – 576 с.
10. Коваленко А.Г. Современная русская литература в глобальном культурном пространстве: учебное пособие. – М.: РУДН, 2008. – 231 с.

11. Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: Метода выявления и механизмы семантизации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 1 (том 7). – С. 49-60.
12. Мальцева И.Г. Адекватность перевода цветовых концептов Г. Тракля на русский язык: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 374 с.
13. Маслова В.А. Когнитивная Лингвистика: Учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
14. Пестова Н. В. Случайный гость из готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 297 с.
15. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2 (54). – С.127-131.
16. Полонская Ю.В., Серебренникова А.Н. Лексическая репрезентация концепта «Смерть» в рассказе Э. А. По «Маска красной смерти» (Переводческий аспект) // Вестник науки Сибири. – 2012. – № 5 (6). – С. 230-235.
17. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. – Воронеж: МИОН, 2002. – 150 с.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
19. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 191 с.
20. Попова И.М. Современная русская литература: учебное пособие. – М.: Академия, 2011. – 27 с.
21. Прокофьева В.А. Психология подростка // Страх и тревога / А.А. Реана. – СПб: прайм-Еврознак, 2003. – С. 60-61.

22. Соколова Л.А. Метеорологическая лексика в поэзии К.Д. Бальмонта: состав, семантика и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2015. – 210 с.
23. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
24. Тернова Т.А. Современный литературный процесс: учебное пособие. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2007. – 17 с.
25. Тиминова С.И. Современная русская литература конца 20 – начала 21 века: учебное пособие. – Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 2008. – 64 с.
26. Туктангулова Е.В. Художественные концепты «жизнь» и «смерть» как репрезентанты словообраза «природа» в идиостиле Н.А. Заболоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2007. – 21 с.
27. Филиппов В.О. Языковая концептуализация сред: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М: Московского гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2012. – 26 с.
28. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.
29. Чеснокова Л.С. Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой литературе // Вестник Омского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4 (18). – С. 206-210.
30. Чугунов Д.А. 90-е годы как начало новой немецкой литературы // Вестник ВГУ. – 2005. – № 2 – С. 125-132.
31. Чугунов Д.А. Образ России в современной немецкой литературе // Вестник ВГУ. – 2004. – № 4 – С. 229-247.
32. Чурилина Л.Н. Актуальные проблемы современной лингвистики. – М.: Флинта, 2009. – 416 с.
33. Шишкина О.Ю. Художественный концепт «Поэт» в идиостиле М.И. Цветаевой и его лингвистическая репрезентация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Череповец: Нижегородский гос. ун-т им. Лобачевского, 2003. – 24 с.

- 34.Эрдниева С.Н. Современная российская литература. – Калмыкия: Элиста, 2014. – 43 с.
- 35.Heidegger M. Sein und Zeit. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1967. – 450 с.

Энциклопедии и словари

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практик. справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубрякова [и др.]. – М.: Филол. фак. МГУ, 1997. – 197 с.
3. Немецко-русский синонимический словарь / под ред. И.В. Рахманов [и др.]. – М.: Рус. яз., 1983. – 704.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.
5. Словарь синонимов русского языка. Словарь антонимов русского языка / авт.-сост. О.В. Михайлова. – СПб: Виктория Плюс, 2015. – 608 с.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [и др.]. – М.: Аделант, 2013. – 799 с.
7. Философский энциклопедический словарь / авт.-сост. С.С. Аверенцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев, С.М. Ковалев, Н.М. Ланда, В.Г. Панов, В.С. Степин, П.Н. Федосеев. – 2 изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
8. Этимологический словарь современного русского языка / авт.-сост. А.К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с.
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch 6 / K. Kunkel-Razum, W. Scholze-Stubenrecht, M. Werke. – Mannheim: Wien: Zürich: Dudenverlag, 2006. – 2016 S.

10. Duden Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Band 7 / G. Drosdowski. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989 – 838 S.
11. Duden Sinn-und sachverwandte Wörter: Wörterbuch für den treffenden Ausdruck. Band 8 / W. Müller. – Mannheim: Wien: Zürich: Bibliographisches Institut, 1986. – 800 S.
12. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache: Nebst Bilder-Wörterbuch / A. Pinloche, Th. Matthias. – Leipzig: Friedr. Brandstetter, 1922 – 1203 S.
13. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / H. Görner, G. Kempcke. – Leipzig: graphischer Großbetrieb, 1973. – 643 S.
14. Wörter und Gegenwörter. Antonyme der deutschen Sprache / Ch. Agricola, E. Agricola. – Leipzig: graphischer Großbetrieb, 1977. – 280 S.

Электронные ресурсы

Ресурсы удаленного доступа

1. Блох Р. Вальтер Брандорфф // Мальпертьюи – 2006 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.malpertuis.ru/page/brandorff_bio (дата обращения: 05.04.2016).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Цитадель, 1998. – 11465 с. [Электронный ресурс]. – URL. <http://v-dal.ru/> (дата обращения: 10.03.2017).
3. Дмитрий Тихонов // Лаборатория Фантастики – 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <http://fantlab.ru/autor6693> (дата обращения: 21.03.2017).
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000, – 1209 с. [Электронный ресурс]. – URL. <http://nashislova.ru/efremovoy2/> (дата обращения: 10.03.2017).
5. Канушкин Роман // RuTracker.org. – 2004. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3639876> (дата обращения: 21.03.2017).

6. Канушкин, Роман Анатольевич // Википедия. – 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 21.03.2017).
7. Кьеркегор С.О. Понятие страха. – М.: Академический Проект, 2014. – 52 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=265912> (дата обращения: 10.02.2017).
8. Лавкрафт Г.Ф. Сверхъестественный ужас в литературе. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-reading.club/download.php?book=32370> (дата обращения: 05.04.2017).
9. Литературный процесс 80 - 90-х гг // Русская литература в школе. – 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://litrusia.ru/> (дата обращения: 26.03.2017).
- 10.Мазин, Александр Владимирович // Википедия. – 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 21.03.2017).
- 11.Михаил Павлов // Лаборатория Фантастики – 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <http://fantlab.ru/autor6693> (дата обращения: 21.03.2017).
- 12.Немецкая литература // Википедия. – 2015. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 26.03.2017).
- 13.Немецкие писатели современности // Lifeistgut. – 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lifeistgut.com> (дата обращения: 26.03.2017).
- 14.Ткаченко И.Г. Методы изучения концептов как средств доступа к авторскому сознанию. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Philosophia/4_88297.doc.htm (дата обращения: 15.03.2017).
- 15.Хохрина Н.Г. Современный литературный процесс // Литературная карта Кунгура. – 2015. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kungurlitera.ru> (дата обращения: 26.03.2017).
- 16.Duden online. – 2013. [Электронный ресурс]. – URL. <http://www.duden.de> (дата обращения: 25.04.2015).
- 17.Torsten Sträter // Википедия – 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://de.wikipedia.org> (дата обращения: 14.03.2017).

Литературные источники

1. Brandorff W. Ich werde dein Herz essen. Sieben böse Geschichten. – Frankfurt am Main: Haag und Herchen, 1990. – 150 S.
2. Sträter T. Hämoglobin. – Leipzig: Eldur-Verlag, 2005. – 172 S.
3. Канушкин Р.А. Страх. – М.: АСТ, 2011. – 448 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://fanread.ru/book/9969120/?page=1> (дата обращения: 26.03.2017).
4. Мазин А. В. Страх. – М.: АСТ, 1993, – 15 с. [Электронный ресурс]. <http://readli.net/strah-10/> (дата обращения: 26.03.2017).
5. Самая страшная книга / авт.-сост. М.С. Парфенов – М.: АСТ, 2014. – 512 с. – URL: [Электронный ресурс]. <http://fanread.ru> (дата обращения: 26.03.2017).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Ядро ХК ANGST: слово-репрезентант

Слово-репрезентант	Перевод	Текст оригинала
Angst, Ängste (die)	страх; боязнь; тревога	1. Peter erkannte seinen Freund und nicht mehr, ja das Tier fцЯte ihm noch zusdtzlich Angst ein, so sehr hatte es sich verдndert [Brandorff 1990: 121]. 2. Er verbarg sein Gesicht im Kopfpolster und weinte sich die Angst aus der Seele [Brandorff 1990: 124]. 3. Geschwdcht von der fiebrigen Verkьhlung, ausgepumpt und vor Angst halb wahnsinnig, trieb ihn nur noch der nackte Wille zu ьberleben [Brandorff 1990: 125]. 4. Der Typ war durchgedreht, und ich sage es nicht gern, aber ich bekam es ein bisschen mit der Angst zu tun [Strдter 2005: 123]. 5. Ich bekam Angst, ah Mann, und was fьr welche [Strдter 2005: 128]. 6. Meine Bedenken, ertappt zu werden, waren einer massiven Angst gewichen [Strдter 2005: 137].

Приложение 2. Ядро ХК ANGST: однокоренные слова

однокоренные слова	Перевод	Текст оригинала
Глаголы (1)		
1. dngstigen	пугать, страшить, держать в страхе; бояться, страшиться	1. Niemals wdre er zugestiegen, wenn sich jemand darin befunden hдtte, zusehr дngstigte er sich vor fremden Menschen, scheute ihre Ndhe [Brandorff 1990: 7]. 2. Er wuЯte mit einem Mal nicht, vor wem er sich mehr дngstigen muЯte, vor dem Hund oder vor dem unheimlichen Besucher drauЯen [Brandorff 1990: 121].
Прилагательные / наречия (2)		
1. angsterfьllt	преисполненный страха	1. Er hockte angsterfьllt in Heu und betete lautlos vor sich hin [Brandorff 1990: 129].

2. dngstlich	боязливый, робкий, трусливый, нерешительный	1. Sie rief in den Schacht hinunter, selbst erstaunt, wie dngstlich und fremd ihre Stimme sich anhörte [Brandorff 1990: 24]. 2. Immer wieder blickte sich der eine oder der andere dngstlich nach der schwarzen Öffnung im Sarg um [Brandorff 1990: 30]. 3. Ich war dngstlich [Strdter 2005: 141].
--------------	---	--

Приложение 3. Ближняя периферия ХК ANGST: синонимы

Синонимы	Перевод	Текст оригинала
Существительные (20)		
1. Alptraum (der)	кошмар, кошмарный сон	1. Wie schen würde es sich an sie zu schmiegen und diesen furchtbaren Alptraum zu vergessen [Brandorff 1990: 40]. 2. Es war zuviel gewesen, wodurch hatte er sich diesen furchterlichen Alptraum verdient [Brandorff 1990:124]? 3. Von allen Entscheidungen, die mein benebeltes Gehirn hätte treffen können, traf ich eine, die mich in einen Alptraum katapultierte [Strdter 2015: 135].
2. Anstrengung (die)	напряжение	1. Mit großer Mühe gelang es ihm schließlich, und er keuchte vor Anstrengung [Brandorff 1990: 119].
3. Bedrohung (die)	угроза	1. [...], ein Gefühl unmittelbarer Bedrohung, [...] [Brandorff 1990: 108].
4. Entsetzen (das)	ужас	1. Mark sah starr vor Entsetzen [Brandorff 1990: 33]. 2. Tiefes Entsetzen lähmte seinen Körper [Brandorff 1990: 38]. 3. Ich stand vor Entsetzen wie betäubt vor dem verstümmelten Leichnam meines Vaters [Brandorff 1990: 116]. 4. Peter schrie vor Schreck und Enttäuschung laut auf, aber sein Schreien verwandelte sich in stummes Entsetzen, als er die gräßlich zerquetschte Brust sah, aus der das Sägemehl, das die schwere Verletzung für die Aufbahrung im offenen Sarg verdecken sollte, wie aus einer Kleiderpuppe ausgeronnen war [Brandorff 1990: 122]. 5. Peter stand wie angenagelt an der Wand und sah mit wachsendem Entsetzen

		[Brandorff 1990: 122]. 6. [...] die Mutter und die Witwe des Toten, beide vor Entsetzen wie gelähmt, der Hofknecht und ein paar Verwandte und Nachbarn, die Gesichter wie zu Masken erstarrt [Brandorff 1990: 134].
5. Entsetzensschrei (der)		1. Mit einem Entsetzensschrei fuhr Arnold in die Höhe [Brandorff 1990: 61]. 2. Er biß die Zähne zusammen, denn er wußte, wenn er den Mund aufmachte würde er vor Verzweiflung schreien, und diese Entsetzensschreie würden seine letzte Kraft kosten, oder ihn vollends in den Wahnsinn treiben [Brandorff 1990: 125].
6. Entsetzliche (das)	ужасное, страшное	1. Erstmals schwante Mander Entsetzliches [Brandorff 1990: 78].
7. Furcht (die)	страх, боязнь	1. Wie wird sie es mir sagen, flüsterte er sich zu, und obwohl der Drang groß war, wagte er keinen Blick mehr auf seine Germania, aus Furcht, sie durch sein laufendes Anstarren zu verdrängen [Brandorff 1990: 10]. 2. Korber erkannte, daß sie auf ihn gewartet hatte, und in seine Freude mischte sich einen Augenblick, so etwas wie Furcht, wie die plötzliche Ahnung von Gefahr [Brandorff 1990: 14]. 3. Erstmals beschlich ihn Furcht [Brandorff 1990: 23]. 4. Furcht in diesem Verließ die Nacht verbringen zu müssen [Brandorff 1990: 23]. 5. Die Furcht übermannte sie wie eine Flutwelle [Brandorff 1990: 24]. 6. Wie zuvor er, starrten sie auf den geöffneten Sarg. In ihren Augen sah er es weiß funkeln, in den Winkeln sah die Furcht [Brandorff 1990: 30]. 7. Etwas Böses und Mächtiges fühlte mit seiner Gegenwart den Raum aus, und dieser Gedanke ließ Mark vor Furcht zittern [Brandorff 1990: 31]. 8. Sie vermied es Mark in die Augen zu sehen, aus Furcht, darin ihren eigenen Schrecken zu lesen [Brandorff 1990: 31]. 9. Mander bemerkte mit aufkeimender Furcht, daß sowohl der Ducteur als

		auch der Concierge darunter waren [Brandorff 1990: 78]. 10. Als ob alle Tiere sich in irgendwelche Verstecke verkrochen htten und dort vor Furcht den Atem anhielten, dachte er [Brandorff 1990: 125].
8. Frchten (das)	боязн, страх	1. «Es ist so bedrohlich still hier. Zum Frchten still» [Brandorff 1990: 28].
9. Grauen (das)	ужас	1. Das Grauen hatte ihr die Sprache verschlagen, aber in ihrem Herzen, da schrie sie wie noch nie zuvor in ihrem Leben [Brandorff 1990: 33]. 2. «Was ...was ist geschehen,» flsterte sie, als knnte ein lautes Wort das Grauen aus dem Sarg locken [Brandorff 1990: 33]. 3. «Mark, wenn das... Grauen aus dem Sarg steigt?» [Brandorff 1990: 34]. 4. Sie schien das Grauen, das pltzlich die ganze Gruft erfllte, nun auch zu spren [Brandorff 1990: 37]. 5. Das Grauen breitete sich in seinem Kopf aus wie eine explodierende Granate [Brandorff 1990: 41]. 6. Keiner von uns rhrte sich, denn im Raum breitete sich etwas aus, das uns Grauen einflyete [Brandorff 1990:114]. 7. Die Duplizitt der Flle jagte ihm Grauen ein [Brandorff 1990:117-118]. 8. Erst als er ein einzeltes Muhen und Grunzen aus den Stllen herberdringen hrte, glaubte er daran, da das Grauen endgltig berstanden war [Brandorff 1990: 133]. 9. [...] und ich sa da und hrte in meinem Kopf meine persnliche Sinfonie des Grauens [Strtter 2005: 117].
10. Grauensvoll (das)	страшное, ужасное. жуткое	1. Er frchtete berzuschnappen, wenn er nur daran dachte, was da drin hausen mochte, Billys Kampf um sein Leben war das absolut Grauensvollste , was er in seinem jungen Leben mitangesehen hatte [Brandorff 1990: 34].
11. Panik (die)	паника	1. Der Fund jagte ihm einen derartigen Schrecken ein, da er in der Panik davor zurckwich, bis er an den Sarg stie [Brandorff 1990: 41]. 2. Wieder drohte den Jungen Panik zu bermannen [Brandorff 1990: 129]. 3. In aufkeimender Panik wies Korber auf

		diese und jene Speise ohne zu fragen, was sich hinter den phantasievollen Bezeichnungen verbarg [Brandorff 1990: 10]. 4. «Buh!» sagte er in mein linkes Ohr. Mir wurde heiß vor Panik [Sträter 2005: 138]. 5. Panik überkam mich [Sträter 2005: 145].
12. Schauer (der)	ужас, дрожь, трепет	1. Korber floЯ ein wohliger Schauer ьber den Rьcken, als er die Worte vor sich hin fьlsterte [Brandorff 1990: 9]. 2. Erdachte an die StewardeЯ vom Herflug und ein erregender Schauer jagte ihm ьber den Rьcken [Brandorff 1990: 73].
13. Scheu (der)	боязнь, застенчивость, страх, робость	1. Billy ging die Tafeln ab, er schien als einziger keine Scheu zu empfinden [Brandorff 1990: 26].
14. Schock (der)	шок; (нервное) потрясение;	1. Er hatte als Einzelkind seine Mutter sehr geliebt und ihr plötzlicher Tod war fьr ihn ein furchtbarer Schock gewesen, an dem er noch immer litt [Brandorff 1990: 21]. 2. Dem Schock, der seine Nerven wie Klaviersaiten angespannt hatte, war es zuzuschreiben, daЯ er aus seiner Selbstbemitleidung plötzlich aufschreckte [Brandorff 1990: 124].
15. Schreck (der)	страх, испуг, ужас	1. Peter schrie vor Schreck und Enttduschung laut auf [...] [Brandorff 1990: 122].
16. Schrecken (der)	страх, испуг	1. Sie vermied es Mark in die Augen zu sehen, aus Furcht, darin ihren eigenen Schrecken zu lesen [Brandorff 1990: 31]. 2. Und bei allem Schrecken гдhnте er und der Kopf sackte ihm auf die Brust [Brandorff 1990: 40]. 3. Der Fund jagte ihm einen derartigen Schrecken ein, daЯ er in Panik davor zurьckwich, bis er an den Sarg stieЯ [Brandorff 1990: 41]. 4. Er warf noch einen letzten Blick auf die Leichen bevor er zum Auto zurьckkehrte, und dieser letzte Blick, so hat er mir berichtet, jagte ihm den ersten irrationalen Schrecken ein [Brandorff 1990: 41]. 5. Zu seinem groЯen Schrecken muЯte er erkennen, daЯ seinen Kьrper Wellen

		der Erregung durchliefen [Brandorff 1990: 78]. 6. Der Junge machte ein paar knieweiche Schritte zum Fenster hin - und wdre vor Schreck fast in Ohnmacht gefallen [Brandorff 1990: 118]. 7. Der Schrecken war so groЯ, daЯ er nur vor sich hin stammeln konnte: «Der Teufel ist da, der Teufel, der Teufel...». Sein Herz hatte wie rasend zu schlagen angefangen, er war nicht imstande einen klaren Gedanken zu fassen [Brandorff 1990: 121]. 8. Peter hoffte inbrўnstig, daЯ der Schrecken damit zu Ende wdre. Er ballte die Hдnde zu Fдusten und biЯ sich in die Unterlippe, so stark wўnschte er sich, daЯ der Hund gesiegt habe ўber den Teufel [Brandorff 1990: 122]. 9. Konnte er ihn nicht ўberhaupt befreien, von dem Schrecken [Brandorff 1990: 126]? 10. Ebenso plutzlich, wie der Schrecken in Gestalt des toten Vaters am Weg drauЯen vor dem Hof aufgetaucht war, endete er [Brandorff 1990: 126]. 11. Der Fernseher lieferte die ўblichen Bilder des Schreckens, was mich nicht verwunderte oder stўrte [Strдter 2005: 117].
17. Sorge (die)	беспокойство, тревога, волнение	1. GroЯe Sorge erfаЯt mich, wenn ich daran denke, was nach meinem Tod geschehen kўnnte [Brandorff 1990: 117].
18. Spannung (die)	напряжение	1. Er schloЯ die Augen, denn die Spannung war nicht mehr zu ertragen [Brandorff 1990: 32].
19. Unbehagen (das)	неприятное чувство	1. Aber wie er sich auf mich als seinen neuen Nachtkassierer eingeschossen hatte, bereitete mir Unbehagen [Strдter 2015: 133].
20. Unruhe (die)	беспокойство	1. Eine Unruhe, die aus ihm selbst kam, [...] [Brandorff 1990: 108].
Прилагательные / наречия (12)		
1. furchtbar	ужасный, страшный	1. Er hatte als Einzelkind seine Mutter sehr geliebt und ihr plutzlicher Tod war fўr ihn ein furchtbarer Schock gewesen, an dem er noch immer litt [Brandorff 1990: 21]. 2. Wie schўn wdre es sich an sie zu

		schmiegen und diesen furchtbaren Alptraum zu vergessen [Brandorff 1990: 40]. 3. Es fiel ihm schwer sich auf die Kursbewegungen zu konzentrieren, immer wieder schweiften seine Gedanken ab und verbissen sich in den furchtbaren Unfall [Brandorff 1990: 54]. 4. Wieder ein furchtbarer Unfall, dachte Peter, dem die Schilderung seines Vaters über den Tod des Großvaters noch in den Knochen saß [Brandorff 1990: 117].
2. fürchterlich	ужасный, страшный	1. Es war zuviel gewesen, wodurch hatte er sich diesen fürchterlichen Alptraum verdient [Brandorff 1990:124]? 2. Da ein jeder den Unfallhergang kannte, bei dem der Bauer das Leben gelassen hatte, erwartete sich ohnehin keiner einen schönen Anblick, aber das, was da an Verstümmelungen zu sehen war, war fürchterlich [Brandorff 1990:134].
3. gräßlich	страшный, ужасный, отвратительный, омерзительный	1. Gräßliche Vorstellungen quälten ihn [Brandorff 1990: 34]. 2. Da lag er vor mir in seinem Blut. Ein Unfall, gewiß, aber was für einer! So einen gräßlichen Anblick habe ich im ganzen Leben nie wieder gehabt [Brandorff 1990: 116]. 3. Die gräßliche Szene trat vor seine Augen: Blutig gefärbter Schnee, ein verkrümmter Körper, in den sich eine Kettensäge hineingefressen hatte, ein Kopf, dessen blicklose Augen in den Himmel stierten, und über allem blasse Winterstille [Brandorff 1990: 117]. 4. Zugleich verstummten die gräßlichen Schreie der Tiere in den Ställen. Es war mit einem Mal sehr still im Haus, so still, daß Peter meinte sein pochendes Herz schlagen zu hören [Brandorff 1990: 120]. 5. Peter schrie vor Schreck und Enttäuschung laut auf, aber sein Schreien verwandelte sich in stummes Entsetzen, als er die gräßlich zerquetschte Brust sah, aus der das Sägemehl, das die schwere Verletzung für die Aufbahrung im offenen Sarg verdecken sollte, wie aus einer

		Kleiderpuppe ausgeronnen war [Brandorff 1990: 122]. 6. Ein gròЯliches Bild bot sich am Ort des Geschehens den Blicken dar [Brandorff 1990: 134]. 7. Ein schrecklicher Unfall, das war die Meinung all derer, die von dem gròЯlichen Vorfall hürten [Brandorff 1990: 145].
4. grauensoll	страшный, ужасный	1. Ich weiЯ nur, dass es gruensoll war. Grauensoll! Was hockt da drin, im ... «Sie sprach das Wort nicht aus» [Brandorff 1990: 34]. 2. Ich weiЯ nur, dass es grauensoll war. Grauensoll! Was hockt da drin, im ... «Sie sprach das Wort nicht aus» [Brandorff 1990: 34]. 3. Es war das gruensolle Ding, das sich verstellte um ihn anzulocken [Brandorff 1990: 40]. 4. In der Tür stand die Kreatur, gruensoller anzusehen denn je [Brandorff 1990: 124]. 5. Trotzdem war es gruensoll, wie sich die menschliche Gestalt abqudte [Brandorff 1990: 133].
5. grausig	ужасный	1. Jetzt, wo er genau aufpaЯte, kam ihm vor, als hüre er ein Schleifen, ReiЯen und Brechen, als verrichte dort drin etwas ein grausiges Werk [Brandorff 1990: 34]. 2. Zwischen dem Kopf und der Schulter klaffte eine tiefe Wunde, ein grausiger Spalt, wie in den Rumpf gehackt, in den die Enden zermatschter Knochen, Sehnen, Adern und Nerven hingen [Brandorff 1990: 116].
6. grauslich	ужасный, страшный, жуткий	1. Das ist ja grauslich finster hier [Brandorff 1990: 25]. 2. Bei seiner Ankunft saЯen vor dem KongreЯhaus, einer grauslichen Betonschachtel, nur alte Menschen in der schwachen Vormittagssonne [Brandorff 1990: 92].
7. panikartig	панический	1. Der Griff ans Glied versetzte ihm einen panikartigen Schrecken [Brandorff 1990: 16].

8. schaurig	страшный	1. Arnold fielen Geschichten ein, die ihm seine Großmutter vor vielen Jahren erzdhlen hatte, schaurige Geschichten von Besuchern aus dem Jenseits, die in die Welt zurьckkehrten, um andere Menschen zu holen [Brandorff 1990: 55].
9. schockiert	шокированный	1. Franco schaute schockiert auf [Strdter 2005: 147].
10. schrecklich	ужасный, страшный, жуткий	1. Schreckliche Bilder von einer unfьrmigen schleimigen Masse, die im Sarg auf ihn lauerte [Brandorff 1990: 32]. 2. Es hdtte des danebenliegenden blutbefleckten chirurgischen Bestecks gar nicht bedurft, um schrecklichen Verdacht zu schupfen [Brandorff 1990:17]. 3. Es hdtte des danebenliegenden blutbefleckten chirurgischen Bestecks gar nicht bedьrft, um schrecklichen Verdacht zu schupfen [Brandorff 1990: 17]. 4. Er dachte an diese schreckliche Stunde in der Menge vor dem offenen Grab ... [Brandorff 1990: 17]. 5. Er hatte getrdumt die Kerze sei erloschen und ein schreckliches Wesen, mehr eine Qualle als ein Mensch, sein aus dem Sarg gestiegen [Brandorff 1990: 40]. 6. Es waren wieder die beiden schrecklichen Alten, die er niedergefahren hatte [Brandorff 1990: 52]. 7. «Was fьr schreckliche Gabe lieЯ ihn einen Blick in die Zukunft tun» [Brandorff 1990: 117]? 8. Wohl hatte er von dem Unfalltod des Großvaters gehьrt, aber niemand, auch seine Großmutter nicht, die ihm lange Geschichten zu erzdhlen pflegte, hatte ihm bis heute die schrecklichen Einzelheiten berichtet [Brandorff 1990: 117]. 9. Die Haare am ganzen Rьcken zu einer Bьrste aufgestellt, die Lippen weit zurьckgezogen, daЯ der Geifer zu Boden tropfte, und die Augen schrecklich , ьberdreht, stieЯ er ein Jaulen und Knurren zugleich aus, wdhrend er sich aus seiner kauenden

		Stellung aufrichtete [Brandorff 1990: 121]. 10. Navratil konnte nach seiner schrecklichen Verstümmelung kein Blut mehr sehen, besonders sein eigenes nicht mehr [Brandorff 1990: 136]. 11. Ein schrecklicher Unfall, das war die Meinung all derer, die von dem gräßlichen Vorfall hürten [Brandorff 1990: 145]. 12. Er versuchte, aufzustehen, und einen schrecklichen Moment lang dachte ich, er würde das Panzerband einfach absprengen [Strdter 2005: 149].
11. unbehaglich	жуткий, неприятный	1. Auch er fühlte sich in der Finsternis unbehaglich. Und in einem verlassenem Waldstück mutterseelenallein... [Brandorff 1990: 24]. 2. Er fragte mich unbehaglich [Strdter 2005: 24].
12. unheimlich	жуткий, ужасный, страшный	1. Er wußte mit einem Mal nicht, vor wem er sich mehr dngstigen mußte, vor dem Hund oder vor dem unheimlichen Besucher draußen [Brandorff 1990: 121]. 2. Er wußte mit einem Mal nicht, vor wem er sich mehr dngstigen mußte, vor dem Hund oder vor dem unheimlichen Besucher draußen [Brandorff 1990: 121]. 3. Es ist unheimlich. Mark, da bewegt sich etwas auf mich zu. Ich komme zu euch... [Brandorff 1990: 24]. 4. Ihr rechter Arm schnellte hoch und mit unheimlicher Kraft schleuderte sie das Beil gegen die Fahrerkabine [Brandorff 1990: 131].
Причастия (7)		
1. alarmiert	тревожащий, настораживающий	1. Er benahm sich wie mein bester Kumpel, aber er machte einen alarmierten Eindruck [Strdter 2005: 128].
2. angespannt	напряженный	1. Vor Konzentration schloß er die Augen, und so, höchste angespannt, vernahm er die schweren Schritte, die sich ndherten, in einem Zustand ekstatischer Erregung [Brandorff 1990: 14].
3. angestrengt	напряжённый, усиленный	1. Eva fürchtete sich. Sie drückte sich an die glatten Quadersteine und starrte angestrengt in die Dunkelheit

		[Brandorff 1990: 24]. 2. Stille, in die man angestrengt lauschte, ob sich da nicht etwas Buses an einen heranschlich [Brandorff 1990:28].
4. beklemmend	удручающий, гнетущий, тягостный	1. Er war mit dem beklemmenden Gefühl aufgewacht, nicht allein im Zimmer zu sein [Brandorff 1990: 50].
5. erschreckt	пришедший в ужас	1. Ihre Worte, mehr aber noch ihr zu Tode erschrecktes Gesicht alarmierten Billy und Mark [Brandorff 1990: 30].
6. erschrocken	испуганный	1. Mark sah sie erschrocken an. «Hast du zu Hause gesagt, daß wir zum Mausoleum wollen?» rief er Billy zu [Brandorff 1990: 26].
7. geschockt	шокированный	1. Geschockt hatte er noch untätig zugesehen, wie die Kreatur die Füße in den schmutzigen, schneedurchweichten Schuhen auf den Küchenboden gesetzt und den ersten schwankenden Schritt auf ihn zu gemacht hatte [Brandorff 1990: 122].
Глаголы (10)		
1. alarmieren	тревожить, беспокоить	1. Ihre Worte, mehr aber noch ihr zu Tode erschrecktes Gesicht alarmierten Billy und Mark [Brandorff 1990: 30].
2. aufschrecken	испугать	1. Dem Schock, der seine Nerven wie Klaviersaiten angespannt hatte, war es zuzuschreiben, daß er aus seiner Selbstbemitleidung plötzlich aufschreckte [Brandorff 1990: 124].
3. befürchten	опасаться, бояться (чего-л.)	1. Er legte sich aufs Bett, setzte sich aber gleich wieder auf, da er befürchtete , einzuschlafen und seine große Stunde zu versäumen [Brandorff 1990: 16].
4. beunruhigen	обеспокоить	1. Es war der Brief, der ihn beunruhigte , und kurz entschlossen riß er das Kuvert auf [Brandorff 1990: 16].
5. erschrecken	испугаться, прийти в ужас	1. Es war mehr ein Krächzen als ein zärtliches Geflüster und er erschrak darüber [Brandorff 1990: 11].
6. erschrecken	испугать, пугать	1. Diese Vorstellung erschreckte Peter, der sich schon gebückt hatte, um einen Blick durchs Schlüsselloch zu werfen, dermaßen, daß er hochfuhr und ein paar hastige Schritte nach rückwärts gegen die Stiege machte [Brandorff 1990: 126].

7. fьrchten	бояться, опасаться	1. Eva fьrchtete sich. Sie drьckte sich an die glatten Quadersteine und starrte angestrengt in die Dunkelheit [Brandorff 1990: 24]. 2. «Ich fьrchte, ich werde ihm nicht so schnell abgehen!». «Ich weiЯ nicht, ich finde es seltsam, daЯ in dem Steinsarg kein Manndorff liegt» [Brandorff 1990: 27]! 3. Aber er fьrchtete sich nicht wenige als die anderen [Brandorff 1990: 30]. 4. Viel lieber wьre er bei den anderen geblieben, denn er fьrchteten sich nicht weniger als sie [Brandorff 1990: 32]. 5. Er fьrchtete ьberzuschnappen, wenn er nur daran dachte, was da drin hausen mochte, Billys Kampf um sein Leben war das absolut Grauensvollste, was er in seinem jungen Leben mitangesehen hatte [Brandorff 1990: 34]. 6. Beinahe fьrchtete er aus einem schьnen Traum jьh zu erwachen und sich in seiner billigen Kleinstadtwohnung Angesicht zu Angesicht mit seiner Frau wiederzufinden [Brandorff 1990: 76]. 7. Ich fьrchte, ihre Familie oder der Sippenlteste hat ihr keine Wahl gelassen, als den Griff zum Messer [Brandorff 1990: 113]. 8. Er fьrchtet sich auch, dachte er, er ahnt, was da auf das Haus zukommt. Er wittert das Bьse [Brandorff 1990: 119]. 9. «Ruhig, alter Freund, nur ruhig», flьsterte er und wunderte sich ьber den fremden Klang seiner Stimme. «Wir fьrchten uns, aber wir wollen nicht den Kopf verlieren» [Brandorff 1990: 120]. 10. «Guter alter Sultan», flьsterte er, und er schьmte sich ein wenig, daЯ er sich vor ihm gefьrchtet hatte. «Guter alter Freund» [Brandorff 1990: 121]. 11. «Kьnnen wir, aber ich fьrchte, sie haben mich etwas zu reichlich bewirtet» [Strьter 2005: 133]. 12. Diesen Augenblick hatte ich in den letzten, vom infernalischen Brummen des Kompressors untermalten Minuten mehr gefьrchtet als irgendetwas zuvor in meinem Leben [Strьter 2005: 143].
-------------	--------------------	---

8. scheuen	бояться, страшиться, пугаться	1. Niemals wdre er zugestiegen, wenn sich jemand darin befunden hdtte, zusehr dngstigte er sich vor fremden Menschen, scheute ihre Nдhe [Brandorff 1990: 7].
9. schrecken	пугать; запугивать	1. Aber nach wenigen Minuten schreckte er wieder hoch und sah zum Sarg hin [Brandorff 1990: 38].
10. zurьckschrecken	ужасаться, страшиться, бояться	1. Er erreichte den Mittelgang und schreckte wie vor einer Schlange zurьck , als er das Kьchenmesser vor sich am Boden liegen sah [Brandorff 1990: 130].

Приложение 4. Ближняя периферия ХК ANGST: антонимы

Антонимы	Перевод	Текст оригинала
Существительные (2)		
1. Mut (der)	мужество, храбрость, смелость, отвага	1. Jetzt hat er wieder Mut gefaЯt [Brandorff 1990: 38]. 2. Nie hdtte er den Mut gehabt dieses prachtvolle junonische Weib anzureden [Brandorff 1990: 9].
1. Ohne Scheu	без боязни, без смущения	1. Ohne Scheu griff sie nach meiner linken Hand [...] [Brandorff 1990: 110].
Причастие (1)		
1. nicht furchteinfluЯend	не внушающий страх	1. Waren es frьher ernste, aber durchaus nicht furchteinfluЯende Alltagsgesichter gewesen [Brandorff 1990: 61].
Прилагательные / наречия (1)		
1. mutig	смелый, мужественный	1. Das war ein mutiger Schritt von ihm [Brandorff 1990: 21].

Приложение 5. Дальняя периферия ХК ANGST

Индивидуально-авторская ассоциативная соотнесенность (18)	Текст оригинала
1. внутренние и внешние проявления страха	1. Korber floЯ ein wohliger Schauer über den Rücken, als er die Worte vor sich hin flüsterte [Brandorff 1990: 9]. 2. Ihn fröstelte bei dem Gedanken an die vielen Toten, die hier beigesetzt waren [Brandorff 1990: 27]. 3. Ihre Worte, mehr aber noch ihr zu Tode erschrecktes Gesicht alarmierten Billy und Mark [Brandorff 1990: 30]. 4. Sie drückte sich an die glatten Quadersteine und starrte angestrengt in die Dunkelheit [Brandorff 1990: 24]. 5. Etwas Böses und Mächtiges füllte mit seiner Gegenwart

	den Raum aus, und dieser Gedanke ließ Mark vor Furcht zittern. Er konnte nicht sehen, nicht hören, nichts riechen[...] [Brandorff 1990:31]. 6. Tiefes Entsetzen lähmte seinen Körper [Brandorff 1990: 38]. 7. Es war Schwerarbeit, einen Fuß vor den anderen zu setzen. Als würde er in tiefem Schlamm waten [Brandorff 1990:32]. 8. Er schloß die Augen, denn die Spannung war nicht mehr zu ertragen [Brandorff 1990: 32]. 9. Das Grauen hatte ihr die Sprache verschlagen, aber in ihrem Herzen, da schrie sie wie noch nie zuvor in ihrem Leben [Brandorff 1990: 33]. 10. Eva rannen die Tränen in Strömen übers Gesicht [...]. Das Grauen hatte ihr die Sprache verschlagen, aber in ihrem Herzen, da schrie sie wie noch nie zuvor in ihrem Leben [Brandorff 1990: 33]. 11. Der Schweiß trat ihm auf die Stirne. Mit zitternden Knien ließ er sich an der Wand zu Boden rutschen. Gräßliche Vorstellungen quälten ihn [Brandorff 1990: 34]. 12. Die Furcht übermannte sie wie eine Flutwelle [Brandorff 1990: 24]. 13. Der Schweiß trat ihm auf die Stirne. Mit zitternden Knien ließ er sich an der Wand zu Boden rutschen. Gräßliche Vorstellungen quälten ihn [Brandorff 1990: 34]. 14. Ihr Gesicht, weiß wie ein Leintuch, wie in Trance zum Kerzenschein hingerrichtet. «Vielleicht scheut es das Licht» [Brandorff 1990: 35]. 15. Marks Herz pochte wie ein Schmiedehammer. [...].Tiefes Entsetzen lähmte seinen Körper [Brandorff 1990: 38]. 16. Und dann hörte er zum ersten Mal nach zwei Jahren die Stimme seiner Mutter. Es war sie und es war sie nicht [...]. Sein Rücken fühlte sich an, als habe ihm jemand einen Kübel eiskaltes Wasser übergegossen [Brandorff 1990: 38]. 17. Billy wehrte sich verzweifelt. Er klammerte sich an den Sargrand und versuchte sich mit den Beinen abzustützen. Plötzlich drehte er sein Gesicht zu den beiden anderen hin, öffnete den Mund zu einem Schrei [...] [Brandorff 1990:33]. 18. Und dann hörte er zum ersten Mal nach zwei Jahren die Stimme seiner Mutter. Es war sie und es war sie nicht [...]. Die Haare standen ihm zu Berg [Brandorff 1990: 38]. 19. Das Grauen breitet sich in seinem Kopf aus wie eine explodierende Granate [Brandorff 1990: 41]. 20. Etwas, wie ein Schwall Blut, ergoß sich auf den Boden. Eva stöhnte und erbrach sich und auch Mark stieg ein Würgen in der Kehle hoch [Brandorff 1990: 33]. 21. Etwas, wie ein Schwall Blut, ergoß sich auf den Boden. Eva stöhnte und erbrach sich und auch Mark stieg ein Würgen in der Kehle hoch [Brandorff 1990: 33].
--	---

	22. Sofort wieder verschwanden sie (zwei Gestalten) aus Arnolds Blickfeld, während das Auto noch immer in Vollbremsung geradeaus dahinschlitterte und nach langen Sekunden zum Stillstand kam. Arnold blieb erstarrt sitzen, die Hände am Lenker, die Augen nach vorne gerichtet [Brandorff 1990: 45]. 23. Er hatte geschrien wie am Spieß, weil er gedacht hatte, das, was mit ihm geschah, sei das Sterben [Brandorff 1990: 46]. 24. Als Arnold einen Schritt näher an den Niedergestoßenen herantrat stieg ihm ein Würgen an die Kehle hoch [Brandorff 1990: 46]. 25. Soweit es Arnold aus der Entfernung sehen konnte, gab auch er keine Lebenszeichen von sich. [...] im Mund hatte er einen üblen sauren Geschmack. Er spuckte auf die Straße aus, hustete und spuckte noch einmal [Brandorff 1990: 47]. 26. Einen Moment lang sah Arnold ohne zu begreifen auf den blutigen Fußstumpf. Als er erkannte, was er da in der Hand hatte, warf er mit einem Aufstöhnen den Stumpf von sich [Brandorff 1990: 47]. 27. Einen Moment lang sah Arnold ohne zu begreifen auf den blutigen Fußstumpf. Als er erkannte, was er da in der Hand hatte, warf er mit einem Aufstöhnen den Stumpf von sich. Mit der Hand vor dem Mund taumelte er zum Straßengraben und erbrach sich [Brandorff 1990: 47]. 28. Die beiden Toten von der Landstraße waren in seinem Zimmer. Sein Herz schlug als wollte es die Brust sprengen [Brandorff 1990: 54]. 29. Mit einem Entsetzensschrei fuhr Arnold in die Höhe [Brandorff 1990: 61]. 30. Ich stand vor Entsetzen wie betäubt vor dem verstümmelten Leichnam meines Vaters [Brandorff 1990: 116]. 31. Der Junge machte ein paar knieweiche Schritte zum Fenster hin und wäre vor Schreck fast in Ohnmacht gefallen [Brandorff 1990: 118]. 32. Am Weg zum Hof, noch außerhalb des Gebäudes aber keine hundert Meter vor der Einfahrt, stand eine schwarze Gestalt. Er fuhr sich mit beiden Händen ins Gesicht um den Aufschrei zu unterdrücken, der ihm in der Kehle steckte [Brandorff 1990: 118]. 33. Mit großer Mühe gelang es ihm schließlich, und er keuchte vor Anstrengung [Brandorff 1990: 119]. 34. «Wir fürchten uns, aber wir wollen nicht den Kopf verlieren!»[...]. Es war mit einem Mal sehr still im Haus, so still, daß Peter meinte sein pochendes Herz schlagen zu hören [Brandorff 1990: 120]. 35. Peter starrte die Erscheinung gebannt an. Der Schrecken war so groß, daß er nur vor sich hin stammeln konnte: »Der Teufel ist da, der Teufel, der Teufel...« Sein Herz hatte wie rasend zu schlagen angefangen, er war nicht
--	---

	imstande einen klaren Gedanken zu fassen [Brandorff 1990: 120]. 36. Peter starrte die Erscheinung gebannt an. Der Schrecken war so groß, daß er nur vor sich hin stammeln konnte: »Der Teufel ist da, der Teufel, der Teufel...« Sein Herz hatte wie rasend zu schlagen angefangen, er war nicht imstande einen klaren Gedanken zu fassen [Brandorff 1990: 120]. 37. Peter starrte die Erscheinung gebannt an. Der Schrecken war so groß, daß er nur vor sich hin stammeln konnte: »Der Teufel ist da, der Teufel, der Teufel...« Sein Herz hatte wie rasend zu schlagen angefangen, er war nicht imstande einen klaren Gedanken zu fassen [Brandorff 1990: 120]. 38. Peter starrte die Erscheinung gebannt an. Der Schrecken war so groß, daß er nur vor sich hin stammeln konnte: »Der Teufel ist da, der Teufel, der Teufel...« Sein Herz hatte wie rasend zu schlagen angefangen, er war nicht imstande einen klaren Gedanken zu fassen [Brandorff 1990: 120]. 39. Er wußte mit einem Mal nicht, vor wem er sich mehr ängstigen mußte, vor dem Hund oder vor dem unheimlichen Besucher draußen. Er preßte sich an die Wand, als könnte sie ihn verschlucken [Brandorff 1990: 121]. 40. Peter schrie vor Schreck und Enttäuschung laut auf, aber sein Schreien verwandelte sich in stummes Entsetzen, als er die gräßlich zerquetschte Brust sah [Brandorff 1990: 122]. 41. Peter stand wie angenagelt an der Wand und sah mit wachsendem Entsetzen [Brandorff 1990: 122]. 42. Peter tastete mit zitternden Fingern nach der Türklinke hinter seinen Rücken. Ohne die auf ihn zuschwankende Kreatur auch nur für einen Moment aus den Augen zu lassen [...] [Brandorff 1990: 123]. 43. Er verbarg sein Gesicht im Kopfpolster und weinte sich die Angst aus der Seele [Brandorff 1990: 124]. 44. Dem Schock, der seine Nerven wie Klaviersaiten angespannt hatte, war es zuzuschreiben, daß er aus seiner Selbstbemitleidung plötzlich aufschreckte [Brandorff 1990: 124]. 45. Geschwächt von der fiebrigen Verköhlung, ausgepumpt und vor Angst halb wahnsinnig, trieb ihn nur noch der nackte Wille zu überleben [Brandorff 1990: 125]. 46. Geschwächt von der fiebrigen Verköhlung, ausgepumpt und vor Angst halb wahnsinnig, trieb ihn nur noch der nackte Wille zu überleben [Brandorff 1990: 125]. 47. Als ob alle Tiere sich in irgendwelche Verstecke verkrochen hätten und dort vor Furcht den Atem anhielten, dachte er. Herz begann wieder wie wild zu hämmern [Brandorff 1990: 125]. 48. Sein Herz schlug ihm hart in der Kelle. Peter dachte: Der
--	--

	Teufel lauert am Rande des Heuhaufens und lauscht, ob ich mein Versteck verrate [Brandorff 1990: 128]. 49. Peter dachte: Der Teufel lauert am Rande des Heuhaufens und lauscht, ob ich mein Versteck verrate. Schweiß rann ihm über die Stirne [Brandorff 1990: 128]. 50. Mit aufgeregten Fingern suchte der Junge nach dem Zündschloß, in dem, wie er wußte, der Zündschlüssel meistens steckengelassen wurde [Brandorff 1990: 131]. 51. Dieser Anblick war mehr, als die meisten ertragen konnte. Kinder und Weiber liefen schreiend weg, Männer wichen sich bekreuzigend zurück [Brandorff 1990: 134]. 52. Dieser Anblick war mehr, als die meisten ertragen konnte. Kinder und Weiber liefen schreiend weg, Männer wichen sich bekreuzigend zurück [Brandorff 1990: 134]. 53. [...] die Mutter und die Witwe des Toten, beide vor Entsetzen wie gelähmt, der Hofknecht und ein paar Verwandte und Nachbarn, die Gesichter wie zu Masken erstarrt [Brandorff 1990: 134]. 54. [...] die Mutter und die Witwe des Toten, beide vor Entsetzen wie gelähmt, der Hofknecht und ein paar Verwandte und Nachbarn, die Gesichter wie zu Masken erstarrt [Brandorff 1990: 134]. 55. Irgendetwas war hinzukommen und seine Anwesenheit schnürte ihm wie ein zu enges Kleidungsstück die Brust ein [Brandorff 1990: 31]. 56. Er sah mich mit einem harten Blick an, der es mir kalt den Rücken herunter laufen ließ, aber er sagte nichts mehr [Sträter 2005: 134]. 57. Mich überkam sofort das übermächtige Verlangen, mich zu verstecken; ich stellte mich hinter eine der großen Bürsten [Sträter 2005: 136]. 58. [...] mein Herz setzte fast aus. Der Chef der Tankstelle trat in die Halle. Ich presste mich mit klopfendem Herzen in die Reinigungsbürste. Das hat mir jetzt noch gefehlt [Sträter 2005: 138]! 59. Der Chef der Tankstelle trat in die Halle. Ich presste mich mit klopfendem Herzen in die Reinigungsbürste. Das hat mir jetzt noch gefehlt [Sträter 2005: 138]! 60. Ich hörte ihn schwer atmen. Das bedeutete, dass er sehr, sehr nah bei mir war. Ich lauschte auf seine Atemzüge, während mich das durch meinen Körper jagende Adrenalin zittern ließ [Sträter 2005: 138]. 61. Ich hörte ihn schwer atmen. Das bedeutete, dass er sehr nah bei mir war. Ich war auf einmal völlig klar; das Gefühl, betrunken zu sein, hatte sich verflüchtigt. «Buh!» sagte er in mein linkes Ohr. Mir wurde heiß vor Panik [Sträter 2005: 138]. 62. «Buh!» sagte er in mein linkes Ohr. Mir wurde heiß vor Panik [Sträter 2005: 138]. 63. «Was wird das jetzt, Mann?» fragte ich mit zitternder Stimme. Es war wie beim Zahnarzt, nur ohne nette Helferin – und ohne die Gewdhr, jemals wieder aus
--	--

	eigener Kraft von diesem Stuhl aufzustehen [Sträter 2005: 143].
2. изменение температуры	1. Die Beiden Toten von der Landstraße waren in seinem Zimmer, er spürte ihre Anwesenheit. Der Kälte , die sich rund um ihn ausgebreitet hatte [...] [Brandorff 1990: 54].
3. мистические события, вызывающие страх	1. Mark sah, wie die Platte des Sarkophags von unsichtbaren Händen geschoben wurde und wie sich langsam eine Öffnung auftat. Zentimeter um Zentimeter wurde das schwarze Loch größer und mit einem letzten Knirschen kam die Platte und mit ihr die darauf abgestellte Kerze zum Stillstand, gut ein Drittel zurückgeschoben [Brandorff 1990:30]. 2. Billy stand nicht mehr am Boden, beide Füße hingen in der Luft. Es sah aus, als schwebe er über dem Steinboden. War da etwas, das ihn festhielt? Etwas Weißes schien seine Brust zu umschlingen. Mark sah, daß sich etwas auf Billys weißem T-Shirt bewegte, etwas Schlangenähnliches, Wurmarmiges, das sich um den Leib seines Freundes wickelte [Brandorff 1990:33]. 3. Langsam löste sich zuerst die eine, dann die andere von Billys Händen von Sarg, seine Finger tasteten blind durch die Luft und mit einem Ruck wurde sein Körper in den Sarg hinein gerissen. Als letzte verschwanden seine Füße in der Tiefe [Brandorff 1990:33]. 4. Etwas wie ein leichenblasser Arm schoß aus der Tiefe hervor, legte sich um den Leib des Mädchens und kippte es kopfüber in die schwarze Finsternis [Brandorff 1990:37]. 5. Er hatte geträumt die Kerze sei erloschen und ein schreckliches Wesen, mehr eine Qualle als ein Mensch, sein aus dem Sarg gestiegen [Brandorff 1990: 40]. 6. Als er sich umschaute, sah er vor einem der beiden Fenster, durch die Licht von der Straße ins Zimmer drang, zwei Schatten stehen. [...] Je länger er die dunklen Umrisse anstarrte, umso klarer versmeinte er die beiden Gesichter der Toten vor sich zu haben [Brandorff 1990: 51]. 7. Es waren wieder die beiden schrecklichen Alten, die er niedergefahren hatte. Wie in der vergangenen Nacht hockten sie nahe beim Fenster und stierten ihn aus ihren Schattenaugen an [Brandorff 1990: 52]. 8. Die beiden Toten von der Landstraße waren in seinem Zimmer [...]. Diesmal standen die zu beiden Seiten des Bettes [Brandorff 1990: 54]. 9. Die Alten saßen ihm gegenüber an einem Tisch, der die ganze Zeit über nicht besetzt gewesen war und fixierten ihn mit ihren Blicken [Brandorff 1990: 62]. 10. Es war nach dem Begräbnis Arnolds [...]. Ich ging zwischen den Gräbern umher und dabei begegnete ich den beiden alten Leuten. Beide waren so angezogen und

	sahen genauso aus, wie sie mir Arnold geschildert hatte [Brandorff 1990: 65]. 11. «Mein Vater war tot, «in seinem Blut» und ich hatte den Fluch des Zigeuners im Ohr. Blut hatte der Einäugige vorhergesagt, und blutig war dieser Tod, bei Gott! Was für schreckliche Gabe ließ ihn einen Blick in die Zukunft tun?» [Brandorff 1990: 116]. 12. Es war der Vater [...]. Nur daß sein Vater seit drei Tagen tot war und zu dieser Stunde am Dorffriedhof begraben wurde [Brandorff 1990: 118]. 13. Dr. Dread stach die Nadel bis zum Anschlag in das Bein seines Patienten und summte. [...]. Aus der Wunde kam kein Blut [Sträter 2005: 138].
4. необычность, вызывающая страх	1. «Ich weiß nicht, ich finde es seltsam, daß in dem Steinsarg kein Manndorff liegt»! wunderte sich Billy neuerlich. «Graf Drache-Sachsenstein. Klingt fast wie Frankenstein...» [Brandorff 1990: 27]. 2. Es ist, als erdrücke der wuchtige Steinsarg alle Laute, dachte Mark, oder er schluckt sie, wie ein Riesenfrosch. [...]. «Mich wundert, daß wir nicht lautlos atmen» [Brandorff 1990: 29]. 3. Die Kerze brannte wieder stetig aber die Flamme ragte nicht mehr gerade nach oben, sie hatte einen Zug zur Sargöffnung hin, so als ziehe sie etwas in den Sarg hinein [Brandorff 1990: 30]. 4. Es war Billys Stimme, aber sie klang verzerrt, so als spräche er in ein Faß hinein [Brandorff 1990: 36]. 5. Denn als er den Lichtstrahl ein letztes Mal über die toten Gesichter lenkte, schien ihm, als kehrte für einen Augenblick Leben in die blicklose Augen [Brandorff 1990: 48]. 6. Die ganze Zeit über war kein einziges Fahrzeug vorbeigefahren. Irgendwie, fand er, war auch das nicht in Ordnung [Brandorff 1990: 48]. 7. Ein merkwürdiges Detail, kein Hut, keine Mütze und klein Schirm, wohl aber Regenmäntel (bei den Fußgängern). [...]. Da war kein Schirm dabei gewesen [Brandorff 1990: 50]. 8. Wieder und wieder prüfte er die Seiten Spalte für Spalte, aber er stieß auf keine Zeile über seinen Unfall. Verwundert legte er das Blatt aus der Hand [Brandorff 1990: 51]. 9. Auch am nächsten Tag fand er keine einzige Meldung über den Verkehrsunfall in der Zeitung [Brandorff 1990: 53]. 10. Peter erkannte seinen Freund nicht mehr, ja das Tier flößte ihm noch zusätzlich Angst ein, so sehr hatte es sich verändert [Brandorff 1990: 121]. 11. Tankstellenüblichen Dienstleistungen wurden merkwürdigerweise nur sehr subtil über handgeschriebene Tafel angeboten [Sträter 2005: 120]. 12. Jetzt fiel mir ein, woran mich die Tankstelle das letzte

	<i>Mal erinnert hatte: An eine Klinik, so gleißend, steril und geordnet...</i>[Sträter 2005: 127]. 13. «Haare», sagte der Kassierer. «Ja. Haare gewaschen? Hm?» <i>«Haaaaaareeeee», wiederholte er mit weit aufgerissenen Augen</i>, während sich seine Hände langsam meinen Einkäufen näherten. Ich bekam Angst, ah Mann, und was für welche [Sträter 2005: 128]. 14. An der Wand links vom Eingang der Halle standen vier junge Männer. Sie waren bis auf die Unterhose nackt und regten sich nicht. Ihre Augen waren geöffnet, und obwohl wir Sommer hatten, <i>wirkte ihre Nacktheit seltsam barbarisch</i> [Sträter 2005: 135].
5. описание внешности, вызывающей страх	1. <i>Ein unscheinbarer Mann von der Straße mit auffallendem Haar und hungrigen ach so hungrigen Augen</i> [Brandorff 1990: 18]. 2. Mark sah, daß sich etwas auf Billys weißem T-Shirt bewegte, <i>etwas Schlangenähnliches, Wurmarmiges</i>, das sich um den Leib seines Freundes wickelte [Brandorff 1990: 33]. 3. <i>Wie ein Berg, der aus der Tiefe aufstieg</i> um zuerst seinen Schatten und dann ihn zu schlucken, kam das Ding hinter ihm in die Höhe [Brandorff 1990: 41]. 4. [...] so waren es jetzt <i>aufgedunsene Leichengesichter</i>, in denen <i>ein hämisches Grinsen in den gelben Hundeaugen hockte</i>, die sich tief zu dem am Bett Liegenden herunterbeugten, als wollten sie ihm <i>mit ihren halbverwesten Lippen</i> berühren und <i>mit Fingern, von denen das Fleisch abfaulte und deren Knochen hervorkamen</i>, umklammern, und die aus ihren <i>aufgerissenen Mündern, in denen statt Zungen eine fette gelbe Würmermasse</i> sich wand und ringelte, <i>wachsenden spitzen Fangzähne</i> in sein warmes Fleisch schlagen [Brandorff 1990: 61]. 5. Langsam schob sich aus dem Nichts <i>eine bleiche Hand, ein schwarzer Ärmel vor das Fenster, und Sekunden später das grauenhaft entstellte, kaum noch als solches zu erkennende Gesicht seines verstorbenen Vaters. Strähnige Haare hingen in die Stirne und das eine Auge war, wie bei einem Einäugigen geschlossen</i> [Brandorff 1990: 120]. 6. Die Gestalt vor dem Fenster, <i>ein groteskes Zerrbild</i> seines Vaters, dem <i>alles Menschliche abhanden gekommen war</i>, stierte <i>mit gelben Krötenaugen</i> auf den Jungen und fuhr mit <i>abgestorbenen, wächsernen Händen</i> über die Fensterscheiben, als prüfe sie ihre Stärke [Brandorff 1990: 120]. 7. <i>Die Haare am ganzen Rücken zu einer Bürste aufgestellt, die Lefzen weit zurückgezogen, daß der Geifer zu Boden tropfte, und die Augen schrecklich, überdreht</i> [Brandorff 1990: 121]. 8. <i>Diese schiefe Schreckengestalt, den Odem von Tod und Verderbnis um sich verbreitend</i>, machte sich daran ins

	Zimmer zu steigen [Brandorff 1990: 122]. 9. Die bösen Augen starr geradeaus gerichtet, hielt er jetzt in der einen Hand ein langes Küchenmesser stichbereit [Brandorff 1990: 123]. 10. Das Gesicht zu einer starren Grimasse verzogen sah sie Peter aus den seelenlosen Augen an [Brandorff 1990: 125]. 11. Peter konnte die gelben toten Augen und die widerliche Fratze sehen [Brandorff 1990: 132]. 12. Ein schiefer Kopf, der an einem gebrochenen Hals zur Seite hing, ein Auge blicklos gegen den blauen Himmel gerichtet, das andere wie zu einem Zwinkern geschlossen, lose flatternder Stoff, dort, wo sich der Brustkorb wölben sollte, Brust und Arme wie von einer Schrotladung durchlöchert und der Bauch wie von einer riesigen Gabel gepfählt, sodaß die Gedärme herausquollen. Anzug und Hemd in Fetzen, schmutzige, zerissene Hosen und die Schuhe von Nässe aufgeweicht. Dazu noch ein zerfleischerter und zerbissener Hals, und Hände, wie von einer Glasscheibe zerschnitten und zerkratzt. Der ganze Leichnam gelblich schillernd wie von Eiter übergossen [Brandorff 1990: 135]. 13. Die Augen des Kerls bewegten sich langsam Richtung Flasche und fixierten sie. [...]. Er starrte einfach ins Leere, ohne dabei irgendetwas Spezielles zu fixieren, und sagte nichts. Sein Blick war auf Weitwinkel gestellt. Wenn er etwas sah, war es nicht in dieser Dimension [Sträter 2005: 121]. 14. Er sah mich mit einem harten Blick an, der es mir kalt den Rücken herunter laufen ließ, aber er sagte nichts mehr [Sträter 2005: 134].
6. описание звуков, вызывающих страх	1. Was war das für ein Geräusch gewesen? Wieder hörte sie ein Knacken [Brandorff 1990:24]. 2. Billy wehrte sich verzweifelt. Er klammerte sich an den Sargrand und versuchte sich mit den Beinen abzustützen. Plötzlich drehte er sein Gesicht zu den beiden anderen hin, öffnete den Mund zu einem Schrei, aber was herauskam, war nur ein gurgelndes Stöhnen [Brandorff 1990:33]. 3. Die Spannung war nicht mehr zu ertragen. Evas Aufschrei fuhr ihm wie ein Messer in den Leib [Brandorff 1990: 32]. 4. [...] mit einem Ruck wurde sein Körper in den Sarg hinein gerissen. Als letzte verschwanden seine Füße in der Tiefe. Ein Scharren und Rumpeln, danach breitete sich wieder Stille in der Gruft aus [Brandorff 1990:33]. 5. Jetzt, wo er genau aufpaßte, kam ihm vor, als höre er ein Schleifen, Reißen und Brechen, als verrichte dort (im Sarg) drin etwas ein grausiges Werk [Brandorff 1990: 34]. 6. Jetzt, wo er genau aufpaßte, kam ihm vor, als höre er ein Schleifen, Reißen und Brechen, als verrichte dort (im Sarg) drin etwas ein grausiges Werk. Es klang wie aus einem tiefen Brunnen herauf. Ein Knirschen, Mahlen

	und Splittern [Brandorff 1990: 34]. 7. Ohne sich weiter aufzuhalten stürzte er in das Wohnhaus zurück, begleitet von dem plötzlich einsetzenden <i>höllischen Lärm aus dem Schweinestall, wo alle Tiere zu schreien begonnen hatten, als wenn sie abgestochen würden</i> [Brandorff 1990: 119]. 8. Er hörte <i>einen dumpfen Aufprall, ein Schnaufen und Scharren und Schleifen</i> und dann Stille. Peter hoffte, daß er sich vor ihm gefürchtet hatte [Brandorff 1990: 121]. 9. [...] <i>horchte er angespannt nach unten zur Küche. Er hörte, wie die Küchentür in den Angeln raunzte und wie Schritte zur Treppe schlurften</i> [Brandorff 1990: 121]. 10. Aber da war nichts, <i>nur die stampfenden Schritte des drohend Näherkommenden</i>. Seit dem höllischen Geschrei bei der Ankunft der Kreatur, war es totenstill auf dem Hof [Brandorff 1990: 125]. 11. Immer tiefer kroch er in das Heu hinein, bis er aus Furcht sein Versteckt zu verraten, sich nicht mehr zu bewegen wagte. [...]. <i>Er hörte das klopfende Geräusch der Schritte lauter werden</i> und auf sich zukommen. [...]. Sein Herz schlug ihm hart in der Kehle [Brandorff 1990: 128]. 12. Diesen Augenblick hatte ich in den letzten, <i>vom infernalischen Brummen des Kompressors</i> untermalten Minuten mehr gefürchtet als irgendetwas zuvor in meinem Leben [Sträter 2005: 143].
7. отсутствие звуков	1. Jetzt, wo sie es ausgesprochen hatte, <i>fiel auch Mark diese lastende Stille auf. Keine entspannende sondern eine an den Nerven zerrende Stille. Stille, in die man angestrengt lauschte, ob sich da nicht etwas Böses an einen heranschlich</i>. Auch von Fensterschacht, unter dem sie saßen, <i>klang kein Ton in die Gruft herein. Kein Zirpen einer Grille, kein Schrei eines Nachtvogels von der Außenwelt, dachte Mark: Grabesstille, Totenstille</i> [Brandorff 1990: 28]. 2. «Es ist so bedrohlich <i>still</i> hier. Zum Fürchten <i>still</i>» [Brandorff 1990: 28]. 3. Während sie wieder nebeneinander saßen und neue Kräfte für einen zweiten Anlauf schöpften, <i>hörte man nur ihre Atemzüge in der Stille</i> [Brandorff 1990: 29]. 4. Zugleich <i>verstummten die gräßlichen Schreie der Tiere</i> in den Ställen. <i>Es war mit einem Mal sehr still im Haus, so still, daß Peter meinte sein pochendes Herz schlagen zu hören</i> [Brandorff 1990: 120]. 5. Aber seit eine elektrische Uhr an der Wand hing, fehlte das beruhigende Geticke der Uhr, <i>die Stille in der Küche war perfekt</i> [Brandorff 1990: 120]. 6. <i>Aber da war nichts</i>, nur die stampfenden Schritte des drohend Näherkommenden. Seit dem höllischen Geschrei bei der Ankunft der Kreatur, <i>war es totenstill auf dem Hof</i> [Brandorff 1990: 125].
8. появление специфического запаха	1. Der Kälte, die sich rund um ihn ausgebreitet hatte und <i>des eigenartigen Modergeruches – faulende alte Kartoffeln</i>

	<i>in einer Kellerecke</i>, dachte – hätte es gar nicht bedurft [Brandorff 1990: 54]. 2. [...] <i>sickerte dieser Ausfluß wie Jauche</i> aus einer lüchrigen Tonne [Brandorff 1990: 124]. 3. Er hielt die Flasche dicht vor meinem Mund. Durch den Geruch meines Blutes nahm ich noch etwas anderes wahr: <i>den Gestank toter Pflanzen, tranigen Fischgeruch und einen Duft, der so fremd war, dass mir leicht schwindelig wurde</i> [Sträter 2005: 124].
9. предчувствие чего-то страшного	1. Ganz hinten in seinem Kopf aber <i>tauchten Bilder von einer unförmigen schleimigen Masse, die im Sarg auf ihn lauerte</i> [Brandorff 1990:32]. 2. Korber erkannte, daß sie auf ihn gewartet hatte, und in seine Freude mischte sich einen Augenblick, so etwas wie Furcht, wie <i>die plötzliche Ahnung von Gefahr</i> [Brandorff 1990: 14]. 3. Eine Welle von Tod und Verderben stieg aus dem Sarkophag hoch und <i>er spürte sie wie schlechte Luft, die ihn zu erstricken drohte</i> [Brandorff 1990:37]. 4. <i>Eine Ahnung von etwas Schlimmen</i>, das ihm noch bevorstand, durchflutete ihn [Brandorff 1990: 48]. 5. <i>Das Knurren des Hundes war in ein Winseln übergegangen</i>. Er fürchtet sich auch, dachte er, <i>er ahnt, was da auf das Haus zukommt. Er wittert das Böse</i> [Brandorff 1990: 119]. 6. «Komm mit. Ich lade dich auf einen Drink ein», sagte Chef. Er benahm sich wie mein bester Kumpel; aber er machte einen alarmierten Eindruck. Nichts gegen das einnehmende Wesen mancher Zeitgenossen, aber <i>es irritierte mich etwas. Mich irritierte hier einiges</i> [Sträter 2005: 129].
10. приближение, вызывающее страх	1. <i>Es klang näher. Kam da jemand auf sie ein zugeschlichen</i> [Brandorff 1990: 24]? 2. <i>Eine Welle von Tod und Verderben stieg aus dem Sarkophag hoch</i> und er spürte sie wie schlechte Luft, die ihn zu erstricken drohte [Brandorff 1990: 37]. 3. Wie ein Berg, der aus der Tiefe aufstieg um zuerst seinen Schatten und dann ihn zu schlucken, <i>kam das Ding hinter ihm in die Höhe</i> [Brandorff 1990:41]. 4. <i>Die schwarze Gestalt setzte sich in Bewegung</i>. Wie ein Betrunkener <i>begann sie den Weg entlang auf den Hof zu zuschwanken</i> [Brandorff 1990: 119]. 5. Herz begann wieder wie wild zu hämmern. [...]. <i>Jeden Augenblick konnte sie (Kreatur) zur Tür hereinbrechen</i> [Brandorff 1990: 125]. 6. <i>Ich hörte ihn schwer atmen. Das bedeutete, dass er sehr, sehr nah bei mir war</i>. Ich lauschte auf seine Atemzüge, während mich das durch meinen Körper jagende Adrenalin zittern ließ [Sträter 2005: 138]. 7. «<i>Buh!</i>» <i>sagte er in mein linkes Ohr</i>. Mir wurde heiß vor Panik [Sträter 2005: 138].

11. социальный страх	1. Niemals wäre er zugestiegen, wenn sich jemand darin befunden hätte, zu sehr ängstigte er sich vor fremden Menschen , scheute ihre Nähe [Brandorff 1990: 7].
12. страх вызванный отвращением	1. Vor ihm am Boden lag eine menschliche Hand. Gewaltsam aus dem Gelenk gerissen, Knochen, Hautfetzen und blutiges Fleisch langen bloß. [...] Ein Stück einer Sehne hing an den Knochen wie ein weißer Wurm, ein paar Blutstropfen nössten den Boden [Brandorff 1990: 41]. 2. Zwischen dem Kopf und der Schulter klaffte eine tiefe Wunde, ein grausiger Spalt, wie in den Rumpf gehackt, in den die Enden zermatschter Knochen, Sehnen, Adern und Nerven hingen [Brandorff 1990: 116]. 3. Ich stand vor Entsetzen wie betäubt vor dem verstümmelten Leichnam meines Vaters [Brandorff 1990: 116]. 4. Peter schrie vor Schreck und Enttäuschung laut auf, aber sein Schreien verwandelte sich in stummes Entsetzen, als er die gräßlich zerquetschte Brust sah, aus der das Sögemehl, das die schwere Verletzung für die Aufbahrung im offenen Sarg verdecken sollte, wie aus einer Kleiderpuppe ausgeronnen war [Brandorff 1990: 122]. 5. Das Schlimmste waren die frischen Bißspuren am Hals, aus denen ein grünlicher dicker Saft sickerte, aber kein Blut [Brandorff 1990: 122]. 6. Der eitrige Schleim, der aus der Verletzung am Hals ausgetreten war, bedeckte jetzt ihren ganzen Oberleib, überall, wo sie von der Bleiladung getroffen worden war, sickerte dieser Ausfluß wie Jauche aus einer lüchrigen Tonne [Brandorff 1990: 124]. 7. Peter sah, wie aus dem gräßlich durchbohrten Bauch des Monsters der grünlich gelbe Schleim zu fließen begann und wie es sich einem lebend aufgespießten Insekt gleich windete und mühte von der Gabel loszukommen [Brandorff 1990: 133].
13. страх вызванный препятствием движения	1. [...], fühlte er sich von zwei Seiten festhalten, mit mörderischer Gewalt zusammengepreßt und emporgehoben [Brandorff 1990:41]. 2. Das lange Messer wieder in der Hand war sie von Peter unbemerkt die Treppe heraufgekommen und versperrte ihm jetzt den einzigen Ausweg aus der Stube [Brandorff 1990: 124]. 3. Man hatte mich auf einem Bürostuhl festgebunden, den ich vorher in der Halle nicht gesehen hatte [Sträter 2005: 124].
14. страх вызванный чьим-то присутствием	1. Sie glaubte den Umriß einer zu sehen, einen etwas helleren Schatten vor der Wand der schwarzen Bäume [Brandorff 1990: 24]. 2. Es ist unheimlich. Mark, da bewegt sich etwas auf mich zu [Brandorff 1990: 24]. 3. «Da war was, da oben, es ist auf mich zugeschlichen,

	<i>irgendetwas Großes»</i> [Brandorff 1990:24]. 4. <i>Plötzlich hatte er das Gefühl, daß sie nicht mehr allein in der Gruft waren. [...] Etwas Böses und Mächtiges füllte mit seiner Gegenwart den Raum aus</i>, und dieser Gedanke ließ Mark vor Furcht zittern [Brandorff 1990: 31]. 5. Er war mit dem beklemmenden Gefühl aufgewacht, nicht allein im Zimmer zu sein [Brandorff 1990: 50]. 6. Keiner von uns rührte sich, denn im Raum breitete sich etwas aus [...]. Etwas Fremdes, Uraltes, Böses [Brandorff 1990: 114].
15. страх за здоровье, чувство боли	1. Dr. Dread stach die Nadel bis zum Anschlag in das Bein seines Patienten [Sträter 2005: 138]. 2. Dann richtete Franco ungerührt den scharfen, gefächerten Strahl auf die an der Wand stehenden Männer. Deren Fleisch dellte sich ein, sobald das Wasser mit ihrer Haut in Berührung kam Der Druck musste mörderisch sein. Ich hatte noch nie etwas derartig Brutales gesehen [Sträter 2005: 142]. 3. Er stand blitzschnell auf und schlug mir ins Gesicht. Sofort lief es aus meiner Nase [Sträter 2005: 144]. 4. Ohne ein Wort stieß er sie tief in mein Bein. Der Schmerz war erstaunlich! Nie hätte ich gedacht, dass Schmerzen dieses Umfangs, dieser absoluten Empfindungsfülle existieren [Sträter 2005: 147].
16. страх смерти	1. In dem Doppelappartement fiel der große wasserdichte Schrankkoffer nicht weiter auf. Dagegen wäre das silberne Tablett auf der Kommode jedem Eintretenden sofort ins Auge gestochen, lag doch ein sauberlich aus dem Körper geschnittenes Herz darauf. Es hätte des danebenliegenden blutbefleckten chirurgischen Bestecks gar nicht bedurft, um schrecklichen Verdacht zu schupfen [Brandorff 1990: 17]. 2. Plötzlich drehte er sein Gesicht zu den beiden anderen hin, öffnete den Mund zu einem Schrei, aber was herankam war nur ein gurgelndes Stöhnen. Etwas, wie ein Schwall Blut, ergoß sich auf den Boden [Brandorff 1990: 33]. 3. Allein, dachte er. Zuerst Billy, dann Eva, und nun komme ich dran [Brandorff 1990: 26]. 4. Vor ihm am Boden lag eine menschliche Hand. [...] Eine Hand, nicht größer als seine, frisch, fast noch lebendig, da er nicht verwundet gewesen wäre, hätten sich ihre Finger bewegt [Brandorff 1990: 41]. 5. Sein letzter Gedanke war, nun wird niemand erfahren, was uns zugestoßen ist. Es wird heißen, spurlos verschwunden... [Brandorff 1990: 41]. 6. Er hatte geschrien wie am Spieß, weil er gedacht hatte, das, was mit ihm geschah, sei das Sterben [Brandorff 1990: 46]. 7. Der Kopf des Mannes lag mit dem Gesicht nach unten in einer Blutlache, es sah aus, als ob er sich das Genick gebrochen hatte. Der zweite Mensch war in den Straßengraben geschleudert worden, er lag nur wenige

	Meter entfernt. Soweit es Arnold aus der Entfernung sehen konnte, gab er keine Lebenszeichen von sich [Brandorff 1990: 46]. 8. Einen Moment lang sah Arnold ohne zu begreifen auf den blutigen Fußstumpf. Als er erkannte, was er da in der Hand hatte, warf er mit einem Aufstöhnen den Stumpf von sich [Brandorff 1990: 47]. 9. Arnold fielen Geschichten ein, [...], schaurige Geschichten von Besuchern aus dem Jenseits, die in die Welt zurückkehrten, um andere Menschen zu holen [Brandorff 1990: 55]. 10. Ich habe ihn gefunden, da war er schon kalt wie der Boden, auf dem er lag, und die Blutlache war zu einem roten Spiegel gefroren [Brandorff 1990: 116]. 11. «Mein Vater war tot, «in seinem Blut» und ich hatte den Fluch des Zigeuners im Ohr. Blut hatte der Eindugige vorhergesagt, und blutig war dieser Tod, bei Gott! Was für schreckliche Gabe ließ ihn einen Blick in die Zukunft tun?» [Brandorff 1990: 116]. 12. Blutig gefärbter Schnee, ein verkrümmter Körper, in den sich eine Kettensäge hineingefressen hatte, ein Kopf, dessen blicklose Augen in den Himmel stierten, und über allem blasse Winterstille [Brandorff 1990: 116]. 13. Etwas Herbeigewünschtes, Verderbtes, Hüllisches war gekommen, um ihn zu töten [Brandorff 1990: 118]. 14. Die bösen Augen starr geradeaus gerichtet, hielt er jetzt in der einen Hand ein langes Küchenmesser stichbereit [Brandorff 1990: 123]. 15. Das lange Messer wieder in der Hand war sie von Peter unbemerkt die Treppe heraufgekommen und versperrte ihm jetzt den einzigen Ausweg aus der Stube [Brandorff 1990: 124]. 16. Jeden Augenblick glaubte er den kalten Stahl zu spüren, wie er sich in seinen Körper bohrte, von oben her in den Hals, in die Brust oder von der Seite, oder von rückwärts in die Schulter oder gar in den Kopf [Brandorff 1990: 129]. 17. Er erreichte den Mittelgang und schreckte wie vor einer Schlange zurück, als er das Küchenmesser vor sich am Boden liegen sah [Brandorff 1990: 130]. 18. Die tödliche Bedrohung war wieder in die Scheune zurückgekehrt. Wie ein Berg, der aus der Tiefe aufstieg um zuerst seinen Schatten und dann ihn zu schlucken, kam das Ding hinter ihm in die Höhe [Brandorff 1990: 41]. 19. «Die Zubereitung wie üblich, in der Küche wissen sie Bescheid». Sie schob das verpackte Herz über das Pult der jungen Rezeptionistin zu [Brandorff 1990: 17]. 20. [...] und ringelte, wachsenden spitzen Fangzähne in sein warmes Fleisch schlagen [Brandorff 1990: 61]. 21. Wie ein Berg, der aus der Tiefe aufstieg um zuerst seinen Schatten und dann ihn zu schlucken, kam das Ding hinter ihm in die Höhe [Brandorff 1990: 41].
--	---

	22. Es war wie beim Zahnarzt, nur ohne nette Helferin – und <i>ohne die Gewöhr, jemals wieder aus eigener Kraft von diesem Stuhl aufzustehen</i> [Sträter 2005: 145]. 23. Ich <i>trat gegen seinen Kopf. Francos Atem platzte in blutigen Blöschchen vor seinen Lippen, dann lag er still.</i> [...] <i>Er sah auch tot aus</i> [Sträter 2005: 148]. 24. Dann schnitte ich. <i>Das Blut aus der langen Wunde, die wie die aufgeplatzte Haut einer Bratwurst aussah, lief auf seine Jeans.</i> Es war erstaunlich viel, wenn man bedachte, dass es nur aus dem Daumen kam [Sträter 2005: 150]. 25. Der Chef des Hauses weinte jetzt. Es war erbdrmlich. «<i>Ich verblute hier!</i>» [Sträter 2005: 152].
17. цвето-световые характеристики	1. Etwas wie ein leichenblasser Arm schoß aus der Tiefe hervor, legte sich um den Leib des Mädchens und kippte es kopfüber in die <i>schwarze Finsternis</i>...[Brandorff 1990: 37]. 2. Auch er fühlte sich <i>in der Finsternis</i> unbehaglich [Brandorff 1990: 24]. 3. Eva fürchtete sich. Sie drückte sich an die glatten Quadersteine und starrte angestrengt in die <i>Dunkelheit</i> [Brandorff 1990: 24]. 4. Das ist ja grauslich <i>finster</i> hier [Brandorff 1990: 25]. 5. Als er aber den Fuß auf den Boden setzte, erlosch plötzlich das Licht und <i>es wurde stockfinster im Zimmer</i> [Brandorff 1990: 55].
18. чувство одиночества, безлюдность	1. Mark sah erschrocken an. «Hast du zu Hause gesagt_ dass wir zum Mausoleum wollen?» rief er Billy zu. «Nein, Du?» «Ich auch nicht. <i>Dann weiß niemand, wo wir sind</i>» [Brandorff 1990: 26]. 2. <i>Allein, dachte er.</i> Zuerst Billy, dann Eva, und nun komme ich dran [Brandorff 1990: 26]. 3. Auch er fühlte sich in der Finsternis unbehaglich. <i>Und in einem verlassenen Waldstück mutterseelenallein</i>...[Brandorff 1990: 24].

Приложение 6. Ядро ХК СТРАХ: слово-репрезентант

Слово-репрезентант	Текст оригинала
страх	1. [...] место революционной радости занимает всеобщий страх [Канушкин 2011: 4]. 2. – Знаете, у страха глаза велики [Канушкин 2011: 8]. 3. [...] и страх, терпеть который стало невозможно, заставил ее бежать [...] [Канушкин 2011: 11]. 4. Сердце вдруг бешено застучало и капли холодного пота выступили на лбу, потому что вернулся прежний страх [...] [Канушкин 2011: 15]. 5. Всем этим буржуазным козлам тоже пришлось испытать тотальный страх [Канушкин 2011: 19]. 6. Страх не отпускал, и она не могла забыть историю о несчастном старике-горце [...] [Канушкин 2011: 22]. 7. Но возвращается прежний страх, из сада, из темноты, где было столько странных людей, и Ксения не видит себя больше со стороны, она становится собой [Канушкин 2011: 21]. 8. Ты сама программируешь себя на кошмар, ты ждешь, ты боишься, и все это приходит, и ты просматриваешь свой собственный страх, как фильм ужасов [Канушкин 2011: 21]. 9. – Там всем страшно. Они боятся всего на свете, и страх – это единственное, что их связывает [Канушкин 2011: 20]. 10. – А ты что, трус? – спросила. – Смотри, аж синий от страха. Давай, прыгай, потонешь еще! [Канушкин 2011: 171]. 11. И не только вспомнить, но и ощутить шумный запах пенящегося моря, восторг и страх чаек перед штормом [...] [Канушкин 2011: 173]. 12. У меня не было ни брата, ни сестры, ни друга, чтобы разделить с ними свой страх [Павлов 2014: 575]. 13. В юности я уже поборол эти страхи, легко справлюсь с ними еще раз [Павлов 2014: 577]. 14. Теперь уже не страх, а любопытство и бессонница поддерживали меня [Павлов 2014: 577]. 15. В доме давно поселился страх, годами копя силы [Павлов 2014: 591]. 16. Страх прячется в памяти [Павлов 2014: 591]. 17. Страх обожает пыль, любит темноту [Павлов 2014: 591]. 18. Через некоторое время, несмотря на все усиливающийся страх, Муха начал улавливать некий смысл в представлении [Тихонов 2014: 32].

Приложение 7. Ядро ХК СТРАХ: однокоренные слова

Производные слова	Текст оригинала
<i>Прилагательные /</i>	

наречия (2)	
1. страшно	1. [...] ему стало страшно, но он решил подняться и посмотреть [Канушкин 2011: 6]. 2. В 4.45 утра Ксения проснулась от шума в голове и от того, что страшно болели виски [Канушкин 2011: 12]. 3. – Но послушай, я видела эту руку с когтями, она у меня перед глазами. Мне страшно, и я не могу этого забыть [Канушкин 2011: 12]! 4. – Не знаю. Извини меня, пожалуйста, мне страшно. Это все не проходит, с той ночи, на старой квартире, на Бронных...[Канушкин 2011: 22]. 5. Но явь оказывается страшнее сна. Потому что прямо над собой она видит горящие ненавистью красные волчьи глаза [Канушкин 2011: 27]. 6. – Но я не хочу, я боюсь идти туда, мне страшно, мама... [Канушкин 2011: 20]. 7. – Но я не хочу, я боюсь идти туда, мне страшно, мама...– Там всем страшно. Они боятся всего на свете, и страх – это единственное, что их связывает. Но больше всего они боятся этого сада [Канушкин 2011: 20]. 8. – Ты ненормальная, сейчас шторм начнется! Прыгаем!– Отстань, зануда.– Вот дура! – я разозлился более всего от того, что ничего не мог поделать. И тогда мне стало страшно [Канушкин 2011: 171]. 9. Ну, москвич, – процедил Магомед сквозь зажженную сигарету, – как тебе? – он завязывал рюкзак и улыбался. – Страшно было? [Канушкин 2011: 172]. 10. Господи! Я отшатнуться хотел - пальцы, как клещи. И все. Обессилел. Как помертвело внутри. Страшно [Мазин 2009: 6]. 11. Я посмотрел на нее, и ком встал в горле. Понятно, что ей скоро шестьдесят, но как же это поразительно и страшно – вдруг замечать, что твоя мама превратилась в старушку [Павлов 2014: 584]. 12. Страшно было наткнуться, наконец, на то, что искал...[Павлов 2014: 597].
2. страшный	1. Гныщенко нанес страшный удар, разбив череп [Канушкин 2011: 6]. 2. «Наверное, мне все это снится, – подумала Ксения. – И эта страшная боль, и то, что я лежу, как парализованная» [...] [Канушкин 2011: 13]. 3. Он шел медленно, словно был слеп, и страшной злобой горели два его красных глаза [Канушкин 2011: 13]. 4. [...] он убивал без ненависти, он платил по счетам своих предков, и руки убитых врагов прибавал на эту страшную стену [Канушкин 2011: 20]. 5. И тогда вой становится страшным ревом, и с грохотом вылетает кусок бетона [...] [Канушкин 2011: 21]. 6. Страшное кровавое убийство [Канушкин 2011: 23]. 7. Наверное, всю свою жизнь Василий будет помнить это страшное утро, когда он вернулся из Баку домой [Канушкин 2011: 28].

	8. Он прислушивается, он слышит зов, и вот уже страшный удар разбивает всю стену [Канушкин 2011: 27].
--	--

Приложение 8. Ближняя периферия ХК СТРАХ: синонимы

	Текст оригинала
Существительные (8)	
1. волнение	1. Волнение крепчало, я старался чаще нырять, чтобы волны не били в лицо. Потом, на половине дороги, понял, что ничего страшного, и поплыл спокойно и ровно [Канушкин 2011: 171].
2. жуть	1. – Там, внизу, в тихой тьме таится живая жуть [Канушкин 2011: 163]. 2. Москва, [...] – рот этой жути . Она им жрет. Люди, поспевающие на солнце, – любимая еда [Канушкин 2011: 163]. 3. Эти дочери-матери отчего-то нагнали на меня жути , и я решил возвращаться [Павлов 2014: 578]. 4. В следующее мгновение мальчик понял, что перед ним, и выдохнул с облегчением, хотя жути от понимания не убавилось [Тихонов 2014: 28].
3. испуг	1. – Ты же говорил, он каменный, – недоверчиво произнесла Белозерцева, словно и не испуг она сейчас прослышала в Васином голосе [Канушкин 2011: 160].
4. кошмар	1. А потом эти ночные кошмары ... [Канушкин 2011: 8]. 2. И жизнь его превратилась в кошмар , а принять на себя грех еще одной смерти – последней, своей собственной, старик уже не мог [Канушкин 2011: 19]. 3. Весь этот кошмар вокруг и есть то самое наказание за содеянное преступление... [Канушкин 2011: 20]. 4. – Я же тебе говорю, мне опять снились кошмары ... [Канушкин 2011: 21] 5. Ты сама программируешь себя на кошмар , ты ждешь, ты боишься, и все это приходит, и ты просматриваешь свой собственный страх, как фильм ужасов [Канушкин 2011: 21]. 6. Все же остальное, весь кошмар – продукт твоего собственного творчества [Канушкин 2011: 21]. 7. Упал на постель да в кошмар провалился [Мазин 2009: 3]. 8. Все, как Семен рассказывал, да и похуже: тела выпотрошенные, кровь, вой нечеловечий... Кошмар , то есть [Мазин 2009: 3]. 9. Может быть, на самом деле я все-таки уснул, а проснулся... на полу, напуганный кошмаром , почему нет [Павлов 2014: 579]? 10. Помню, что пытался вырваться, но кошмар только гуще налипал на меня, превращая в неуклюжий сумрачный ком [Павлов 2014: 587]. 11. Картины, ужасные картины являются мне очень часто в кошмарах и наяву [Павлов 2014: 598].

5. опасение	1. Состояние кухни вызывало опасений куда больше [Павлов 2014: 589]. 2. А я, похоже, своим видом внушал серьезные опасения [Павлов 2014: 570].
6. паника	1. На секунду меня охватила паника, я вцепился в лодку, нас все относил [Канушкин 2011: 171].
7. тревога	1. Сны мои тогда были зыбкими, но продолжительными, их содержание почти не сохранялось в памяти, оставляя после себя только след тревоги и подавленности [Павлов 2014: 587].
2. ужас	1. [...] ты просматриваешь свой собственный страх, как фильм ужасов [Канушкин 2011: 21]. 2. Однако Старик Прокопич убежден, что ужас той кровавой ночи каким-то неведомым образом оставил след [Канушкин 2011: 24]. 3. Стало до ужаса тихо [Павлов 2014: 576]. 4. Потому что внутри у меня все натянулось от детского нелепого ужаса [Павлов 2014: 582]. 5. Во взгляде ее смешались безумная злоба и ужас, казалось, она не в своем уме [Павлова 2014: 587]. 6. Я выматерился, желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса [Павлова 2014: 596]. 7. Возможно, я и хотел бы описать весь несказанный противоестественный неземной ужас, существующий в других мирах, одновременно далеких и близких [Павлова 2014: 598].
Прилагательные / наречия (16)	
1. беспокойный	1. Накрытый на двоих стол, так и не дождавшийся трапезы, неубранная постель его жены, и ветер, гуляющий в пустом доме, еще долго будут тревожить его, вызывать беспокойные воспоминания [Канушкин 2011: 28].
2. враждебно	1. И тогда мурашки поползли по ее спине, потому что снова враждебно скрипнула пружина – кто-то поднялся с дивана и шел сейчас сюда по коридору [Канушкин 2011: 11].
3. вредоносный	1. В воздухе что-то прошелестело. Перед носом Альберта оказалась газета. Субъект напротив протянул ему свое вредоносное чтение [Канушкин 2011: 161].
4. грозный	1. Стук сердца стал теперь оглушительным. И не было в поезде никого. Перед ним стоял древний царь, мертвый и грозный [Канушкин 2011: 161].
5. жуткий	1. История эта странная, а верней было бы сказать, – жуткая, случилась со мной на земле, называемой собирательно – «Сибирь» [Мазин 2009: 1]. 2. Зловещий лик не двигался, и жуткие блестящие буркалы устремляли свой взор куда-то в сторону [Павлов 2014: 587].

6. жутко	1. Это было жутко и в то же время замораживало, намертво приковывало взгляд [Павлов 2014: 32].
7. жутковато	1. Отличные дома, такие бывают только на юге: во дворе виноградник, комнат полно, а ночью в сад выходить жутковато [Канушкин 2011: 167].
8. зловещий	1. А вид детской комнаты при дневном свете наверняка уже не будет таким зловещим [Павлов 2014: 578]. 2. Зловещий лик не двигался, и жуткие блестящие буркалы устремляли свой взор куда-то в сторону [Павлов 2014: 587].
9. напуганный	1. На самом деле я забрался туда, чтобы спрятать от родных свои налитые кровью напуганные глаза [Павлов 2014: 579]. 2. Может быть, на самом деле я все-таки уснул, а проснулся... на полу, напуганный кошмаром, почему нет [Павлов 2014: 579]? 3. Возможно, именно в этом месте двадцать с лишним лет назад прятался напуганный до иступления мальчик, которого наказала бабушка [Павлов 2014: 590].
10. не по себе	1. Мне стало не по себе , а до берега уже очень прилично. Но она сидела мокрая, очень симпатичная и улыбалась [Канушкин 2011: 171]. 2. Немигающие глаза уставились на меня, и мне вновь стало не по себе , хоть я и понимал, что передо мной моя бабушка [Павлов 2014: 587].
11. тоскливо	1. [...] ей вдруг сделалось так тоскливо , – хотя она уже давно была к этому готова, – и так защемило сердце, как будто смерть пришла за ней и ждала там, за дверью [Канушкин 2011: 5]. 2. И тоскливо вдруг сделалось Ксении, потому что там был кто-то, в пустой кухне [...] [Канушкин 2011: 11]. 3. Затем она повернулась и некоторое время смотрела на спящих, и Ксения увидела, что это была старуха [...]. Как же тоскливо сделалось Ксении [...] [Канушкин 2011: 13]. 4. А потом смолкли голоса. Вслед за ними исчезли все привычные звуки. И тоскливо вдруг сделалось Михе, холодно в груди [Канушкин 2011: 164]. 5. Посмотрел злобно и тоскливо , взял стакан и выпил, как воду пьют: в три глотка [Мазин 2009: 3].
12. тоскливый	1. И когда Ксения увидела эти горящие глаза, где-то глубоко, внутри себя, она услышала тоскливый , леденящий волчий вой [Канушкин 2011: 13]. 2. И тоскливый волчий вой наполняет все пространство, а зверь перестает рычать [Канушкин 2011: 27].
13. тревожный	1. А Ксения так и не поняла, рассказал ли Ваню притчу, или он на самом деле видел аулы-призраки, парящие над миром в свете тревожной и яркой луны [Канушкин 2011: 19]. 2. [...] многократно увеличенная тень от лимона падает ровно на трещину на стене, образуя какой-то причудливый, тревожный рисунок [Канушкин 2011: 26].
14. трусливый	1. Они запираются, они трусливые , а я одна... [Павлов 2014: 589].

15. ужасный	1. Оказывается, я на долгие годы сумел избавиться от самого ужасного воспоминания детства [Павлов 2014: 581]. 2. Картины, ужасные картины являются мне очень часто в кошмарах и наяву [Павлов 2014: 598].
16. чудовищный	1. Сквозь кисти, ступни и шеи "кукол" были продеты тонкие, отливающие медью нити, уходящие далеко вверх, в густую тьму, где неведомые чудовищные кукловоды готовились к представлению [Тихонов 2010: 31].
Глаголы (7)	
1. бояться	1. [...] призрак вернулся, а с ним пришло то, чего она, оказывается, ждала и боялась больше всего на свете [Канушкин 2011: 13]. 2. Ты сама программируешь себя на кошмар, ты ждешь, ты боишься [...] [Канушкин 2011: 21]. 3. Она боялась этого дома, и она боялась своего сна [Канушкин 2011: 22]. 4. Она боялась этого дома, и она боялась своего сна. [Канушкин 2011: 22]. 5. Она боялась, что все то, из сна, когда-нибудь не отпустит и станет ее реальностью [Канушкин 2011: 22]. 6. Она боялась мучительных пробуждений, когда уже не спишь, но еще и не бодрствуешь [...] [Канушкин 2011: 22]. 7. – Но я не хочу, я боюсь идти туда, мне страшно, мама... 8. – Там всем страшно. Они боятся всего на свете, и страх – это единственное, что их связывает. Но больше всего они боятся этого сада [Канушкин 2011: 20]. 9. Но больше всего они боятся этого сада [Канушкин 2011: 20]. 10. – Но я не хочу туда, я не хочу бояться! – кричит Ксения и просыпается, вернее, ей только снится, что она проснулась в их новой квартире [Канушкин 2011: 26]. 11. – Этот вечерок, дорогуша, тебе придется провести одной – сказала она себе и вдруг поняла, что боится признаться в том, что «одной» – это не значит «без Василия», одной – это совсем одной [Канушкин 2011: 26]. 12. Но Василий может вернуться в любое время, и что я ему скажу? Что я 22-летняя психопатка, которая боится оставаться дома одна [Канушкин 2011: 27]. 13. Бабник, – говорит, – а что ж ты дешевым котом вокруг Наськи ходишь? Как подступить не знаешь? Аль Леха боишься? – Боюсь! – говорит. – Он ведь добрый-добрый – а убьет! Или жениться заставит... [Мазин 2009 :3]. 14. – Боюсь! – говорит. – Он ведь добрый-добрый – а убьет! Или жениться заставит... [Мазин 2009: 3]. 15. Мальчишкой я боялся ходить в одиночку по этим коридорам после наступления темноты [Павлов 2014: 575]. 16. Еще несколько дней я ходил по дому как тень, боялся разговаривать с людьми и без повода начинал плакать [Павлов 2014: 582]. 17. Он не хотел видеть, но боялся, что если отвернется или закроет глаза, то кто-нибудь – может, Хвощ или один из

	"актеров" - дотронется до него, и тогда он не выдержит и закричит [Тихонов 2014: 31]. 18. - Ты боишься меня? – Незнакомый приближался [Тихонов 2014: 34].
2. испугаться	1. – Да ты, никак, испугалась, дочка? Что ты, Серый мухи не обидит, славный пес [Канушкин 2011: 17]. 2. Чего ж я испугался? Девушки испугался? Порылся в себе: точно. Ее [Мазин 2009: 5]. 3. . Чего ж я испугался? Девушки испугался? Порылся в себе: точно. Ее [Мазин 2009: 5]. 4. Да и чего она так испугалась [Павлов 2014: 576] ? 5. Муха даже испугался, что тот сейчас грохнется в обморок [Тихонов 2014: 21].
3. напугать	1. – Это я, мама, – произнес я из темноты. – Андрюша, – она громко вздохнула, – как ты меня напугал...[Павлов 2014: 576].
4. побаиваться	1. Я побаивался крыс [Павлов 2014: 582]. 2. Магомеда несколько побаивались, а с Игорем переписывались, и он приезжал к нам в Москву [Канушкин 2011: 167]. 3. А вот Семен молчать не стал: начал дразнить да подзадоривать. Да и Саёныч его побаивается – чего стесняться [Мазин 2009: 3]?
5. пугать	1. – Я не хочу вас пугать [...],но здесь все время ощущается чье-то присутствие...[Канушкин 2011: 8]. 2. Ты загонишь эту чушь так далеко, что потом будет трудно с ней расстаться. Поэтому не пугай меня и выкинь все это из головы [Канушкин 2011: 21].
6. струсить	1. Струсишь – нет тебе больше моего уважения [Мазин 2009: 3]!
7. тревожить	1. Он доживал свой век, но его век все не кончался. И каждую ночь старика тревожили призраки тех, кого он убил [Канушкин 2011: 19]. 2. – И если тебя что-то тревожит, ты обязательно скажи [Канушкин 2011: 25]. 3. – [...] Обязательно скажу. Но только при условии, что если что-то будет тревожить [Канушкин 2011: 25]. 4. Накрытый на двоих стол, так и не дождавшийся трапезы, неубранная постель его жены, и ветер, гуляющий в пустом доме, еще долго будут тревожить его, вызывать беспокойные воспоминания [Канушкин 2011: 28].
Причастия / деепричастия (2)	
1. боясь	1. Поужинав в одиночестве на кухне, я сразу, боясь растерять решительность, набросил ветровку и направился в подвал [Павлов 2014: 592].
2. ужасающий	1. [...] и в течение секунды я видел на стене ужасающую тень [...] [Павлов 2014: 588].

Приложение 9. Ближняя периферия ХК СТРАХ: антонимы

Антонимы	Текст оригинала
Прилагательные / наречия (2)	
1. не страшно	1. – Стой! Сейчас сол сделаю, сол... – но было совсем не страшно, а как-то даже жаль деда, уж очень он был старый [Канушкин 2011: 168]. 2. – Да ну тебя! – огрызнулся я, делая вид, что мне совсем не страшно, а берег все удалялся, и вода между ним и лодкой была какая-то очень темная [Канушкин 2011: 171]. 3. Но все это было не страшно [Павлов 2014: 583]. 4. Совсем-совсем не страшно [Павлов 2014: 583].
2. спокойный	1. Смех взлетел в спокойное безоблачное небо [Тихонов 2014: 16].
Существительные (4)	
1. облегчение	1. В следующее мгновение мальчик понял, что перед ним, и выдохнул с облегчением, хотя жути от понимания не убавилось [Павлов 2014: 28].
2. решительность	1. Поужинав в одиночестве на кухне, я сразу, боясь растерять решительность, набросил ветровку и направился в подвал [Павлов 2014: 592].
3. спокойствие	1. Внешне я сохранял спокойствие; по крайней мере, надеюсь, на это [Павлов 2014: 577].
4. храбрость	1. Муха сжал кулаки и крикнул, собрав остатки храбрости [Тихонов 2014: 28].

Приложение 10. Дальняя периферия ХК СТРАХ

Индивидуально-авторская ассоциативная соотнесенность (19)	Текст оригинала
1. внутренние и внешние проявления страха	1. [...] ей вдруг сделалось так тоскливо [...] и так защемило сердце, как будто смерть пришла за ней и ждала там, за дверью [Канушкин 2011: 5]. 2. И тогда мурашки поползли по ее спине, потому что снова враждебно скрипнула пружина – кто-то поднялся с дивана и шел сейчас сюда по коридору [Канушкин 2011: 11]. 3. Лицо ее ко мне приблизилось да вдруг – как потекло... Господи! Я отшатнуться хотел – пальцы, как клещи [Мазин 2009: 6]. 4. И задыхаясь [...] Ксения просыпается. Но явь оказывается страшнее сна. Потому что прямо над собой она видит горящие ненавистью красные волчьи глаза [Канушкин 2011: 27]. 5. Она так и не поняла, бодрствовала ли она или это был все еще сон, потому что не могла пошевелиться: ее тело не подчинялось ей [Канушкин 2011: 12].

	6. <i>Сердце вдруг бешено застучало</i> и капли холодного пота выступили на лбу, потому что вернулся прежний страх [...] [Канушкин 2011: 15]. 7. Сердце вдруг бешено застучало и <i>капли холодного пота выступили на лбу</i>, потому что вернулся прежний страх [...] [Канушкин 2011: 15]. 8. В этом доме, и именно в вашей квартире, больше пятидесяти лет назад, еще перед войной, произошло убийство. Страшное кровавое убийство. Было очень много крови... У Ксении <i>вдруг бешено начало биться сердце</i>, и снова зашумело в голове [...] [Канушкин 2011: 23]. 9. В этом доме, и именно в вашей квартире, больше пятидесяти лет назад, еще перед войной, произошло убийство. Страшное кровавое убийство. Было очень много крови... У Ксении <i>вдруг бешено начало биться сердце</i>, и снова <i>зашумело в голове</i> [...] [Канушкин 2011: 23]. 10. – Ксения вдруг почувствовала <i>легкий укол в висках</i>. «Какой-то странный разговор...» – Я не хочу вас пугать, потом, я же говорю, они были ребята специфические [Канушкин 2011: 8]. 11. [...] и тогда снова повторился <i>укол в висках</i>, и она вдруг ясно ощутила, что находится в квартире не одна... [Канушкин 2011: 11]. 12. [...] и тогда Абдулла <i>сразу похолодел</i>, когда увидел того, кто вошел сейчас в кабину [Канушкин 2011: 26]. 13. Белозерцева <i>до боли сжала ноги и выдохнула</i>, – Он же каменный. Как же услышит? Каменный... [Канушкин 2011: 160]. 14. Альберт Анатольевич снова резко поднял голову. Субъект напротив закрылся газетой, но заголовок передовицы был совершенно безумным: «Эрнесто Че Гевара отыскал библиотеку Ивана Грозного». [...]. «Что за чушь мерещится? – <i>Капелька холодного пота</i> неожиданно <i>выступила на лбу</i> [...] – что за бред?..» [Канушкин 2011: 161]. 15. – Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Библиотека имени...», – дальше пошли шумы. Альберт Анатольевич попытался заставить себя не отрываться от чтения, хотя вторая <i>капелька пота холодной змейкой пробежала по лбу</i>. «Это ошибка, – промелькнуло в голове, – после «Курской» не может быть «Библиотеки имени Ленина». Ошибка» [Канушкин 2011: 161]. 16. Каким-то холодком повеяло, и что-то печальное <i>укололо в сердце</i> [Канушкин 2011: 161]. 17. <i>Стук сердца стал теперь оглушительным</i>. И не было в поезде никого. Перед ним стоял древний царь, мертвый и грозный [Канушкин 2011: 162]. 18. А потом смолкли голоса. Вслед за ними исчезли все привычные звуки. И тоскливо вдруг сделалось Михе,
--	---

	<i>холодно в груди</i> [Канушкин 2011: 164]. 19. ...среди гаражей и сирени, прямо на нее бежит зверь, и зверь этот – огромный, оскаливший пенную пасть, волк. Ксения стояла на тропинке, как завороженная [...] [Канушкин 2011: 17]. 20. Альберт Анатольевич установился на газету, понимая, что такого заголовка быть не может [...] [Канушкин 2011: 161]. 21. И все. Обессилел. Как помертвело внутри. Страшно [Мазин 2009: 6]. 22. И все. Обессилел. Как помертвело внутри. Страшно [Мазин 2009: 6]. 23. Мать остановилась, даже чуть отпрянула, подняв голову вверх. Стало до ужаса тихо. Она затаила дыхание. – Это я, мама, – произнес я из темноты. – Андрюша, – она громко вздохнула, – как ты меня напугал... [Павлов 2014: 576]. 24. Мать остановилась, даже чуть отпрянула, подняв голову вверх. Стало до ужаса тихо. Она затаила дыхание. – Это я, мама, – произнес я из темноты. – Андрюша, – она громко вздохнула, – как ты меня напугал... [Павлов 2014: 576]. 25. Я замер, приподнявшись на кровати. [...]. Хотелось бы сказать себе, мол, послышалось, но звук был слишком отчетливым. Сразу ясно, что кто-то легко ударил в деревянную дверь, причем не костяшками пальцев, а тыльной стороной ладони. Вот только звук пришел снизу, а это уже неправдоподобно... [Павлов 2014: 577]. 26. Потому что внутри у меня все натянулось от детского нелепого ужаса [...] [Павлов 2014: 577]. 27. [...] внутри у меня все натянулось от детского нелепого ужаса, от ощущения, будто кто-то смотрит из тьмы, и ведь этот кто-то может стоять в двух шагах от меня, и я его не замечу... Я закрыл дверь и отошел поодаль [Павлов 2014: 577]. 28. Я переминался с ноги на ногу, пламя зажигалки дрожало вместе с рукой. [...]. Я уговаривал себя, что сейчас покажется какое-нибудь мелкое животное. Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась [Павлов 2014: 578-579]. 29. Я переминался с ноги на ногу, пламя зажигалки дрожало вместе с рукой. [...]. Я уговаривал себя, что сейчас покажется какое-нибудь мелкое животное. Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась [Павлов 2014: 578-579]. 30. Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась. Наконец я заметил движение на рубеже тьмы, что-то округлое неясно шевелилось там, в круг света легла лапка... или крохотная рука... Кажется, дыхание зверька напряженно затихло. Зажигалка выстрелила кремнем и погасла. Наверное, я вскрикнул, надеюсь,
--	---

	обошлось без мата, не знаю. Я помню, как, забежав в комнату, хлопнул дверью, что-то я тогда говорил, да [Павлов 2014: 578-579]. 31. Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась. [...]. Наверное, я вскрикнул, надеюсь, обошлось без мата, не знаю. Я помню, как, забежав в комнату, хлопнул дверью, что-то я тогда говорил, да [Павлов 2014: 578-579]. 32. Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась. [...]. Наверное, я вскрикнул, надеюсь, обошлось без мата, не знаю. Я помню, как, забежав в комнату, хлопнул дверью, что-то я тогда говорил, да [Павлов 2014: 578-579]. 33. Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась. [...]. Наверное, я вскрикнул, надеюсь, обошлось без мата, не знаю. Я помню, как, забежав в комнату, хлопнул дверью, что-то я тогда говорил, да. [...]. Я так и не уснул [Павлов 2014: 578-579]. 34. Наверное, я побелел. Я почувствовал, как кровь отхлынула с лица, а глаза, кажется, полезли на лоб. <i>Подвал.</i> Оказывается, я на долгие годы сумел избавиться от самого ужасного воспоминания детства. А ведь бывало, мальчишкой я не мог уснуть, думая о том, как сидел в подвале. Да что там, ведь, как рассказала потом мама, меня вытащили оттуда в обморочном состоянии и никак не могли привести в чувство [Павлов 2014: 581]. 35. Наверное, я побелел. Я почувствовал, как кровь отхлынула с лица, а глаза, кажется, полезли на лоб [Павлов 2014: 581]. 36. А ведь бывало, мальчишкой я не мог уснуть, думая о том, как сидел в подвале [Павлов 2014: 581]. 37. Да что там, ведь, как рассказала потом мама, меня вытащили оттуда (из подвала) в обморочном состоянии и никак не могли привести в чувство. Еще несколько дней я ходил по дому как тень, боялся разговаривать с людьми и без повода начинал плакать [Павлов 2014: 581]. 38. Да что там, ведь, как рассказала потом мама, меня вытащили оттуда (из подвала) в обморочном состоянии и никак не могли привести в чувство. Еще несколько дней я ходил по дому как тень, боялся разговаривать с людьми и без повода начинал плакать [Павлов 2014: 581]. 39. Но все это было не страшно. Совсем-совсем не страшно. По сравнению с тем, когда во мраке, где-то у самой лестницы слышались звуки. Что-то копошилось там, фыркало... [...]. Я залез в самую глубь подвала, и какое-то время все было тихо [Павлов 2014: 583]. 40. Я плакал, стискивая зубы, а эта тварь становилась все ближе [Павлов 2014: 583].
--	--

	41. Про себя я <i>молился Богу и</i> звал маму. Мне кажется, я просидел так многие часы. Я знал, что это существо уже рядом. Судя по звукам, оно возилось у самых моих ног [Павлов 2014: 583]. 42. Про себя я молился Богу и <i>звал маму</i>. Мне кажется, я просидел так многие часы. Я знал, что это существо уже рядом. Судя по звукам, оно возилось у самых моих ног [Павлов 2014: 583]. 43. 44. Я знал, что это существо уже рядом. Судя по звукам, оно возилось у самых моих ног. И в какой-то миг оно коснулось меня. [...]. Я <i>вскрикнул</i>, и перед глазами запрыгали разноцветные круги, тогда я понял, что все это время ждал, зажмурившись [Павлов 2014: 583]. 44. Я знал, что это существо уже рядом. Судя по звукам, оно возилось у самых моих ног. И в какой-то миг оно коснулось меня. [...]. Я <i>вскрикнул</i>, и перед глазами запрыгали разноцветные круги, тогда я понял, что все это время ждал, <i>зажмурившись</i> [Павлов 2014: 583]. 45. Я посмотрел на нее, и <i>ком встал в горле</i>. Понятно, что ей скоро шестьдесят, но как же это поразительно и страшно – вдруг замечать, что твоя мама превратилась в старушку. И дело не только в отеком лице, больных слезящихся глазах и морщинах вокруг них. Она устала [Павлов 2014: 584]. 46. <i>Хватаясь за стену, я отступил было к своей комнате</i>. [...]. Зловещий лик не двигался, и жуткие блестящие буркалы устремляли свой взор куда-то в сторону [Павлов 2014: 587]. 47. <i>В ее руке дрожал маленький электрический фонари</i>. [...]. Безусловно, это были точно такие же синяки, что и полученные мной в детстве в подвале. – Марина, расскажи мне, пожалуйста, что здесь было? Кто это сделал, а [Павлов 2014: 588]? 48. Что-то омерзительно чавкнуло под ногами, я осветил вниз и <i>поспешно отступил</i> [Павлов 2014: 590]. 49. Возможно, именно в этом месте двадцать с лишним лет назад <i>прятался</i> напуганный до иступления мальчик, которого наказала бабушка [Павлов 2014: 590]. 50. Дыра напоминала мне дверной глазок. Будто я постучал и жду, а хозяин смотрит на меня из-за двери. Дыра была неуместна, неестественна, у нее был свой запах, свое излучение, свое дыхание... И все это чуждое до отвращения, до рвоты. <i>Секунду или две я кричал</i>. Потому что видел черное пятно сквозь ладонь [Павлов 2014: 594]. 51. Мою голову рывком притянуло к стене, правой половиной лица впечатав в кирпичную кладку. Дыра оказалась прямо напротив глаза. И в этот миг лучше бы мне остаться без него. Видит Бог, я не заслужил такого наказания, не заслужил узреть это! Я <i>потерял</i>
--	---

	<i>сознание</i> [Павлов 2014: 594]. 52. Шарообразная голова с несколькими прилипшими волосами. Крошечное тельце, серая с черными венами кожа. Какие-то черепашьи движения. Я выматерился, желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса [Павлов 2014: 596]. 53. Шарообразная голова с несколькими прилипшими волосами. Крошечное тельце, серая с черными венами кожа. Какие-то черепашьи движения. Я выматерился, желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса [Павлов 2014: 596]. 54. Хвощ вздрыгнул и выронил ложку. Лицо его вытянулось и побелело, Муха даже испугался, что тот сейчас грохнется в обморок. Хвощ спросил дрожащим голосом: – Откуда ты знаешь [Тихонов 2014: 21]? 55. Хвощ вздрыгнул и выронил ложку. Лицо его вытянулось и побелело, Муха даже испугался, что тот сейчас грохнется в обморок. Хвощ спросил дрожащим голосом: – Откуда ты знаешь [Тихонов 2014: 21]? 56. Хвощ вздрыгнул и выронил ложку. Лицо его вытянулось и побелело, Муха даже испугался, что тот сейчас грохнется в обморок. Хвощ спросил дрожащим голосом: – Откуда ты знаешь [Тихонов 2014: 21]? 57. Свернув за угол, Муха замер. Впереди была тьма [Тихонов 2014: 28]. 58. Хвощ изо всех сил старался, чтобы его голос не дрожал, но выходило не очень [Тихонов 2014: 30]. 59. Заиграла негромкая музыка, и на сцену вышли две куклы. Вернее, это сначала они показались Мухе куклами, потом он пригляделся, и волосы у него на загривке зашевелились. На сцене стояли дети – двое мальчишек его возраста. Бледные лица, ввалившиеся щеки, полузакрытые глаза. Оба казались измученными, истощенными, и вряд ли соображали, что с ними происходит [Тихонов 2014: 31]. 60. Это было жутко и в то же время завораживало, намертво приковывало взгляд. Муха думал о боли, о том, могли ли они чувствовать ее в пробитых конечностях, и пальцы его впились в подлокотники так, что побелели костяшки, в животе похолодело [Тихонов 2014: 31]. 61. Он не хотел видеть, но боялся, что если отвернется или закроет глаза, то кто-нибудь – может, Хвощ или один из «актеров» — дотронется до него, и тогда он не выдержит и закричит [Тихонов 2014: 31]. 62. Зубы его застучали. Он ведь никому никогда не рассказывал о своих родителях, держал всё в себе, хранил, берег, как сокровище. Откуда им известно [Тихонов 2014: 33]? 63. Вздрыгнув, Муха сжался, словно опасался удара. Он
--	--

	знал, что сейчас произойдет. Школьник развернулся, и в руке его оказался нож. Короткое, едва уловимое движение – лезвие вошло в живот мальчика, изображавшего отца, тот жалобно вскрикнул и отшатнулся [Тихонов 2014: 33]. 64. Муха вскочил с кресла и, оттолкнув пытавшегося ему помешать Хвоща, помчался вверх по проходу. Прочь, прочь отсюда [Тихонов 2014: 33]! 65. Но на середине он вдруг замер, от ужаса не в силах ни крикнуть, ни вдохнуть. Впереди, в непроглядной темноте, кто-то стоял [Тихонов 2014: 33]. 66. Но на середине он вдруг замер, от ужаса не в силах ни крикнуть, ни вдохнуть. Впереди, в непроглядной темноте, кто-то стоял. [...] голос прозвучал немного ближе. – Не подходи! – взвизгнул Муха [Тихонов 2014: 34].
2. изменение температуры	1. Ваню бродил по безлюдным аулам, заходил в сакли, забывшие тепло людей, – холодно было в этом царстве призраков, царстве мертвых домов [Канушкин 2011: 32]. 2. Альберт Анатольевич слабо улыбнулся. Каким-то холодком повеяло, и что-то печальное укололо в сердце [Канушкин 2011: 161].
3. мистические события, вызывающие страх	1. [...] призрак вернулся, а с ним пришло то, чего она, оказывается, ждала и боялась больше всего на свете [Канушкин 2011: 13]. 2. Они видели, как медленно закрывается дверь в спальню, а потом так же медленно опускается и затем поднимается дверная ручка. Это не мог быть ветер [...] [Канушкин 2011: 13]. 3. [...] прямо к ней из марева раскаленного воздуха шла та маленькая женщина в темном зимнем пальто, закутанная в цветастый платок [Канушкин 2011: 15]. 4. Стук сердца стал теперь оглушительным. И не было в поезде никого. Перед ним стоял древний царь, мертвый и грозный [Канушкин 2011: 162]. 5. Там внизу разное водится...– Разные сказки ходят [Канушкин 2011: 163]. 6. Там, внизу, в тихой тьме таится живая жуть. Имя ей – Матушка-Земля [Канушкин 2011: 163]. 7. [...], над ним стоял тот, о ком Миха грезил во сне и наяву – великолепный и неповторимый Че Гевара [Канушкин 2011: 164]. 8. Лицо ее ко мне приблизилось да вдруг – как потекло... Господи [Мазин 2009: 6]! 9. Морда медвежья! Как изнутри проступает [Мазин 2009: 6]. 10. Оно было маленьким. Я бы подумал, что это крыса или мышь, но оно не бегало, не ходило, а, похоже, ползло. Наконец я заметил движение на рубеже тьмы, что-то округлое неясно шевелилось там, в круг света легла лапка... или крохотная рука...[Павлов

	2014: 578-579]. 11. Яркий свет прыгнул из комнаты, и в течение секунды я видел <i>на стене ужасающую тень – силуэт, бьющийся в конвульсии, короткие руки и ноги, огромная шарообразная голова</i>. Затем <i>поток света метнулся обратно, заскакал внутри комнаты и, наконец погас</i> [Павлов 2014: 588]. 12. Дыра напоминала мне дверной глазок. Будто я постучал и жду, а хозяин смотрит на меня из-за двери. Дыра была неуместна, неестественна, у нее был свой запах, свое излучение, свое дыхание... И все это чуждое до отвращения, до рвоты. Секунду или две я кричал. Потому что видел черное пятно сквозь ладонь [Павлов 2014: 594]. 13. Мою голову рывком притянуло к стене, правой половиной лица впечатав в кирпичную кладку. Дыра оказалась прямо напротив глаза. И в этот миг лучше бы мне остаться без него. Видит Бог, я не заслужил такого наказания, не заслужил узреть это [Павлов 2014: 594]. 14. Луч света скользнул ниже, оно было на краю постели. Вздвигалось по одеялу, стягивая его вниз. [...]. Это же младенец [Павлов 2014: 596]! 15. Карман в его джинсах, висящих на спинке стула, светился. Слабым белым светом. Тот самый карман, в который он утром засунул билет [Тихонов 2014: 27].
4. необычность, вызывающая страх	1. Затем она повернулась и некоторое время смотрела на спящих, и Ксения увидела, что это была старуха, только лицо у нее было какое-то очень гладкое и белое, как будто сделанное из воска [Канушкин 2011: 13]. 2. Совсем уж непонятно, чем его так привлек субъект напротив. Что-то он увидел боковым зрением, какое-то несоответствие померещилось [Канушкин 2011: 161]. 3. [...] заголовок передовицы был совершенно безумным: «Эрнесто Че Гевара отыскал библиотеку Ивана Грозного». Альберт Анатольевич установился на газету, понимая, что такого заголовка быть не может [...] [Канушкин 2011: 161]. 4. Что-то мелькнуло в карих глазах девушки. Мелькнуло и пропало, сменившись обычным спокойным выражением [Мазин 2009: 3]. 5. Сразу ясно, что кто-то легко ударил в деревянную дверь, причем не костяшками пальцев, а тыльной стороной ладони. Вот только звук пришел снизу, а это уже неправдоподобно... [Павлов 2014: 577]. 6. Постойте... что там на кровати? Я подошел ближе, переступая через свои старые игрушки. В колыбели было постелено свежее белье, тут же лежали ползунки и распашонки. Эти дочери-матери

	отчего-то нагнали на меня жути, и я решил возвращаться [Павлов 2014: 578]. 7. В какой-то момент я увидел <i>это</i>... Не могу придумать название <i>этой штуке</i>. Хотя можно сказать, что это была <i>просто точка, черная точка в стене напротив</i>, и она была ужасна [Павлов 2014: 593]. 8. Дыра напоминала мне дверной глазок. Будто я постучал и жду, а хозяин смотрит на меня из-за двери. <i>Дыра была неуместна, неестественна, у нее был свой запах, свое излучение, свое дыхание...</i>[Павлов 2014: 593]. 9. Дыра напоминала мне дверной глазок. Будто я постучал и жду, а хозяин смотрит на меня из-за двери. Дыра была неуместна, неестественна, у нее был свой запах, свое излучение, свое дыхание... <i>И все это чуждое до отворачивания, до рвоты</i>. Секунду или две я кричал. Потому что видел черное пятно сквозь ладонь [Павлов 2014: 594]. 10. <i>Одеяло странным образом продолжало сползать</i>. Луч света скользнул ниже, оно было на краю постели. Взбиралось по одеялу, стягивая его вниз. Шарообразная голова с несколькими прилипшими волосами. Крошечное тельце, серая с черными венами кожа. Какие-то черепашьи движения. Я выматерился, желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса. Это же младенец [Павлов 2014: 595]! 11. Он ведь <i>никому никогда не рассказывал</i> о своих родителях, держал все в себе, хранил, берег, как сокровище. <i>Откуда им известно</i> [Тихонов 2014: 33]?
5. описание внешности, вызывающей страх	1. Она только видела, что тот, второй, появившийся в проеме дверей, <i>был огромного роста. Торс и руки его заросли шерстью, а вытянутая волчья пасть была оскалена, и с клыков текла слюна</i> [Канушкин 2011: 13]. 2. Он шел медленно, словно был слеп, и страшной злобой <i>горели два его красных глаза</i> [Канушкин 2011: 13]. 3. И Ксения видит <i>не руку с загнутыми когтями, но огромную фигуру, заросшую шерстью, со слипшимися сгустками крови, могучими руками и страшной звериной мордой с оскаленными клыками. И дикой, нечеловеческой ненавистью горят два красных глаза</i> [Канушкин 2011: 27]. 4. [...] среди гаражей и сирени, прямо <i>на нее бежит зверь, и зверь этот – огромный, оскаливший пенную пасть, волк</i>. Ксения стояла на тропинке, как замороженная, и только <i>два красных, пылающих неземной злобой глаза</i> все приближались [Канушкин 2011: 17]. 5. [...] и с грохотом вылетает кусок бетона, и Ксения видит выбившую его <i>руку – окровавленную, заросшую шерстью руку-лапу с загнутыми кривыми</i>

		<i>когтями</i> [Канушкин 2011: 21]. 6. – Но послушай, я видела эту <i>руку с когтями</i>, она у меня перед глазами. Мне страшно, и я не могу этого забыть [Канушкин 2011: 12]! 7. Перед ним стоял древний царь, мертвый и грозный. И остался лишь один маленький шаг. <i>Посмотреть ему в глаза. Увидеть, как они зажгутся и будут гореть</i> в этом сгустившемся мраке, <i>гореть демоническим светом</i> [Канушкин 2011: 162]. 8. Миха всегда представлял его именно таким, <i>лишь только глаза не должны были гореть этим демоническим огнем да багровые отсветы не плясать на высоком, красивом челе</i>. [...] когда над ним стоял [...] Че Гевара [Канушкин 2011: 164]. 9. А на лице девичьем: на тени тень. <i>Черточки знакомые вытягиваются, рот приоткрытый как бы вперед и в стороны расходится и... Морда медвежья!</i> Как изнутри проступает [Мазин 2009: 6]. 10. Я почувствовал, как <i>маленькая с пятак ладонь</i> осторожно тронула меня за локоть левой руки, я почувствовал <i>крошечные пальцы</i>, я почувствовал <i>сухую мягкую кожу</i>... О Боже, но <i>ладонь была ледяной! Холоднее льда</i> [Павлова 2014: 583]! 11. И тут чуть не упал – впереди, дальше поворота на лестницу, мерцал огонек, а над ним <i>висело белое искривленное лицо с огромными выпученными глазами. Зловещий лик не двигался, и жуткие блестящие буркалы устремляли свой взор куда-то в сторону. Немигающие глаза уставились на меня, и мне вновь стало не по себе, хоть я и понимал, что передо мной моя бабушка. Во взгляде ее смешались безумная злоба и ужас, казалось, она не в своем уме</i> [Павлова 2014: 587]. 12. А память рисовала <i>ее скованное судорогой дьявольское лицо, черные разломы морщин, искривленный рот, стеклянные глаза, руку с пистолетом</i> [Павлова 2014: 591]. 13. А под ступенькой <i>морицилось круглое человеческое лицо: трепещущие ноздри, плотно сомкнутые веки, крохотный рот</i> [Павлова 2014: 595]. 14. [...] <i>маленькое круглое лицо, со всеми морщинами, болезненной гримасой и глазами... Глаза были открыты, да, открыты, но пусты. Только чернота между век</i> [Павлова 2014: 597]. 15. [...] а когда нити потащили его вверх, успел понять, что <i>под черными очками палача не было глаз</i> [Тихонов 2014: 34].
6. описание звуков, вызывающих страх		1. И Ксения повернулась, чтобы выйти из спальни, и тогда снова повторился укол в висках, и она вдруг ясно ощутила, что находится в квартире не одна. <i>Скрипнул паркет в коридоре</i>, потом то же на кухне, протяжно заныла диванная пружина. И тоскливо вдруг

	сделалось Ксении, потому что там был кто-то, в пустой кухне [Канушкин 2011: 11]. 2. И Ксения повернулась, чтобы выйти из спальни, и тогда снова повторился укол в висках, и она вдруг ясно ощутила, что находится в квартире не одна. Скрипнул паркет в коридоре, потом то же на кухне, протяжно заныла диванная пружина. И тоскливо вдруг сделалось Ксении, потому что там был кто-то, в пустой кухне [Канушкин 2011: 11]. 3. И тогда мурашки поползли по ее спине, потому что снова враждебно скрипнула пружина – кто-то поднялся с дивана и шел сейчас сюда по коридору [Канушкин 2011: 11]. 4. Он шел медленно, словно был слеп, и страшной злобой горели два его красных глаза. И когда Ксения увидела эти горящие глаза, где-то глубоко, внутри себя, она услышала тоскливый, леденящий волчий вой [Канушкин 2011: 13]. 5. Резко поднялась какая-то птица – Ксения слышала только хлопанье крыльев, и где-то далеко за домами, далеко за расплавленным изнуренным городом, за лесной прохладой, где-то на краю ночи она услышала одинокий волчий вой. И тогда снова зашумело в голове, и резкая боль в висках чуть не заставила ее вскрикнуть [Канушкин 2011: 15]. 6. И Ксения снова слышит дикий волчий вой, и от него сейчас расколется голов. И тогда вой становится страшным ревом, и с грохотом вылетает кусок бетона, и Ксения видит выбившую его руку – окровавленную, заросшую шерстью руку-лапу с загнутыми кривыми когтями [Канушкин 2011: 21]. 7. И тогда вой становится страшным ревом, и с грохотом вылетает кусок бетона [...] [Канушкин 2011: 21]. 8. И тоскливый волчий вой наполняет все пространство [...]. И Ксения видит не руку с загнутыми когтями, но огромную фигуру, заросшую шерстью, со слившимися сгустками крови, могучими руками и страшной звериной мордой с оскаленными клыками. И дикой, нечеловеческой ненавистью горят два красных глаза [Канушкин 2011: 27]. 9. Упал на постель да в кошмар провалился. Все, как Семен рассказывал, да и похуже: тела выпотрошенные, кровь, вой нечеловечий... Кошмар, то есть [Мазин 2009: 3]. 10. Я не двигался, пока не понял, что нужно уступить дорогу. Скрипнули доски пола. Мать остановилась,
--	--

	даже чуть отпрянула, подняв голову вверх. Стало до ужаса тихо. Она затаила дыхание [Павлов 2014: 576]. 11. Если бы не услышал <i>те шорохи</i>. Вот, что по-настоящему выбило меня из колеи – <i>эти звуки. Что-то шуршало</i> впереди, может быть, около лестницы [Павлов 2014: 578]. 12. По сравнению с тем, когда во мраке, где-то у самой лестницы <i>послышались звуки. Что-то копошилось там, фыркало...</i> [Павлов 2014: 583]. 13. Но потом я <i>расслышал</i>, как оно ползет ко мне. <i>Оно дышало. Очень тихо, но во тьме его дыхание казалось оглушительным, в нем была какая-то влажная хрипотца. Так дышат дети, больные насморком</i> [Павлов 2014: 583]. 14. Где-то все громче с каждой ночью <i>кричала женщина</i>. И однажды я проснулся. <i>Крик был настоящий</i> [Павлов 2014: 587]. 15. Внезапно вновь <i>завопила женщина, звук впился в уши</i> [Павлов 2014: 588]. 16. Я слышал, как что-то зашевелилось впереди, скрытое горой хлама. <i>Неторопливые мерзкие влажные звуки...</i> [Павлов 2014: 593]. 17. Вернулась тишина, и в ней <i>приглушенный скребущий шум</i>. Мелкая тварь ползла по земляному полу прочь [Павлов 2014: 593].
7. отсутствие звуков	1. И тогда голос в динамике, как последнее приветствие <i>из мира звуков, уходящего теперь навсегда</i>, произнес: «Станция «Библиотека Ивана Грозного». <i>И пришла тихая тьма</i> [Канушкин 2011: 162]. 2. Там, внизу, <i>в тихой тьме</i> таится живая жуть. Имя ей – Матушка-Земля [Канушкин 2011: 163]. 3. А потом <i>смолкли голоса</i>. Вслед за ними <i>исчезли все привычные звуки</i> [Канушкин 2011: 164]. 4. И Миха палил по предмету своего обожания (по призраку Че Гевары), пока не отстрелял всю обойму. Но звуков выстрелов <i>никто не услышал. Потому что пришла тихая тьма</i> [Канушкин 2011: 164]. 5. Стало до ужаса <i>тихо</i> [Павлов 2014: 576]. 6. <i>Ни звука. Подвал был мертв, весь дом был мертв</i> [Павлов 2014: 591].
8. появление	1. Так и не уразумев, откуда натекала вода, я двинулся вглубь подвала. <i>Сырость и запахи гнили</i> все туже

специфического запаха	обнимали меня со всех сторон, в луч фонаря порой попадали осколки стеклянных сосудов, кашица плесени между ними [Павлов 2014: 590].
9. предчувствие чего-то страшного	1. И не ощути я тогда этой ее силы, [...] зацеловал бы девушку... Но сила эта меня насторожила. Высвободился не без труда [Мазин 2009: 5]. 2. Что-то меня насторожило [Павлов 2014: 592]. 3. К вечеру все небо затянули облака, а вскоре после наступления темноты пошел дождь. Он монотонно стучал по крыше и карнизам, навевая недобрые предчувствия [Тихонов 2014: 26].
10. приближение, вызывающее страх	1. И тогда мурашки поползли по ее спине, потому что снова враждебно скрипнула пружина – кто-то поднялся с дивана и шел сейчас сюда по коридору. [Канушкин 2011: 11]. 2. «Наверное, мне снится, [...], что в спальню сейчас кто-то вошел и идет, неслышно ступая по ковру, к кровати» [Канушкин 2011: 13]. 3. [...], прямо на нее бежит зверь, и зверь этот – огромный, оскаливший пенную пасть, волк. Ксения стояла на тропинке, как замороженная [...] [Канушкин 2011: 17]. 4. Он шел медленно, словно был слеп, и страшной злобой горели два его красных глаза [Канушкин 2011: 13]. 5. Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась [Павлов 2014: 578-579]. 6. Но потом я расслышал, как оно ползет ко мне. [...], а эта тварь становилась все ближе [Павлов 2014: 583]. 7. Я знал, что это существо уже рядом. Судя по звукам, оно возилось у самых моих ног. И в какой-то миг оно коснулось меня [Павлов 2014: 583]. 8. Но на середине он вдруг замер, от ужаса не в силах ни крикнуть, ни вдохнуть. Впереди, в непроглядной темноте, кто-то стоял. – Не понравилось? – голос прозвучал немного ближе. – Не подходи! – взвизгнул Муха [Тихонов 2014: 34]. 9. Ты боишься меня? - Неизвестный приближался [Тихонов 2014: 34]. 10. Он подошел почти вплотную. Постановщик нагнулся к нему: – Ты почти идеален. Уникальный

	экземпляр. Главная нить уже в тебе. А остальное не проблема. Муха взглянул в черные стекла: – Отпустите меня. Постановщик улыбнулся: – Добро пожаловать в мой театр! [Тихонов 2014: 34].
11. социальный страх	1. Да что там, ведь, как рассказала потом мама, меня вытащили оттуда (из подвала) в обморочном состоянии и никак не могли привести в чувство. Еще несколько дней я ходил по дому как тень, боялся разговаривать с людьми и без повода начинал плакать [Павлов 2014: 581].
12. страх за здоровье/страх боли	1. Субъект напротив протянул ему свое вредоносное чтение. Оно было заразное, как болезнь [...] [Канушкин 2011: 161]. 2. Эта тварь настоящая. В смысле, из плоти и крови. Не привидение. [...]. Тварь опасна, что бы мне ни говорили [Павлов 2014: 591]. 3. На сцене стояли дети. [...]. Сквозь кисти, ступни и шеи "кукол" были продеты тонкие, отливающие медью нити, уходящие далеко вверх, в густую тьму, где неведомые чудовищные кукловоды готовились к представлению [Тихонов 2014: 31]. 4. Муха думал о боли, о том, могли ли они чувствовать ее в пробитых конечностях, и пальцы его впивались в подлокотники так, что побелели костяшки, в животе похолодело [Тихонов 2014: 31]. 5. С легким шелестом из темноты спустились медные нити и впились Мухе в тело, пронзая плоть, закручиваясь вокруг запястий и лодыжек.. Муха не кричал. Только вздрагивал и стонал от боли, стиснув зубы [Тихонов 2014: 35].
13. страх смерти	1. Гныщенко нанес страшный удар, разбив череп. Кровь брызнула в разные стороны, залил стол [...] [Канушкин 2011: 6]. 2. Вся квартира была перевернута, а на залитом кровью полу большой комнаты лежало то, что еще совсем недавно было Марией Николаевной [Канушкин 2011: 6]. 3. Страшное. Случилось это в середине лета кровавое убийство, в такое же время, как и сейчас. Садистским, диким способом – ударом топора по голове. Было очень много крови...[Канушкин 2011: 23]. 4. Плавал я неплохо, но знал, что за каменной грядой резко начинается глубина. Волны были зеленые и пенились все больше. Мне стало не по себе, а до берега уже очень прилично [Канушкин 2011: 171].

	5. Ничего не получалось, нас относил в море. Я снова залез в лодку и увидел, что мы прошли каменную гряду. Лодка была небольшая, прогулочная, <i>без весел нас запросто могло опрокинуть</i> [Канушкин 2011: 171]. 6. [...] ей вдруг сделалось так тоскливо [...] и так защемило сердце, как будто <i>смерть пришла</i> за ней и ждала там, за дверью [Канушкин 2011: 5]. 7. Москва [...] – рот этой жути. <i>Она им жрет. Люди, поспевающие на солнце, – любимая еда</i> [Канушкин 2011: 163]. 8. Сожрет! Сейчас обернется (медведем) и – рвать [Мазин 2009: 6]! 9. Понятно, что ей скоро шестьдесят, но как же это поразительно и страшно – вдруг замечать, что <i>твоя мама превратилась в старушку</i> [Павлов 2014: 584]. 10. Среди ночи, только что приняв роды у собственной дочери, с помутившимся рассудком Зофья Вуйчик <i>отнесла свой личный камень преткновения (младенца) к фундаменту строящегося дома и закопала его там</i> [Павлов 2014: 596]. 11. <i>Он (младенец) лежал, свернувшись в комок. Почти черное то ли от времени, то ли от земли тельце</i> [Павлов 2014: 597]. 12. <i>Прозрачная желтоватая жидкость блеснула на солнце, коснулась мертвой потемневшей плоти, и что-то зашипело, поднялся едкий пар. Сквозь густые испарения трудно было различить, что кислота делает с телом. [...] Кислота сделала свое дело, от тела, да и от всех этих тряпок, от мешка – ничего не осталось</i> [Павлов 2014: 597]. 13. [...] <i>лезвие вошло в живот мальчика</i>, изображавшего отца, тот жалобно вскрикнул и отшатнулся. <i>Еще один взмах, еще один. Отец падает на колени, истекая кровью</i>, и тут сын <i>с размаха бьет его ножом в горло, а потом в лицо</i>. Муха вскочил с кресла и, оттолкнув пытавшегося ему помешать Хвоща, помчался вверх по проходу. Прочь, прочь отсюда [Тихонов 2014: 33]!
14. страх, вызванный отвращением	1. Но тогда из пролома в стене <i>начинает фонтаном бить что-то красное и липкое, оно заливают все вокруг и быстро наполняет комнату</i>. И зверь начинает <i>это красное жадно лакать</i> [Канушкин 2011: 27]. 2. И <i>Ксения падает в это, начинает захлебываться им</i>, и тогда она понимает, что это <i>кровь</i> [Канушкин

	2011: 27]. 3. Упал на постель да в кошмар провалился. Все, как Семен рассказывал, да и похуже: тела выпотрошенные, кровь, вой нечеловечий... Кошмар, то есть [Мазин 2009: 3]. 4. Я в дом. А там... - помолчал. - От Саёныча, считай, одни куски остались... В кровянице все... У бабки полчереп снесен, скальп содран... [Мазин 2009: 3]. 5. Что-то омерзительно чавкнуло под ногой, я посветил вниз и поспешно отступил [Павлов 2014: 590]. 6. Шарообразная голова с несколькими прилипшими волосами. Крошечное тельце, серая с черными венами кожа. Какие-то черепашьи движения. Я выматерился, желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса [Павлов 2014: 596]. 7. Глядя на их дерганные, судорожные движения, Муха морищился от отвращения. Совсем рядом, всего в паре метров от него, с глухим стуком бились об пол босые ступни, безжизненно мотались из стороны в сторону головы [Тихонов 2014: 32].
15. страх, вызванный препятствием движения	1. С легким шелестом из темноты спустились медные нити и впились Мухе в тело, пронзая плоть, закручиваясь вокруг запястий и лодыжек. Где-то сзади безумно, надрывно засмеялся Хвощ. Муха не кричал. Только вздрагивал и стонал от боли, стиснув зубы, а когда нити потащили его вверх успел понять, что под черными очками палача не было глаз [Тихонов 2014: 34].

16. страх, вызванный чьим-то присутствием	1. – Знаете, у страха глаза велики. Только Олежка, это вот как раз мой приятель, говорил, что <i>здесь все время ощущается чье-то присутствие</i>... [Канушкин 2011: 8]. 2. И Ксения повернулась, чтобы выйти из спальни, и тогда снова повторился укол в висках, и она вдруг ясно <i>ощутила, что находится в квартире не одна</i> [Канушкин 2011: 11]. 3. И тоскливо вдруг сделалось Ксении, потому <i>что там был кто-то, в пустой кухне</i>, смеялся, роясь в ее бумагах, сидел, развалившись на диване [Канушкин 2011: 11]. 4. Потому что внутри у меня все натянулось от детского нелепого ужаса, от ощущения, будто <i>кто-то смотрит из тьмы, и ведь этот кто-то может стоять в двух шагах</i> от меня, и я его не замечу... [Павлов 2014: 577]. 5. Вернулась тишина, и в ней приглушенный скребущий шум. <i>Мелкая тварь ползла по земляному полу прочь</i> [Павлов 2014: 593]. 6. Но на середине он вдруг замер, от ужаса не в силах ни крикнуть, ни вдохнуть. <i>Впереди</i>, в непроглядной темноте, <i>кто-то стоял</i> [Тихонов 2014: 33].
17. цвето-световые характеристики	1. И тогда вдруг быстро <i>начинает темнеть, и</i> черемуха и красавица-вишня <i>оппадают черными листьями</i>, и тогда становится <i>совсем темно</i> [Канушкин 2011: 20]. 2. И остался лишь один маленький шаг. Посмотреть ему в глаза. Увидеть, как они зажгутся и будут гореть в этом <i>сгустившемся мраке</i>, гореть демоническим светом [Канушкин 2011: 162]. 3. – Да ну тебя! – огрызнулся я, делая вид, что мне совсем не страшно, а берег все удалялся, и <i>вода</i> между ним и лодкой была какая-то <i>очень темная</i> [Канушкин 2011: 171]. 4. Мальчишкой я боялся ходить в одиночку по этим коридорам после наступления <i>темноты</i> [Павлов 2014: 575]. 5. <i>Тьма стремительно сгущалась</i> [...]. Мою голову рывком притянуло к стене, правой половиной лица впечатав в кирпичную кладку. Дыра оказалась прямо напротив глаза. И в этот миг лучше бы мне остаться без него. Видит Бог, я не заслужил такого наказания, не заслужил узреть это! Я потерял сознание [Павлов 2014: 594]. 6. Мою голову рывком притянуло к стене, правой половиной лица впечатав в кирпичную кладку. Дыра оказалась прямо напротив глаза. И в этот миг лучше бы мне остаться без него. Видит Бог, я не заслужил

	такого наказания, не заслужил узреть это! Я потерял сознание. Потом очнулся. В крошеиной мгле [Павлов 2014: 594]. 7. Свет бабушкиной свечи остался наверху, вокруг вырос непроницаемый мрак. Нашупал выключатель, щелкнул им – бесполезно, электричества не было [Павлов 2014: 585]. 8. В стене на стыке кирпичей была дырка, круглая, маленькая, три-четыре сантиметра диаметром. Мне кажется, я слышал ее. Внутри сидел непроницаемый мрак [Павлов 2014: 587]. 9. Свернув за угол, Муха замер. Впереди была тьма. [...] все резко обрывалось в густом мраке, неведь откуда возникшем посреди коридора [Тихонов 2014: 28]. 10. Сквозь кисти, ступни и шеи "кукол" были продеты тонкие, отливающие медью нити, уходящие далеко вверх, в густую тьму, где неведомые чудовищные кукловоды готовились к представлению [Тихонов 2014: 31]. 11. Впереди, в непроглядной темноте, кто-то стоял [Павлов 2014: 33]. 12. С легким шелестом из темноты спустились медные нити и впились Мухе в тело [Тихонов 2014: 34].
18. чувство вины	1. Он доживал свой век, но его век все не кончался. И каждую ночь старика тревожили призраки тех, кого он убил [Канушкин 2011: 19].
19. чувство одиночества, безлюдность	1. – Этот вечерок, дорогуша, тебе придется провести одной – сказала она себе и вдруг поняла, что боится признаться в том, что «одной» – это не значит «без Василия», одной – это совсем одной [Канушкин 2011: 26]. 2. «Но Василий может вернуться в любое время, и что я ему скажу? Что я 22-летняя психопатка, которая боится оставаться дома одна» [Канушкин 2011: 26]. 3. Вано бродил по безлюдным аулам, заходил в сакли, забывшие тепло людей, – холодно было в этом царстве призраков, царстве мертвых домов [Канушкин 2011: 19]. 4. Стук сердца стал теперь оглушительным. И не было в поезде никого. Перед ним стоял древний царь, мертвый и грозный [Канушкин 2011: 162]. 5. Мальчишкой я боялся ходить в одиночку по этим

	<i>коридорам</i> после наступления темноты [Павлов 2014: 575].
--	--